

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.Г. Рождественский

**Новооткрытый отрывок
апокрифического Евангелия
ап. Петра**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1894. № 1-2. С. 73-125.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Новооткрытый отрывок апокрифическаго Евангелія ап. Петра.

ПОСЛѢ Синайскаго манускрипта, открытаго въ 1859 году Тишендорфомъ, едва ли какое либо другое изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ многихъ новыхъ открытій въ области древне-христіанской литературы возбуждало въ ученыхъ богословскихъ сферахъ на западѣ такой живой, напряженный интересъ къ себѣ, какъ найденные Французскою Археологическою миссіею въ Каирѣ еще зимою 1886—87 года при раскопкахъ въ Акхимѣ (древнемъ Панополисѣ, въ верхнемъ Египтѣ), но лишь въ сентябрѣ прошедшаго (1892) года изданные теперешнимъ начальникомъ ег. Буріаномъ греческіе отрывки изъ Евангелія и Апокалипсиса ап. Петра и книги Еноха: *Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire sous la Direction de M. V. Bouriant. Tom. IX, fas. I: J. Baillet, Le Papyrus mathématique d'Akhmîm.—V. Bouriant, Fragments du text grek du livre d'Énoch et de quelques écrits attribués à Saint Pierre. Paris, Leroux, 1892.* Вслѣдъ за изданіемъ Буріана быстро начали появляться одно за другимъ въ Англій, Франціи и Германіи новыя изданія (главнымъ образомъ Евангелія и Апокалипсиса ап. Петра), необходимость которыхъ тѣмъ болѣе чувствовалась, что изданная Буріаномъ копія подлинника возбуждала во многихъ мѣстахъ справедливыя сомнѣнія относительно правильности его чтенія¹⁾. О новой интересной находкѣ имѣется въ настоящее время на западѣ

¹⁾ Въ настоящее время Миссіею сдѣлано уже изданіе манускрипта fac-simile: *Reproduction en héliogravure du manuscrit d'Énoch et des écrits attribués à S. Pierre avec introduction de M. A. Lods (Mémoires t. IX, fasc. 3, 1893)*; тотъ же самый текстъ въ отдельномъ отъ мемуаровъ изданіи: *L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre avec le text grec du livre d'Énoch. Text publié en fac-simile, par l'héliogravure, d'après les photographies du manuscrit de Gizéh. Paris, 1893.*

уже довольно значительная литература ¹⁾. Съ самаго же начала, впрочемъ, наибольшее вниманіе сосредоточило на себѣ Евангеліе Петра; критическому разбору его текста и содержанія посвящено большинство ученыхъ изслѣдованій, журнальныхъ статей и замѣтокъ. На немъ же, какъ на памятникѣ, наиболѣе дѣйствительно интересномъ какъ по своему особенному содержанію, такъ и по множеству вызываемыхъ этимъ содержаніемъ весьма важныхъ церковно-историческихъ вопросовъ, останавливаемся доколѣ и мы въ своихъ нижеслѣдующихъ замѣчаніяхъ.

Въ египетскихъ гробницахъ въ разное время найдено уже не мало драгоценныхъ для науки памятниковъ древности. Открытый въ Акхиміѣ пергаменный манускриптъ, въ которомъ, кромя отрывковъ трехъ названныхъ памятниковъ, помѣщается еще на двухъ послѣднихъ страницахъ отрывокъ мученическихъ актовъ св. Юліана, найденъ также при раскопкахъ на одномъ изъ древнихъ христіанскихъ кладбищъ, въ гробу, какъ полагаютъ, какого нибудь монаха ²⁾. Счастливый обладатель весьма рѣдкихъ, по всей вѣроятности, уже въ его время апокрифическихъ текстовъ пожелалъ, какъ видно, унести ихъ съ собою въ могилу. Полнаго текста всѣхъ

¹⁾ Обзоръ ея см. у А. Lods, *L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre* (Paris, 1893), p. 3—5; а также у Гебгардта, *Das Evangelium und die Apocalipse d. Petrus* (Leipzig, 1893), S. 37—41.

²⁾ Входить въ подробное описаніе вѣшняго вида рукописи, равно какъ разнаго рода палеографическихъ особенностей письма въ ней, считаемъ излишнимъ для нашей цѣли. Отметимъ лишь главнѣйшее: манускриптъ состоитъ изъ 34-хъ листовъ и представляетъ собою одну цѣльную тетрадь или книгу, листы которой, впрочемъ, отъ времени распались. На 1-й стр. (лицевой сторонѣ) въ неправильномъ четверугольникѣ изображенъ крестъ Коптской формы; на поперечной части его, на концахъ, начертаны кромя того малые кресты, а въ нижней половинѣ, по сторонамъ, А и Ω. Отрывки Евангелія и Апокалипсиса ап. Петра занимаютъ первые десять листовъ и написаны одною и тою же рукою, пенсусною, очевидно, въ каллиграфіи. Характеръ письма—нѣчто среднее между унциальнымъ и курсивнымъ шрифтомъ. Слѣдующіе за симъ на стр. 21—66 два большихъ отрывка кн. Еноха, равно какъ и на стр. 67—68 отрывокъ актовъ св. Юліана, написаны унциальнымъ шрифтомъ, неодинаковаго, впрочемъ, типа, рукою трехъ различныхъ писцовъ. Манускриптъ хранится въ настоящее время въ Гизскомъ музеѣ,—почему онъ и названъ Бурианомъ «le Manuscrit de Gizeh».—Вмѣстѣ съ манускриптомъ въ гробу же найденъ также и тотъ «papyrus mathématique» (записная счетная книга), который изданъ Baillet въ томъ же IX t. f. I *Memoires*, 1892 г.

трехъ апокрифовъ, очевидно, не существовало уже при самомъ написаніи ихъ въ манускриптѣ; въ рукопись рукою различныхъ писцовъ вписано то, что въ отрывочномъ лишь видѣ находилось и въ копированныхъ ими спискахъ. Это особенно ясно видно изъ отрывковъ Евангелія и Апокалипсиса ап. Петра. Отрывокъ Евангелія и начинается, и въ особенности оканчивается, совершенно *ex abrupto*; оканчивается онъ начальными словами фразы: *ὁν Κύριος...*; между тѣмъ, не говоря уже о стр. 11, 12 и 13, оставшихся неписанными, на той же 10 стр., на которой оканчивается отрывокъ, оставалось еще мѣсто по крайней мѣрѣ для трехъ строкъ. Мѣсто это въ рукописи занято довольно грубо сдѣланнымъ (тѣми же, что и въ текстѣ, чернилами) рисункомъ въ видѣ сплетенной ленты, съ тремя крестами на верху. Текстъ Апокалипсиса, начинаясь неопредѣленнымъ выраженіемъ: *πολλοὶ ἐξ αὐτῶν ἔσονται*, хотя и оканчивается вполне законченною фразою (*οὗτοι δὲ ἦσαν οἱ ἀφέντες τὴν ὁδὸν τοῦ θεοῦ*), но прерывается также на половинѣ строки, за которою удобно могла быть написана по крайней мѣрѣ еще одна строка ¹⁾.— Время написанія манускрипта Буріанъ полагаетъ между VIII—XII вѣками, основываясь на томъ, что мѣсто, гдѣ найденъ манускриптъ, было христіанскимъ некрополемъ въ этотъ періодъ времени ²⁾. Съ болѣею опредѣленною высказывается Гебгардтъ. По его мнѣнію, полагать происхожденіе манускрипта (собственно отрывковъ Евангелія и Апокалипсиса ап. Петра) ранѣе VIII в. едва ли можно; но нѣтъ также никакихъ основаній относить его къ IX вѣку; потому что въ послѣднемъ случаѣ вліяніе развившагося уже въ это время курсивнаго шрифта (*minuskel*) сказалось бы съ болѣею силою на характерѣ письма ³⁾.

Научная важность новооткрытыхъ текстовъ не подлежитъ

¹⁾ Догадку Lods'a, что будто бы въ текстѣ Апокалипсиса, за послѣдними вышеприведенными словами, можно примѣчать по фотографіи еще дальнѣйшія стершіяся слова, и что, слѣд., манускриптъ его, служившій оригиналомъ для переписчика, былъ полнѣе, чѣмъ настоящая копія, Гебгардтъ на основаніи своихъ фототипическихъ снимковъ отрицаетъ.

²⁾ A. Lods. a. a. O. p. 15.

³⁾ Das Evangelium und die Apocalypse des Petrus, S. 13—14. Къ VIII же вѣку и Lods относитъ оба, унциальнымъ шрифтомъ написанные, отрывка книги Епоха. Лишь отрывокъ актовъ св. Юліана восходитъ, можетъ быть, къ VII в.

сомнѣнію. И это нужно сказать не объ обширныхъ только отрывкахъ книги Еноха, но также и объ отрывкахъ Евангелія и Апокалипсиса ап. Петра. Относительно занимающаго насъ доколѣ Евангелія Петра церковно-историческая наука располагала доселѣ очень ограниченными свѣдѣніями. Главнымъ источникомъ для сужденія о немъ, о его происхожденіи и характерѣ, служилъ доселѣ передаваемый Евсевіемъ Кесарійскимъ отрывокъ изъ посланія Антиохійскаго епископа Серапіона (около 200 г.) къ христіанамъ одной изъ подвѣдомственныхъ ему церквей въ Киликіи, — именно церкви Росской (или Роской). На основаніи этого отрывка было извѣстно, что еще въ концѣ 2-го вѣка сочиненіе подъ именемъ Евангелія Петра (*κατὰ Πέτρον εὐαγγέλιον*) было извѣстно и пользовалось уваженіемъ среди *нѣкоторыхъ* христіанъ въ Сиріи (между прочимъ, среди нѣкоторыхъ членовъ Росской церкви), которыхъ Серапіонъ называетъ „докетами“ (*οὗς δοχητὰς καλοῦμεν*), но что составленіе его Серапіонъ приписывалъ не имъ, а нѣкоторой древнѣйшей ихъ (точно имъ неназываемой) еретической сектѣ. Относительно содержанія Евангелія въ отрывкѣ говорится, что хотя многое въ немъ согласно съ истиннымъ ученіемъ Спасителя, но нѣкоторыя изъ заповѣдей прибавлены (*τινὰ δὲ προσδιεσταλμένα*), — что и было указано Серапіономъ далѣе въ посланіи ¹⁾. Извѣстія, открываемыя у другихъ церковныхъ писателей, прибавляютъ очень немногое къ словамъ Серапіона. Такъ Оригенъ говоритъ, что нѣкоторые изъ христіанъ его времени считали братьевъ Иисуса Христа за сыновей Иосифа отъ первой жены его, „основываясь на преданіи въ Евангеліи Петра, или въ книгѣ Іакова“ ²⁾, къ самому мнѣнію Оригенъ относится съ полнымъ

¹⁾ Euseb., Hist. eccles. VI, 12 (ed. Dindorfius), p. 254—255. Нельзя не пожалѣть, что Евсевій ничего не сообщалъ изъ дальнѣйшаго содержанія посланія Серапіона, гдѣ рѣчь, очевидно, шла о вышеуказанныхъ *прибавкахъ* въ Евангеліи Петра къ ученію Спасителя. Но и изъ сообщаемого имъ отрывка ясно видно во всякомъ случаѣ, что почитатели Евангелія Петра были *докеты*, и что многія мысли въ этомъ Евангеліи согласовались съ такого рода ихъ вѣрованіями или ученіемъ. Найденный теперь въ Гизекскомъ манускриптѣ отрывокъ Евангелія вполне подтверждаетъ, какъ увидимъ далѣе, такую характеристику его у Серапіона.

²⁾ Comment. in Matth., Migne, Patrolog. Cursus compl., t. XIII, col. 876—77: τοὺς δὲ ἀδελφοὺς Ἰησοῦ πατὴρ τινὰς εἶναι, ἐκ παραδόσεως ὀρμόμενοι τοῦ ἐπιγεγραμμένου κατὰ Πέτρον εὐαγγελίου ἢ τῆς βίβλου Ἰακώβου, οἷοὺς Ἰωσήφ ἐκ πρώτερας

сочувствіемъ, какъ мнѣнію, охраняющему приснодѣвство св. Маріи, вполне сообразному даже и съ здравымъ разумомъ, но ни о происхожденіи, ни объ авторитетѣ названныхъ книгъ не говоритъ ничего.—Евсевій Кесарійскій, кромѣ сообщенія вышеуказаннаго отрывка Серапіона въ VI, 12, говоритъ о Евангеліи Петра еще въ двухъ мѣстахъ своей церков. исторіи и въ обоихъ случаяхъ ограничивается лишь общимъ сужденіемъ о немъ. Въ кн. III, 3, 2, указывая, кромѣ Евангелія, также и на другія подложныя писанія ап. Петра („Дѣянія“, „Проповѣдь“ и „Апокалипсисъ“) онъ замѣчаетъ вообще, что таковыхъ въ числѣ каѳолическихъ писаній отнюдь не предано, что никто изъ древнихъ, равно какъ и никто изъ современныхъ ему писателей не пользовался ихъ свидѣтельствомъ. Въ кн. III, 25, 6 сужденіе его строже: здѣсь Евангеліе Петра вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими причисляется уже прямо къ числу писаній, составленныхъ *еретиками* подъ именами апостоловъ, и потому непричисляемыхъ Евсевіемъ даже къ разряду *υόδα* (неподлинныхъ), но безусловно отвергаемыхъ имъ, какъ писанія совершенно „нелѣпныя и нечестивыя“ (ὡς ἄτοπα πᾶντῃ καὶ βουσεβῆ). Читалъ ли, однако, Евсевій самъ Евангеліе, или же въ своихъ сужденіяхъ о немъ основывался на свидѣтельствѣ другихъ,—трудно сказать съ опредѣленностію; болѣе вѣроятнымъ представляется послѣднее. Во всякомъ случаѣ его свидѣтельство о Евангеліи Петра нужно назвать послѣднимъ самостоятельнымъ свидѣтельствомъ о немъ. Блаж. Іеронимъ вкратцѣ повторяетъ лишь сказанное Евсевіемъ ¹⁾. Въ декретѣ папы Геласія (492—496) Евангеліе Петра отмѣчается просто, какъ апокрифическое, на ряду

γυναικός, συμφυχούσας ἀπὸ τῆς Μαρίας. Противъ высказываемой на основаніи этихъ словъ догадки, что Евангеліе Петра въ III в. изъ Сиріи перешло въ Египетъ, ничего возразить нельзя; Оригенъ же легко могъ познакомиться съ нимъ во время своего пребыванія въ Антиохіи (Euseb. H. E. VI, 21).

¹⁾ De viris illustr., cap. 1 (ed. Vallarsii, t. II, pars 1) col. 827: libri autem, e quibus unus Actorum ejus (Petri) inscribitur, alius Evangelii, tertius Praedicationis, quartus Apocalypseos, quintus iudicii, inter apocryphas scripturas repudiantur.—Cap. 41 (col. 883): et alium (composuit Serapion) de Evangelio, quod sub nomine Petri fertur, librum ad Rhosensem Ciliciae ecclesiam, quae in haeresim ejus lectione diverterat.

съ Евангеліями Матеѣи, Іакова, Варнавы и др. ¹⁾). Имѣется еще извѣстіе блаж. Θεодорита, что будто бы Евангеліе Петра было въ употребленіи у Назореевъ ²⁾); но справедливость этого извѣстія критикою отрицается, такъ какъ оно стоитъ въ противорѣчїи со всѣмъ, что намъ извѣстно изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ относительно Евангелій, употреблявшихся въ іудео-христіанскихъ обществахъ вообще, и въ частности у Назореевъ ³⁾).

Таковы были доселѣшнія свѣдѣнія о Евангеліи Петра. Если найденный теперь отрывокъ его и не открываетъ намъ какихъ-либо совершенно новыхъ данныхъ о немъ, то во всякомъ случаѣ даетъ возможность съ болѣею основательностію и точностію судить теперь о многомъ, что прежде высказывалось о немъ болѣе или менѣе предположительно, въ особенности объ отличительныхъ особенностяхъ его въ ряду другихъ апокрифическихъ евангелій. Главнѣйшій научный интересъ заключается, впрочемъ, въ тѣхъ выводахъ, какіе получаются изъ сравненія текста отрывка съ текстомъ нашихъ каноническихъ Евангелій. По отношенію къ Евангеліямъ каноническимъ апокрифическія евангелія имѣютъ, какъ извѣстно, то особенное между прочимъ значеніе, что своимъ легендарнымъ содержаніемъ они представляютъ хотя и косвенное, но весьма сильное свидѣтельство въ пользу непререкаемой исторической достовѣрности первыхъ; при сопоставленіи съ ними полнѣе и рѣзче выступаетъ также для всякаго безпристрастнаго читателя лежащая на подлинно-апостольскихъ Евангеліяхъ неизгладимая печать Духа Божія, глаголавшаго устами священныхъ писателей ихъ. Въ этомъ отношеніи новооткрытый отрывокъ Евангелія ап. Петра имѣетъ еще ту осо-

¹⁾ Zur Geschichte des Kanons, K. A. Credner (Halle, 1847): Decretum Gelasii de libris recipiendis et non recipiendis, S. 215; cf. Th. Zahn, Geschichte d. N. Kanons (Bd. 2, Half 1), SS. 259—267.

²⁾ Haeretic. fabularum compend. II, 2 (Migne t. 83): οἱ δὲ Ναζωραῖοι Ἰουδαῖοι εἰσὶν τὸν Χριστὸν τιμῶντες ὡς ἄνθρωπον δίκαιον καὶ τῷ καλομένῳ κατὰ Πέτρον εὐαγγέλιῳ χειρημένοι.

³⁾ См. замѣчанія у Цана: Geschichte d. N. Kanons, Bd. 2, Half. 2, abth. 2, S. 743. Гольцманъ, впрочемъ, вѣритъ извѣстію Θεодорита, по лишь потому, что опъ самъ ошибается, считая Евангеліе Петра за одну изъ многихъ переработокъ Евангелія Евреевъ (см. его Lehrbuch der historisch-kritischen Einleitung in d. N. Testament, Freiburg, Aufl. 2, 1886, S. 538).

бенную важность, что тогда какъ отъ большей части другихъ апокрифическихъ Евангелій до насъ дошли лишь совершенно отрывочные стихи или изреченія (а многія извѣстны только по имени), здѣсь—въ отрывкѣ мы имѣемъ, напротивъ, хотя и незначительное также по объему, но послѣдовательное описаніе цѣлаго ряда событій изъ жизни Христа Спасителя, —именно суда надъ Нимъ (впрочемъ, уже конца его), распятія, погребенія и воскресенія, такъ что сравненіе съ повѣствованіемъ каноническихъ Евангелій здѣсь возможно не со стороны только содержанія, но и самой *формы* повѣствованія (языка, изложенія),—что также весьма важно для правильной и всесторонней оцѣнки всякаго литературнаго памятника.

Для ясности дѣла, а вмѣстѣ и для удобства тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы чрезъ непосредственное знакомство съ содержаніемъ отрывка провѣрить справедливость послѣдующихъ замѣчаній нашихъ о немъ, приводимъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ и подлинный, греческій текстъ его. Текстъ приводится по изданію *О. фонъ-Гебгардта*, который, не довольствуясь и вторичнымъ, en fac-simile, изданіемъ его въ „Мемуарахъ“ Каирской археологической миссіи, сдѣлалъ еще фототипическіе снимки съ фотографіи Гизехскаго манускрипта и на основаніи ихъ провѣрилъ и исправилъ (не вездѣ, впрочемъ, удачно) нѣкоторыя изъ трудныхъ, спорныхъ чтеній подлинника ¹⁾. Въ дѣленіи рукописнаго текста на главы и стихи Гебгардтъ слѣдуетъ въ первомъ случаѣ изданію *Робинсона* ²⁾, во второмъ—*Гарнака* ³⁾. Въ примѣчаніяхъ мы отмѣчаемъ лишь тѣ изъ разностей въ чтеніи подлинника различными учеными, которыя касаются самаго смысла рѣчи.

¹⁾ Das Evangelium und die Apocalypse des Petrus (Leipz. 1893). Къ изданію приложены и фототипическіе снимки или таблицы, наглядно знакомящія читателя со всеми особенностями манускрипта.

²⁾ The Gospel according to Peter, and the Revelation of Peter. Ed. 2, London, 1892. Въ дѣленіи на главы мы позволили себѣ отступленіе отъ Робинсона, вмѣсто 14 раздѣливъ текстъ отрывка лишь на 11-ть главъ.

³⁾ Bruchstücke des Evangeliums und der Apokalypse des Petrus. Leipz. 1893; Aufl. 2. Leipz. 1893.

1. *** τῶν δὲ Ἰουδαίων οὐδεὶς ἐνίψατο τὰς χεῖρας, οὐδὲ Ἡρώδης οὐδὲ τις τῶν κριτῶν αὐτοῦ. καὶ μὴ ¹⁾ βουλευθέντων (αὐτῶν) νίψασθαι ἀνέστη Πειλάτος. 2. καὶ τότε κελεύει Ἡρώδης ὁ βασιλεὺς παραλημφθῆναι τὸν κύριον, εἰπὼν αὐτοῖς ὅτι Ὅσα ἐκέλευσα ὑμῖν ποιῆσαι αὐτῷ ποιήσατε.

2. 3. Ἰστῆκει δὲ ἐκεῖ Ἰωσήφ ὁ φίλος Πειλάτου καὶ τοῦ κυρίου, καὶ εἰδὼς ὅτι σταβρώσειν αὐτὸν μέλλουσιν, ἦλθεν πρὸς τὸν Πειλάτον καὶ ἤτησε τὸ σῶμα τοῦ κυρίου πρὸς ταφήν. 4. καὶ ὁ Πειλάτος πέμψας πρὸς Ἡρώδην ἤτησεν αὐτοῦ τὸ σῶμα, 5. καὶ ὁ Ἡρώδης ἔφη Ἀδελφε Πειλάτε, εἰ καὶ μὴ τις αὐτὸν ἤτηκει, ἡμεῖς αὐτὸν ἐθάπτομεν, ἐπεὶ καὶ σάββατον ἐπιφώσκει, γέγραπται γὰρ ἐν τῷ νόμῳ ἵλιον μὴ δῶναι ἐπὶ περσ-

1. ...изъ Иудеевъ же никто не умылъ руки, ни Иродъ (и) никто изъ судей Его; и такъ какъ они не хотѣли умыться, Пилатъ всталъ. 2. И тогда Иродъ царь повелѣваетъ взять Господа, сказавъ имъ (Иудеямъ): что я повелѣлъ вамъ сдѣлать съ Нимъ, сдѣлайте.

2. 3. Былъ же тамъ Иосифъ, другъ Пилата и Господа, и видя, что они хотятъ распять Его, пошелъ къ Пилату и просилъ тѣло Господа для погребенія. 4. И Пилатъ, пославъ къ Ироду, просилъ у него тѣло. 5. И Иродъ сказалъ: братъ Пилатъ, если бы и никто не просилъ о Немъ, мы Его погребли бы, поелику и суббота разсвѣтаетъ: ибо написано въ законѣ: солнце

¹⁾ Въмѣсто καὶ μὴ какъ самъ Бурианъ, такъ вслѣдъ за нимъ и нѣкоторые другіе ученые (Bensly, Schubert) читаютъ: καὶ (τῶν), Zahn—καὶ τίνων. Въ самомъ манускриптѣ. вслѣдствіе порчи пергамента въ этомъ мѣстѣ, видима одна лишь буква κ. Всѣ три чтенія, слѣд., суть не болѣе, какъ *конъектуры* (чтенія, возстановляемые лишь по догадкѣ). Гебгардтъ съ рѣшительностію стоитъ, однако, за чтеніе καὶ μὴ, принимаемое, замѣтимъ, большинствомъ ученыхъ, такъ какъ помимо,—какъ говорить онъ,—нѣкоторыхъ сохранившихся чертъ (Überresten), говорящихъ за μὴ, недоставало и мѣста для написанія τῶν (см. его призмѣчанія къ Taf. II. S. 15—16, A. 1). Въ пользу чтенія: καὶ (τῶν) βουλευθέντων подкупаетъ глав. обр. та мысль, какая получается при этомъ чтеніи,—мысль сама по себѣ хотя и маловѣроятная, но совершенно въ духѣ или во вкусѣ автора псевдо-евангелія. Весьма возможно, что, желая не только снять съ Пилата упрекъ въ *лицемѣрномъ* умовеніи имъ рукъ предъ народомъ (Мѣ. XXVII, 24), но и выставить еще этотъ поступокъ его, какъ *символъ дѣйствительной чистоты и невинности* его, авторъ и придумалъ такого рода сцену, что будто бы умыть руки *хотѣли* также и иудеи, но не *могли*, потому что въ исполненіи этого священнаго, по совершенно *лицемѣрнаго* съ ихъ стороны, акта воспрепятствовали имъ Пилатъ, послужившій въ этомъ случаѣ орудіемъ якобы явнаго суда Божія надъ врагами І. Христа. Такъ понимаетъ слова автора псевдо-евангелія Шүбертъ, защищающій правильность чтенія: καὶ (τῶν) βουλευθέντων (Die Composition des pseudopetrinischen Evangelien-fragments, Hans von Schubert, Berlin, 1893, S. 2—3; см. также его замѣчанія противъ чтенія καὶ μὴ S. 5, A. 1).

νευμένω¹⁾. καὶ παρέδωκεν αὐτὸν τῷ λαῷ πρὸ μιᾶς τῶν ἡμέρων, τῆς ἑορτῆς αὐτῶν.

3. 6. Οἱ δὲ λαβόντες τὸν κύριον ᾧθουν αὐτὸν τρέχοντες καὶ ἔλεγον Σύρωμεν²⁾ τὸν υἱὸν τοῦ

не должно заходить надъ убитымъ; и предать Его народу предъ первымъ днемъ оирѣсноковъ, праздника ихъ

3. 6. Они же, взявъ Господа, толкали Его, бѣжа (за Нимъ) и говорили: (вотъ) вла-

¹⁾ По всей вѣроятности, авторъ Псевдо-евангелія имѣеть въ виду какъ здѣсь, такъ и въ ст. 15, слова Втор. XXI, 22—23 (ср. Inc. II., VIII, 29; X, 27).

²⁾ Что пужно дѣйствительно читать σύρωμεν, а не εὑρωμεν, какъ первоначально ошибочно прочиталъ Буринъ, тѣмъ болѣе—не ἀρωμεν или αἴρωμεν, κωρωμεν и пр., какъ, исправляя ошибку Бурiana, предлагали потомъ читать другіе ученые,—въ этомъ ясно можно убѣдиться особенно по фототипическому снимку текста рукописи у Гебгардта. Конъектура англійскаго ученаго Харриса оправдалась въ этомъ случаѣ вполне. Но и ясно видимое теперь въ манускриптѣ σύρωμεν (сослагат. нак.), по мнѣнію Гебгардта, требуетъ также исправленія на σύρωμεν (изъявит. нак.) по слѣдующимъ основаніямъ: 1) писецъ рукописи перѣдко и въ другихъ случаяхъ смѣшиваетъ ω и ο; пишетъ одну букву вмѣсто другой, и 2) такъ какъ выше было уже сказано, что «взвизніе Господа (іудей) толкали Его, бѣжа (за Нимъ), то не было нужды въ какомъ-либо еще вызовѣ или приглашеніи къ насилію надъ Нимъ («повлечемъ» или «потащимъ» Сына Божія и пр.). Передаваемые здѣсь слова мучителей Господа пужно, по Гебгардту, понимать, какъ слова, обращенныя къ пародной толпѣ или зрителямъ, стоявшимъ на пути: «вотъ—смотрите, мы влачимъ Сына Божія» (Gebhardt, a. a. O. S. 17—18). Такъ, согласно съ чтеніемъ и объясненіемъ Гебгардта, мы и переводимъ слова псевдо-евангелія. Заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія и другая догадка, предлагаемая Шубертомъ, для объясненія той неясности разсматриваемаго мѣста, какая неизбежно, дѣйствительно, оказывается при чтеніи σύρωμεν. Шубертъ подозреваетъ, что въ томъ источникѣ, которымъ, между прочимъ, пользовался авторъ псевдо-Евангелія, стояло διασύρωμεν (διασύρειν=поносить, ругать, насмѣхаться), но что онъ «глухо или легкомысленно» измѣнилъ его на σύρωμεν,—п так. обр. искажилъ смыслъ передаваемаго. Въ оправданіе такого своего мнѣнія Шубертъ указываетъ 1) на параллельное мѣсто у Іустина мученика (Apol. I, 35: διασύροντες αὐτὸν ἐκείθεν ἐπὶ βήματος; 2) на то, что далѣе у автора слѣдуетъ именно описаніе насмѣшекъ надъ І. Христомъ, и 3) что въ Евангеліи Петра очень часто стоятъ простые глаголы тамъ, гдѣ по каповическимъ параллелямъ надобно было бы ожидать сложныхъ (напр. ст. I: ἐνψατε, МѠ. XXVII, 24: ἀν—(ἀπ—?); ст. 3: ἤλαθεν, МѠ. XXVII, 58 и парал. προς—εις—; ст. 6: λαβόντες, МѠ. XXVII, 27 παρα—, и др.) (Schubert, a. a. O. S. 16—17, 36). Важности всѣхъ этихъ основаній не признавать нельзя; но Шубертъ самъ же совершенно ослабляетъ ихъ значеніе, указывая въ примѣч. на S. 16, что въ апокрифическомъ словоупотребленіи compositi (διασύρειν), какъ и simpr. (σύρειν), одинаково (прошл.-сие) употребляются въ собственномъ смыслѣ («таскать», «влачить»), а не въ фигуральномъ («поносить» «ругать»), что и авторъ PE, поэтому, могъ предлежавшее ему и въ фигуральномъ смыслѣ употребленное compr. (διασύρωμεν) понять въ смыслѣ собственномъ и замѣнить его чрезъ simpr. (σύρωμεν). Слѣд., будемъ ли читать δια-

θεοῦ ἐξουσίαν αὐτοῦ ἐσχηκότες.
 7. καὶ πορφύραν αὐτὸν περιέβα-
 λον καὶ ἐκάθισαν αὐτὸν ἐπὶ κα-
 θέδραν κρίσεως λέγοντες Δικαίως
 κρίνε, βασιλεῦ τοῦ Ἰσραήλ.
 8. καὶ τινες αὐτῶν ἐνεγκὼν στέ-
 φανον ἀκάνθινον ἔθηκεν ἐπὶ τῆς
 κεφαλῆς τοῦ κυρίου, 9. καὶ ἕτε-
 ροὶ ἐστῶτες ἐνεπτυσαν αὐτοῦ ταῖς
 ὄψεσι καὶ ἄλλοι τὰς σιαγόνας αὐτοῦ
 ἐράπισαν, ἕτεροι καλὰ μω ἔνυσσαν
 αὐτὸν καὶ τινες αὐτὸν ἐμάστιζον
 λέγοντες Ταύτη τῇ τιμῇ τιμήσω-
 μεν τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ.

4. 10. Καὶ ἤνεγκαν δύο κα-
 κούργους καὶ ἐσταύρωσαν ἀνὰ μέ-
 σον αὐτῶν τὸν Κύριον· αὐτὸς δὲ
 ἐσιώπα ὡς μηδένα πόνον ἔχων.
 11. καὶ ὅτε ὠρθῶσαν τὸν σταυ-
 ρὸν ἐπέγραψαν ὅτι Οὗτός ἐστιν
 ὁ βασιλεὺς τοῦ Ἰσραήλ. 12. καὶ
 τεθεικότες τὰ ἐνδύματα ἐμπρο-
 σθεν αὐτοῦ διμερίσαντο, καὶ
 λαχμὸν ἔβαλον ἐπ' αὐτοῖς. 13. εἰς
 δὲ τις τῶν κακούργων ἐκείνων
 ὠνειδίσειεν αὐτοῦ λέγων Ἡμεῖς
 διὰ τὰ κακὰ, ἃ ἐποιήσαμεν, οὕτω
 πεπόνθαμεν, οὗτος δὲ σωτὴρ γε-
 νόμενος τῶν ἀνθρώπων τί ἠδί-
 κησεν ὑμᾶς; 14. καὶ ἀγανακτή-
 σαντες ἐπ' αὐτῷ ἐκέλευσαν, ἵνα
 μὴ σκελοκοπηθῆ, ὅπως βασανίζο-
 μενος ἀποθάνῃ.

5. 15. Ἦν δὲ μεσημβρία, καὶ
 σκότος κατέσχε πᾶσαν τὴν Ἰου-
 δαίαν· καὶ ἐθρομβοῦντο καὶ ἠγω-
 νίων μήποτε ὁ ἥλιος ἕδω, ἐπειδὴ

чимъ мы Сына Божія, полу-
 чивъ власть пады Нимъ, 7. и
 облекли Его въ порфиру и
 посадилн Его на судейскую
 кафедру, говоря: суди (насъ)
 праведно, царь Израильскій;
 8. и одинъ изъ нихъ, принеся
 терновый вѣнецъ, возложилъ
 на главу Господа; 9. и нѣко-
 торые, стоявшіе (около), пле-
 вали Ему въ лицо, а другіе
 били Его по ланитамъ; нѣко-
 торые ударяли Его тростни-
 ковою палкою, а нѣкоторые
 бичевали Его, говоря: вотъ
 какую честію чтимъ мы Сына
 Божія!

4. 10. И привели двухъ зло-
 дѣевъ и распяли посреди ихъ
 Господа; Онъ же молчалъ,
 какъ бы не испытывавшій ни-
 какого страданія; 11. и когда
 поставили крестъ, написали
 (на немъ): Сей есть Царь
 Израильскій; 12. и положивъ
 одежды (Его) предъ Нимъ,
 дѣлили между собой и бро-
 сали жребій о нихъ; 13. одинъ
 же изъ злодѣевъ тѣхъ поно-
 силъ ихъ, говоря: мы стра-
 даемъ такъ за то зло, кото-
 рое совершили, сей же, со-
 дѣлавшійся Спасителемъ по-
 дей, что худаго сдѣлалъ вамъ?
 14. И они, разгнѣвавшись на
 него, повелѣли не перебивать
 ему голеней, чтобы онъ умеръ
 въ большихъ мученіяхъ.

5. 15. Былъ же полдень, и
 тьма объяла всю Іудею; и они
 были въ страхъ и смущеніи,
 не зашло ли уже солнце, по-

ἔτι ἕξῃ. γέγραπται (γὰρ) αὐτοῖς ἥλιον μὴ δῶναι ἐπὶ πεφρονεμένῳ¹⁶. καὶ τις αὐτῶν εἶπεν Ποτίσατε αὐτὸν χολήν μετὰ ὄξους· καὶ κεράσαντες ἐπότισαν. 17. καὶ ἐπλήρωσαν πάντα καὶ ἐτελείωσαν κατὰ τῆς κεφαλῆς αὐτῶν τὰ ἁμαρτήματα. 18. περιέρχοντο δὲ πολλὰ μετὰ λύχνων (καὶ) νομίζοντες ὅτι νύξ ἐστιν ἀνεπαύσαντο¹⁾ 19. καὶ ὁ κύριος ἀνεβόησε

елику Онъ (Иисусъ) былъ еще живъ; ибо написано имъ: солнце не должно заходить надъ убитымъ; 16. и одинъ изъ нихъ сказалъ: напоите Его желчью съ уксусомъ; и смѣшавъ, напоили 17. и исполнили все и довершили надъ главами своими грѣхъ (свои); 18. многіе же (въ окрестности) ходили со свѣтильниками, и

1) Хотя мы и оставили неприкосновеннымъ чтеніе Гебгардта: «ἀνεπαύσαντο», равно какъ передали и въ переводѣ ту мысль, какую опъ при этомъ находить у автора Р. Е., во правильнымъ мы не признаемъ ни того, ни другого. И новая копьектура его также неудачна, какъ и ранѣе имъ же предложенная: ἔπαισαν τε (отъ παίω, = играть, шутить, насмѣхаться). Что слово: ἐπέσαντο исправлено рукою писца изъ ἐπέσαντο, — это есть лишь воображаемая догадка Гебгардта (см. его примѣч. къ Taf. IV, S. 23). Несомнѣнно, что, сдѣлавъ въ началѣ слова какую-то опіску, писецъ исправилъ еѣ, — и въ исправленномъ видѣ слово ясно читается, какъ ἐπέσαντο; исправлять его, поэтому, на какое-либо другое слово какъ ἐξίσταντο (Redpath) или ἔπαισαν (отъ παίω = бить, ударять, Hilgenfeld) или ἔπτασαν (Hoffman), точно также какъ и на ἐπέσαντο (Гебгардтъ), мы не имеемъ права. Затрудненіе представляетъ одна лишь необычайность формы ἐπέσαντο. Стоитъ ли здѣсь το вм. τε, или сдѣлана писцомъ какая-либо другая опіска, — трудно сказать: но во всякомъ случаѣ не будетъ ни малѣйшею натяжкою читать вм. ἐπέσαντο — ἐπέσαν (Робинсонъ и Цапъ — ἐπέσαν τε; Шубертъ: ἐπέσαν. τότε) и переводить ст. 18 такъ: «многіе же (въ окрестности) ходили со свѣтильниками, думая, что наступила ночь, (и) *падали*», Робинсонъ видитъ въ этихъ словахъ автора вліяніе Іоан. 18, 3, 6, а также Псалм. 59, 10: καὶ παρόντα ἐν μεσημβρίᾳ ὡς ἐν μεσονυκτίῳ (ср. ст. 15 μεσημβρία) Такого рода мысль, разсматриваемая сама по себѣ, отдѣльно, не невѣроятна. Возможно, что авторъ хотѣлъ именно парировать картину, какъ люди, въ смятеніи и страхѣ отъ внезапно наступившей среди полудня тьмы, не могли даже ходить, спотыкались, падали. Но еще болѣе вѣроятною представляется намъ та мысль, какую находятъ въ разсматриваемомъ стихѣ Шубертъ и Лодсъ. По мнѣнію перваго (какъ, впрочемъ, и Гебгардта и др.), ирр. νομίζοντες нужно относить не къ первой, а ко второй половинѣ стиха: не потому, конечно, многіе ходили со свѣтильниками, что *думали*, будто-бы наступила ночь, а потому, что было темно; ложная мысль о наступленіи ночи могла, напротивъ, послужить поводомъ къ такому лишь дѣйствию, которое естественно могло вытекать изъ такого рода заблужденія; и такимъ дѣломъ могло быть то, что многіе сядились (собственно — *ложились*) за столъ, для яденія именно пасхальнаго агнца, вкушеніе котораго, и по автору всево-евангелія, падало на вечеръ пятницы. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, полагаетъ Шубертъ, *simul.* ἐπέσαν употребленъ авторомъ вм. *compos.* ἀπέεσαν (ср. Мѣ. XV, 35; Лук. XI, 37; XXII, 14; Іоан. XIII, 12; XXI, 20 и др.). При такомъ чтеніи не только получается, дѣйствительно, вполне

λέγων Ἡ δύναμις μου, ἡ δύναμις κατέλειψάς με. καὶ εἰπὼν ἀνελήφθη. 20. καὶ αὐτῇ (τῇ) ὥρᾳ διεράγη τὸ καταπέτασμα τοῦ ναοῦ τῆς Ἱερουσαλῆμ εἰς δύο.

6. 21. Καὶ τότε ἀπέσπασαν τοὺς ἥλους ἀπὸ τῶν χειρῶν τοῦ κυρίου καὶ ἔθηκαν αὐτὸν ἐπὶ τῆς γῆς· καὶ ἡ γῆ πᾶσα ἐσεισθη καὶ φόβος μέγας ἐγένετο. 22. τότε ἥλιος ἔλαμψε καὶ εὐθρέθη ὥρα ἐνάτη. 23. ἐχάρησαν δὲ οἱ Ἰουδαῖοι καὶ δεδώκασιν τῷ Ἰωσήφ τὸ σῶμα αὐτοῦ ἵνα αὐτὸ θάψῃ, ἐπειδὴ θεασάμενος ἦν ὅσα ἀγαθὰ ἐποίησεν. 24. λαβὼν δὲ τὸν κύριον ἔλουσε καὶ ἐνείλησε σινδόνι, καὶ εἰσέγαγεν εἰς ἴδιον τάφον καλοῦμενον Κῆπον Ἰωσήφ.

думая, что уже почь, отправлялись на покой (т. е. ложились спать); 19. И Господь воскликнуть громкимъ голосомъ, говоря: „Сила Моя, сила, оставила Меня“, и сказавъ (это), вознесся: 20. и въ тотъ часъ завѣса храма Иерусалимскаго раздралась на двое.

6. 21. И тогда вынули гвозди изъ рукъ Господа и положили Его на землю; и вся земля потряслась и былъ великій страхъ; 22. тогда засіяло солнце, и оказалось, что былъ (еще) девятый часъ (т. е. третій часъ пополудни); 23. иудеи же возрадовались и отдали Иосифу тѣло Его, чтобы онъ похоронилъ Его, поелику онъ (Иосифъ) былъ очевидцемъ, сколько добрыхъ дѣлъ совершилъ Онъ (Исусъ); 24. взявъ же Господа, онъ омылъ (Его) и обвилъ плащаницею и отнесъ въ собственный гробъ, называемый садомъ Иосифа.

ясная мысль, но совершенно понятна также и руководившая авторомъ при этомъ особая тенденція—показать именно, что І. Христосъ, какъ истинный пасхальный Агнецъ (Пасха наша—1 Кор. V, 7), умеръ на крестѣ въ то самое время, когда и іудеи сядились за столъ для екушенія пасхальнаго агнца (непосредственно за симъ, въ ст. 19, говорится именно о смерти І. Христа.) Такъ образ., ст. 18-й нужно переводить такъ: «многіе же (въ окрестности) ходили со свѣтильниками (т. е. зажгли свѣтильники, ходили, чтобы приготовить все нужное для празднованія пасхи), (и) думая, что наступила почь, сядились за столъ (чтобы ѣсть пасху)». Приводимыя Шубертомъ въ цит. сочиненіи (SS. 39) по поводу этого мѣста нѣкоторые замѣчанія и справки изъ сочиненій св. Иринея (Adv. haer. IV, 10, 1) и въ особенности Тертуліана (Adv. Iud. cap. 8 и 10) заслуживаютъ вообще полнаго вниманія. Ту же самую догадку (еще раньше Шуберта) относительно значенія слова ἐπέσαντο высказалъ А. Lods (L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre, p. 37): но вм. ἀπέσαντο онъ читаетъ: καὶ ἀνεπέσαντο, относи прич. νόμιζοντες не ко второй, а къ первой половинѣ стиха. Почему именно онъ находитъ болѣе правильнымъ такое чтеніе, разъясненія не дано.

7. 25. Τότε οἱ Ἰουδαῖοι καὶ οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ ἱερεῖς γνόντες οἷον κακὸν ἑαυτοῖς ἐποίησαν ἤρξαντο κόπτεσθαι καὶ λέγειν Οὐαὶ ταῖς ἀμαρτίαις ἡμῶν ἤγγισεν ἡ κρίσις καὶ τὸ τέλος Ἰερουσαλήμ. 26. ἐγὼ δὲ μετὰ τῶν ἐταίρων μου ἐλυπούμην, καὶ τετρωμένοι κατὰ διάνοιαν ἐκρυβόμεθα. ἐζητούμεθα γὰρ ὑπὲρ αὐτῶν ὡς κακοῦργοι καὶ ὡς τὸν ναὸν θέλοντες ἐμπρῆσαι. 27. ἐπὶ δὲ τούτοις πᾶσιν ἐνηστεύομεν καὶ ἐκαθεζόμεθα πενθοῦντες καὶ κλαίοντες νυκτὸς καὶ ἡμέρας ἕως τοῦ σαββάτου.

8. 28. Συναχθέντες δὲ οἱ γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι καὶ πρεσβύτεροι πρὸς ἀλλήλους ἀκούσαντες, ὅτι ὁ λαὸς ἅπας γογγύζει καὶ κόπτεται τὰ στήθη λέγοντες ὅτι εἰ τῷ θανάτῳ αὐτοῦ ταῦτα τὰ μέγιστα σημεῖα γέγονεν, ἴδετε ὅποσον δίκαιός ἐστιν. 29. ἐφοβήθησαν καὶ ἦλθον πρὸς Ηειλᾶτον δεόμενοι αὐτοῦ καὶ λεγοντες 30. Παράδος ἡμῖν στρατιώτας ἵνα φυλάξωμεν τὸ μνήμα αὐτοῦ ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας, μήποτε ἐλθόντες οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ κλεψωσιν αὐτὸν καὶ ὑπολάβῃ ὁ λαὸς ὅτι ἐκ νεκρῶν ἀνέστη, καὶ ποιήσωσιν ἡμῖν κακὰ. 31. ὁ δὲ Ηειλᾶτος παραδέδωκεν αὐταῖς Πετρῶνιον τὸν κεντυρίωνα μετὰ στρατιωτῶν φυλάσσειν τὸν τάφον. καὶ σὺν αὐτοῖς ἦλθον πρεσβύτεροι καὶ γραμματεῖς ἐπὶ τὸ μνήμα 32. καὶ κυλίσαντες λίθον μέγαν μετὰ τοῦ κεντυρίωνος καὶ τῶν στρατιωτῶν ὁμοῦ πάντες οἱ ὄντες ἐκεῖ ἔδηξαν ἐπὶ τῇ θύρᾳ τοῦ μνήματος. 33. καὶ ἐπέχρισαν

7. 25. Тогда Иудеи и старѣйшины и священники, увидѣвъ, какое зло причинили они себѣ самимъ, начали бить себя (въ грудь) и говорить: Горе (намъ) за грѣхи наши; приблизился судъ и конецъ Иерусалиму! 26. Я же съ товарищами своими былъ въ печали, и мы, подавленные душевно, скрывались; ибо они разыскивали насъ, какъ злодѣевъ, и какъ хотящихъ сжечь храмъ; 27. вслѣдствіе же всего этого мы постились и спѣли въ печали и слезахъ ночь и день до субботы.

8. 28. Книжники же и фарисеи и старѣйшины, собравшись вмѣстѣ (и) услышавъ, что весь народъ ропщетъ и ударяетъ себя въ грудь, говоря: если во время смерти Его были такія великія знаменія, видите, сколь праведенъ Онъ, 29. испугались и пришли къ Пилату, прося его и говоря: 30. дай намъ воиновъ, чтобы охранять гробъ Его въ теченіе трехъ дней, чтобы какъ-нибудь ученики Его, пришедши, не украли Его и народъ не повѣрилъ, что Онъ изъ мертвыхъ воскресъ, и не сдѣлали намъ зла. 31. Пилатъ же далъ имъ Петронія сотника съ воинами, чтобы охранять гробъ; и съ ними пошли ко гробу старѣйшины и книжники. 32. и все вмѣстѣ бывшіе тамъ съ сотникомъ и воинами, приваливъ большой камень, положили на дверь гроба;

ἐπὶ τὰ σφραγῖδας, καὶ σκηρὴν ἐκεῖ
πήξαντες ἐφύλαξαν.

9. 34. Πρωίᾳ δὲ ἐπιφώσκοντος
τοῦ σαββάτου ἦλθεν ὄχλος ἀπὸ
Ἱερουσαλὴμ καὶ τῆς περιχώρου
ἵνα ἴδωσι τὸ μνημεῖον ἐσφραγισ-
μένον. 35. τῇ δὲ νυκτὶ ἣ ἐπέ-
φωσκεν ἡ κυριακὴ, φυλασσόντων
τῶν στρατιωτῶν ἀνὰ δύο δύο
κατὰ φρουράν. μεγάλη φωνὴ ἐγένε-
το ἐν τῷ οὐρανῷ. 36. καὶ εἶδον
ἀνοιχθέντας τοὺς οὐρανοὺς καὶ
δύο ἀνδρας καταλθόντας ἐκεῖθεν
πολὸν φόγγος ἔχοντας καὶ ἐγγίσαν-
τας τῷ τάφῳ. 37. ὁ δὲ λίθος
ἐκεῖνος ὁ βεβλημένος ἐπὶ τῇ θύ-
ρᾳ ἀφ' ἑαυτοῦ κυλισθεὶς ἀπεχώ-
ρησε παρὰ μέρος, καὶ ὁ τάφος
ἠνοιγῆ καὶ ἀμφοτέροι οἱ νεανίσ-
κοι εἰσῆλθον. 38. ἰδόντες οὖν οἱ
στρατιῶται ἐκεῖνοι ἐξύπνισαν τὸν
κεντυρίωνα καὶ τοὺς πρεσβυτέ-
ρους· παρῆσαν γὰρ καὶ αὐτοὶ φυ-
λάσσοντες. 39. καὶ ἐξηγουμένων
αὐτῶν ἃ εἶδον πάλιν ὁρῶσιν ἐξελ-
θόντας ἀπὸ τοῦ τάφου τρεῖς ἀν-
δρας, καὶ τοὺς δύο τὸν ἕνα ὑπορ-
θούτας καὶ σταυρὸν ἀκολουθοῦντα
αὐτοῖς, 40. καὶ τῶν μὲν δύο τὴν
κεφαλὴν χωροῦσαν μέχρι τοῦ
οὐρανοῦ, τοῦ δὲ χειραγωγουμέ-
νου ὑπ' αὐτῶν ὑπερβαίνουσαν
τοὺς οὐρανοὺς. 41. καὶ φωνῆς
ἴκουσιν ἐκ τῶν οὐρανῶν λεγού-
σης Ἐκχύρξας τοῖς κοιμωμένοις;
42. καὶ ὑπακοὴ ἠκούετο ἀπὸ τοῦ
σταυροῦ, τὸ Ναί. 43. συνεσκέπ-
τοντο οὖν ἀλλήλοις ἐκεῖνοι ἀπελ-
θεῖν καὶ ἐμφανίσει ταῦτα τῷ Πει-
λάτῳ. 44. καὶ ἐτι διανοουμένων
αὐτῶν φαίνονται πάλιν ἀνοιχθέν-
τες οἱ οὐρανοὶ καὶ ἀνθρώπος τις
καταλθὼν καὶ εἰσελθὼν εἰς τὸ
μνήμα. 45. ταῦτα ἰδόντες οἱ περὶ

33. и запечатали семью печат-
ями, и устроивъ тамъ палат-
ку, стерегли (гробъ).

9. 34. Утромъ же рано, когда
разсвѣтала суббота, при-
шелъ народъ изъ Иерусалима
и окрестностей, чтобы видѣть
запечатанный гробъ; 35. въ ту
же ночь, въ которую рассвѣ-
таль *первый день недели*
(день воскресный), въ то вре-
мя, когда воины по-двое сто-
яли на стражѣ, громкій го-
лосъ раздался на небѣ; 36. и
увидѣли отверзтыя небеса и
двухъ мужей въ яркомъ сѣяніи
сошедшихъ оттуда и прибли-
зившихся ко гробу; 37. камень
же тотъ, приваленный къ дже-
ри, отвалившись самъ собою,
мало по малу удалился въ
сторону, и гробъ открылся и
оба юноши вошли (туда);
38. итакъ, увидѣвъ это, воины
разбудили сотника и старѣй-
шинъ, ибо и они были въ чи-
слѣ стрегущихъ; 39. и когда
они рассказывали то, что ви-
дѣли, снова видятъ трехъ му-
жей, выходящихъ изъ гроба,
при чемъ два поддерживаютъ
одного и крестъ слѣдуетъ за
ними; 40. и голова двоихъ до-
ходила до неба, голова же ве-
домаго ими подъ руки про-
стиралась выше небесъ; 41. и
голосъ слышали съ небесъ, го-
ворящій: проповѣдайте ты усоп-
шимъ? 42. и былъ слышенъ
отвѣтъ съ креста: да; 43.
итакъ они (т. е. стрегущіе) раз-
суждали между собою, чтобы
идти и объявить объ этомъ
Пилату; 44. и когда они еще
размышляли, снова являются

τὸν κεντυρίωνα νυκτὸς ἔσπευσαν πρὸς Πειλάτον, ἀφέντες τὸν τάφον ὃν ἐφύλασσον. καὶ ἐξηγήσαντο πάντα ἅπερ εἶδον, ἀγωνιώντες μεγάλως καὶ λέγοντες Ἀληθῶς υἱὸς ἦν θεοῦ. 46. ἀποκριθεὶς ὁ Πειλάτος ἔφη Ἐγὼ καθαρῶς τοῦ αἵματος τοῦ υἱοῦ τοῦ θεοῦ, ὑμῖν δὲ τοῦτο ἔδοξεν. 47. εἶτα προσελθόντες πάντες ἐδέοντο αὐτοῦ καὶ παρεκάλουν κελεῦσαι τῷ κεντυρίωνι καὶ τοῖς στρατιώταις μηδενὶ εἰπεῖν ἃ εἶδον. 48. Συμφέρει γάρ, φασίν, ἡμῖν ὀφλῆσαι μεγίστην ἁμαρτίαν ἔμπροσθεν τοῦ θεοῦ καὶ μὴ ἐμπεσεῖν εἰς χεῖρας τοῦ λαοῦ τῶν Ἰουδαίων καὶ λιθασθῆναι. 49. ἐκέλευσεν οὖν ὁ Πειλάτος τῷ κεντυρίωνι καὶ τοῖς στρατιώταις μηδὲν εἰπεῖν.

i

10. 50. Ὁρθρου δὲ τῆς κυριακῆς Μαριάμ ἡ Μαγδαληνῆ, μαθήτρια τοῦ κυρίου, — φοβουμένη διὰ τοὺς Ἰουδαίους, ἐπειδὴ ἐφλέγοντο ὑπὸ τῆς ὀργῆς, οὐκ ἐποίησεν ἐπὶ τῷ μνήματι τοῦ κυρίου ἃ εἰώθεσαν ποιεῖν αἱ γυναῖκες ἐπὶ τοῖς ἀποθνήσκουσι τοῖς ἀγαπωμένοις αὐταῖς. — 51. λαβοῦσα μεθ' ἑαυτῆς τὰς φίλας ἦλθε ἐπὶ τὸ μνημεῖον ὅπου ἦν τεθεῖς. 52. καὶ ἐφοβοῦντο μὴ ἴδωσιν αὐτὰς οἱ Ἰουδαῖοι καὶ ἔλεγον Εἰ καὶ μὴ ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ, ἣ ἐσταυρώθη ἐδυνήθημεν κλαῦσαι καὶ κόψασθαι, κἂν νῦν ἐπὶ τοῦ μνήματος αὐτοῦ ποιήσωμεν ταῦτα. 53. τίς δὲ ἀποκυλίσει ἡμῖν καὶ τὸν λίθον τὸν τεθέντα ἐπὶ τῆς θύρας τοῦ μνη-

отверзстыми небеса и человекъ пѣкїѣ сопель (оттуда) и вошелъ въ гробъ; 45. увидѣвъ сіе, бывшіе съ сотникомъ ночью поспѣшили къ Пилатѣ, оставивъ гробъ, который они стерегли, и рассказали все, что видѣли, будучи въ великомъ смущеніи и говоря: воистинну Сыпь былъ Божїй! 46. Пилатъ, отвѣчая, сказалъ: я чистъ отъ крови Сына Божїя; вамъ же это было угодно; 47 потому всѣ пришедшіе просили его и умоляли, чтобы онъ приказалъ сотнику и воинамъ ничего не говорить о томъ, что они видѣли; 48 ибо лучше, говорили, быть намъ виновнымъ въ величайшемъ грѣхѣ предъ Богомъ, нежели впасть въ руки народа Іудейскаго и быть побитыми (отъ него) камнями; 49 итакъ Пилатъ повелѣлъ сотнику и воинамъ не говорить ничего.

10. 50. На разсвѣтѣ же *перваго дня недѣли* (дня воскреснаго) Марїа Магдалина, ученица Господа (такъ какъ она, изъ боязни Іудеевъ, пылавшихъ гнѣвомъ, не сдѣлала при гробѣ Господа того, что обыкновенно дѣлаютъ женщины надъ дорогими имъ умирающими), 51. взявъ съ собою подругъ, пошла ко гробу, гдѣ Онъ былъ положенъ; 52. и онѣ боялись, чтобы не увидѣли ихъ Іудеи и говорили: если въ тотъ день, въ который Онъ былъ распятъ, мы и не могли плакать и рыдать, то хотя теперь сдѣлаемъ это при гробѣ Его. 53. Кто же отвалитъ намъ ка-

μείου, ἵνα εἰσελθοῦσαι παρακαθεσθῶμεν αὐτῷ καὶ ποιήσωμεν τὰ ὀφειλόμενα; 54. μέγας γὰρ ἦν ὁ λίθος, καὶ φοβούμεθα μὴ τις ἡμᾶς ἴδῃ. καὶ εἰ μὴ δυνάμεθα, κἄν ἐπὶ τῆς θύρας βάλωμεν ἅ φέρομεν εἰς μνημειοσύνην αὐτοῦ, κλαύσωμεν καὶ κοφώμεθα ἕως ἔλθωμεν εἰς τὸν οἶκον ἡμῶν. 55. καὶ ἀπελθούσαι εὗρον τὸν τάφον ἠνεωγμένον· καὶ προσελθούσαι παρέκυψαν ἐκεῖ, καὶ ὄρωσιν ἐκεῖ τινὰ νεανίσκον καθεζόμενον (ἐν) μέσῳ τοῦ τάφου ὥρατον καὶ περιβεβλημένον στολὴν λαμπροτάτην, ὅστις ἔφη αὐταῖς 56. Τί ἦλθατε; τίνα ζητεῖτε; μὴ τὸν σταυρωθέντα ἐκεῖνον; ἀνέστη καὶ ἀπῆλθεν· εἰ δὲ μὴ πιστεύετε, παρακλύψατε καὶ ἴδετε τὸν τόπον ἐνθάδε ἔκειτο· ὅτι οὐκ ἔνεστιν ἀνέστη γὰρ καὶ ἀπῆλθεν ἐκεῖ ὅθεν ἀπεστάλη. 57. τότε αἱ γυναῖκες φοβηθεῖσαι ἔφυγον.

11. 28. Ἦν δὲ τελευταία ἡμέρα τῶν ἁζύμων. καὶ πολλοὶ τινες ἐξήρχοντο ὑποστρέφοντες εἰς τοὺς οἴκους αὐτῶν τῆς ἑορτῆς παυσαμένης. 59. ἡμεῖς δὲ αἱ ὄνδεκα μαθηταὶ τοῦ κυρίου ἐκλαίωμεν καὶ ἐλυπούμεθα, καὶ ἕκαστος λυπούμενος διὰ τὸ συμβῆναι ἀπηλλάγη εἰς τὸν οἶκον αὐτοῦ 60. ἐγὼ δὲ Σίμων Πέτρος καὶ Ἀνδρέας ὁ ἀδελφὸς μου λαβόντες ἡμῶν τὰ λῖνα ἀπῆλθαμεν εἰς τὴν θάλασσαν· καὶ ἦν σὺν ἡμῖν Λευεὶς ὁ τοῦ Ἀλφαίου, ὃν κύριος***

мень, лежащій на двери гроба, чтобы, вошедши, намъ посидѣть около него и исполнить должное; 54. ибо камень былъ великъ; и мы боимся, чтобы кто не увидѣлъ насъ; и если мы не сможемъ (т. е. отвалить камня), то положимъ хотя у двери то, что несемъ въ память Его, будемъ плакать и рыдать, доколѣ не придемъ въ домъ свой. 55. И отправившись, онѣ нашли гробъ открытымъ, и приблизившись, наклонились туда (внутрь гроба) и видятъ тамъ, что юноша нѣкій сидитъ посреди гроба, прекрасный и одѣтый въ блестящую одежду, который сказалъ имъ: 56. за чѣмъ пришли вы? Кого ищете? Не Тоголи Распятаго? Онъ воскресъ и отошелъ; если же не вѣрите, наклонитесь и посмотрите мѣсто, гдѣ Онъ лежалъ, что Его нѣтъ, ибо Онъ воскресъ и отошелъ туда, откуда былъ посланъ; 57. тогда женщины, объята страхомъ, убѣжали.

11. 58. Былъ же послѣдній день опрѣсноковъ, и многіе уходили, возвращаясь въ дома свои, такъ какъ праздниекъ окончился. 59. Мы же, двѣнадцать учениковъ Господа, плакали и были печальны, и каждый, скорбя о случившемся, возвратился въ домъ свой; 60. Я же Симонъ; и Андрей, братъ мой, взявъ сѣти наши, пошли къ морю; и былъ съ нами, Левей, сынъ Алфея, котораго Господь***

Цѣль послѣдующихъ замѣчаній нашихъ—выяснить на основаніи найденнаго отрывка: во I) апокрифической характеръ псевдо-евангелія; II) его докетической характеръ; III) отношеніе къ каноническимъ евангеліямъ. и IV) время и мѣсто происхожденія.

I. Апокрифическій харантеръ евангелія.

Апокрифическій характеръ евангелія Петра ясно сказывается въ слѣдующихъ, общихъ болѣе или менѣе всѣмъ апокрифамъ, чертахъ: 1) въ способѣ указанія на ап. Петра, какъ мнимаго автора повѣствованія; 2) въ явно тенденціозномъ, легендарномъ изображеніи лицъ и событій; и 3) отчасти въ самомъ языкѣ и изложеніи, ясно избличающихъ въ авторѣ лице, далекое уже по времени своей жизни отъ описываемой имъ исторіи.

1) Ни одинъ изъ евангелистовъ, писателей нашихъ св. Евангелій, не называетъ себя, какъ извѣстно, по имени ни въ началѣ, ни въ концѣ своего Евангелія. Двое изъ нихъ—Маттеей и Іоаннъ были „самовидцами и слугами“ Господа Іисуса, непосредственными свидѣтелями описываемыхъ ими событій; и тѣмъ не менѣе въ повѣствованіи объ этихъ событіяхъ нигдѣ,—даже тамъ, гдѣ дѣло прямо касалось ихъ лица (напр. Мѡ. IX, 9; Іоан. XVІІІ, 15; XIX, 26 и др.), они не выставляютъ на видъ своей личности, хотя бы въ мѣстоименной формѣ: „я“ или „мы“. Съ этою послѣднею формою выраженія о себѣ мы встрѣчаемся только однажды у св. Луки—въ предисловіи къ Евангелію (I, 3; ср. Дѣян. I, 1; XVI, 10 и др.) и дважды у св. Іоанна—въ прологѣ (I, 14) и въ заключеніи Евангелія (XXI, 24—25). Но не говоря уже о евангелистѣ Лукѣ, не трудно видѣть тѣ особенныя побужденія, по которымъ и св. Іоаннъ употребляетъ въ указанныхъ мѣстахъ эту необычную въ другихъ случаяхъ форму выраженія. Во всякомъ случаѣ и въ указанныхъ мѣстахъ оба свящ. писатели остаются вѣрными себѣ: не обозначаютъ своего имени. Совсѣмъ иное видимъ мы въ евангеліи Петра. Съ чего и какъ начиналось оно,—остается, конечно, неизвѣстнымъ въ точности намъ и теперь, съ открытіемъ вышеприведеннаго отрывка, въ цѣломъ составлявшаго, очевидно, уже конецъ его. Судя однако потому, какъ мнимый

авторъ псевдо-евангелія (ап. Петръ) дважды говорить о себѣ въ отрывкѣ, позволительно догадываться, что имя его, какъ писателя, ясно было обозначено въ самомъ же началѣ повѣствованія, можетъ быть даже—съ прибавкою именъ и другихъ апостоловъ, какъ его „товарищей“ или свидѣтелей описываемыхъ событій. Такъ, въ ст. 26—27 авторъ говорить о себѣ: „я же съ своими товарищами былъ печаленъ и мы, подавленные душевно, скрывались; ибо они розыскивали насъ, какъ злодѣевъ и какъ желающихъ сжечь храмъ. По причинѣ же всего этого мы постились и пребывали въ печали и слезахъ ночь и день до субботы“. Въ ст. 59—60 читаемъ еще: „мы же 12-ть учениковъ Господа плакали и были печальны, и каждый, скорбя о случившемся, возвратился въ свой домъ. Я же, Сямонъ Петръ, и Андрей, братъ мой, взявъ сѣти наши, пошли къ морю, и былъ съ нами Левій, сынъ Алфея, котораго Господь...“ По всей вѣроятности, и въ другихъ случаяхъ авторъ повѣствованія не иначе выражался о себѣ, какъ „я“ или „я Петръ“, а тамъ, гдѣ шла рѣчь и о другихъ апостолахъ, говорилъ „мы“. И это уже одно обстоятельство, смыслъ котораго хорошо извѣстенъ намъ изъ апокрифической литературы, ясно обрисовываетъ предъ нами дѣйствительный характеръ книги: она есть *псевдепиграфъ* (подложное писаніе) въ полномъ смыслѣ этого слова, въ какомъ, какъ говорить одинъ изъ западныхъ ученыхъ (Цанъ), наши каноническія Евангелія не были бы даже и тогда, если бы они были неподлинными ¹⁾. Изъ апокрифическихъ евангелій наибольшее сходство въ этомъ отношеніи евангеліе Петра имѣетъ съ евіонитскимъ „Евангеліемъ двѣнадцати апостоловъ“ (Εὐαγγέλιον τῶν δώδεκα), гдѣ въ качествѣ повѣствователей выступаютъ 12-ть учениковъ Господа Іисуса, какъ нарочито избранные Имъ апостолы для свидѣтельства о Немъ Израилю, и между ними особенно выдѣляется личность Маттея ²⁾. Въ такъ называемомъ „Первоевангеліи Іакова“

¹⁾ Th. Zahn, Das Evangelium des Petrus (Erlangen und Leipzig, 1893), S. 17.

²⁾ Евангеліе это извѣстно намъ лишь по непогнѣмъ отрывкамъ, сохраннымъ единственно Елифаніемъ Кипрскимъ. Собраніе ихъ см. у Гилленфельда: Evangeliorum secundum Nabaeos, sec. Petrum, sec. Aegyptios et ctr. antiquioris, quae supersunt (Lips. 1884), p. 33—34; у Цана въ его Geschichte des N. Kions (Bd. II, 2 Hälft. II abth.), S. 725—26 Оба названные ученые, замѣтимъ, неоднакового мнѣнія о Евангеліи. Гилленфельдъ считаетъ его лишь особою,

нимый авторъ его—Иаковъ (братъ Господень), если не отмѣчаетъ своего имени въ началѣ повѣствованія, равно какъ не выводитъ своей личности на сцену, въ качествѣ повѣствователя, въ самомъ повѣствованіи, то въ весьма выразительной также формѣ указываетъ на себя во всякомъ случаѣ хотя въ заключеніи его: „а я, Иаковъ, написавшій сію исторію въ Іерусалимѣ, во время бывшаго смятенія, когда умеръ Иродъ, скрывался въ пустынь до тѣхъ поръ, пока утихло смятеніе въ Іерусалимѣ. Прославляю же Господа Бога, давшего мнѣ даръ и премудрость написать сію исторію“¹⁾. Подобные же литературные приемы наблюдаются, какъ извѣстно, во всѣхъ почти произведеніяхъ апокрифической литературы, — и цѣль, преслѣдуемая при этомъ составителями такого рода произведеній, всегда одна и таже: придать своимъ подложнымъ писаніямъ видъ несомнѣнной подлинности и наивысшей важности.

2) Сама по себѣ, впрочемъ, вышеуказанная черта еще не давала бы права говорить съ рѣшительностію объ апокрифическомъ характерѣ книги, если бы вмѣстѣ съ нею не выступали рѣзко въ самомъ содержаніи ея еще многія другія, ясно свидѣтельствующія о томъ же. Въ числѣ такихъ чертъ или особенностей повѣствованія прежде всего, съ первыхъ же стиховъ отрывка, бросается въ глаза явно тенденціозное и совершенно легендарное изображеніе описываемыхъ лицъ и событій.

Несмотря на нѣкоторыя особенности въ частностяхъ описанія суда надъ І. Христомъ, всѣ четыре Евангелиста вполне единогласны въ изображеніи главныхъ виновниковъ осужденія Его на распятіе. Виновниками этого беззаконнаго дѣла были, прежде всего, тогдашніе вожди народа іудейскаго—первосвященники и прочіе члены Синадріона, еще въ день воскресенія Лазаря положившіе

евіонитскою рецепціею Евангелія Евреевъ (καθ' Ἑβραίων); по Цану же, это есть самостоятельное, отличное отъ послѣдняго, Евангеліе, написанное, по его мнѣнію, около 170 г. въ евіонитскихъ кругахъ Палестины.

¹⁾ С. Tischendorf, Evangelia apocrypha, Ed. 2 (Lips. 1876), S. 49—50 Русскій переводъ «Первоэвангелія Іакова» имѣется въ «Памятникахъ древней Христ. письменности», т. I. (Москва, 1860 г.), стр. 9 и д.—Ср. также начало Евангелія Θомы: Ἀναγγέλω ὑμῖν ἐγὼ Θωμᾶς Ἰσραηλῆτης πᾶσι τοῖς ἐξ ἐθνῶν ἀδελφοῖς ὑποτίσσει et etc. (Tischendorf, Evangelium Thomae, graece A., p. 140; graece B. p. 158).

въ своемъ совѣтѣ убить ненавистнаго имъ Чудотворца, Пророка Галилейскаго (Іоан. XI, 47 и д.); дѣятельнымъ сообщникомъ и пособникомъ имъ въ беззаконіи былъ, затѣмъ, и самый народъ іудейскій; при его лишь содѣйствіи, при его лишь неистовыхъ крикахъ и угрозахъ, Синедріону удалось настоять предъ Пилатомъ на исполненіи задуманнаго злодѣянія (Лук. XXIII, 23. ср. Дѣян. II, 26 и IV, 10). Но вершителямъ, такъ сказать, всего дѣла былъ во всякомъ случаѣ Пилатъ, такъ какъ ему, какъ прокуратору, принадлежало право окончательнаго смертнаго приговора надъ Подсудимымъ,—и онъ именно предалъ Его іудеямъ *на распятіе* (Іоан. XIX, 16), хотя и сознавалъ невинность осужденнаго Праведника ¹⁾. Въ числѣ судей І. Христа былъ также, по сказанію Евангел. Луки (XXIII, 7 и д., ср. Дѣян. IV, 27), и Иродъ Антипа, тетрархъ Галилейскій; но его судейская роль въ данномъ случаѣ была совершенно случайная, никакого вліянія на ходъ судебного процесса неимѣвшая,—почему, по всей вѣроятности, прочіе Евангелисты и не говорятъ ничего о немъ. Несмотря на усиленныя обвиненія со стороны первосвященниковъ и книжниковъ, при всемъ, въ то же время, собственномъ негодованіи на І. Христа вслѣдствіе обманутой надежды—увидѣть отъ Него какое-нибудь чудо, Иродъ, жестокій въ другихъ случаяхъ, удовольствовался на сей разъ однимъ лишь насмѣшками надъ приведеннымъ къ нему Узникомъ, какъ безразсуднымъ, по его мнѣнію, и нимало неопаснымъ для правительства мечтателемъ, вообразившимъ себя Мессіею, Царемъ Іудейскимъ. О какомъ-либо участіи Ирода въ дальнѣйшемъ судѣ надъ І. Христомъ, въ преторіи Пилата, ничего не говоритъ и Евангел. Лука. Вслѣдъ за описаніемъ пребыванія І. Христа на судѣ Ирода онъ замѣчаетъ лишь, что съ того дня Пилатъ и Иродъ сдѣлались друзьями между собою, ибо прежде были во враждѣ другъ съ другомъ (XXIII, 12); презрительное же равнодушіе со стороны Галилейскаго тетрарха къ Обвиняемому возбудило лишь въ Пилатѣ, по словамъ Евангелиста, еще большее желаніе отпустить

¹⁾ Въ такомъ же порядкѣ все вышеуказанныя лица могутъ быть поставлены и относительно *присутственной* вины или ответственности за совершенное беззаконіе.

Исуса, такъ что прокураторъ *трижды*, какъ отчетливо отмѣчаетъ Евангелистъ, обращался къ первосвященникамъ и народу съ заявленіемъ лишь наказать, но отпустить ни въ чемъ неповиннаго Узника. Но, — какъ говорить онъ же, — *они продолжали съ великимъ крикомъ требовать, чтобы Онъ былъ распятъ; и превозмогъ крикъ ихъ и первосвященниковъ. И Пилатъ рѣшилъ быть по прошенію ихъ* (XXIII, 23—24).

Такова въ общихъ чертахъ картина суда надъ І. Христомъ по каноническимъ Евангеліямъ. Что картина эта не въ общихъ только чертахъ, но и во всѣхъ своихъ частностяхъ, запечатлѣна всѣми признаками исторической достовѣрности, точности, — это давно и давно доказанное и во всѣхъ подробностяхъ разъясненное лучшими экзегетами и историками дѣла ¹⁾. Совершенно иную картину суда надъ І. Христомъ рисуетъ, напротивъ, Евангеліе Петра. По его описанію, не Пилатъ, а *Иродъ Антипа* былъ виновникомъ осужденія Его на распятіе; онъ произноситъ смертный приговоръ Подсудимому, — и произноситъ притомъ не у себя во дворцѣ, а въ преторіи же Пилата, гдѣ онъ является присутствующимъ вмѣстѣ съ прочими судіями Господа Исуса ²⁾. Равнымъ образомъ, и во всѣхъ послѣдовавшихъ за сими обстоятельствахъ, — а именно: бѣгнѣ и поруганіяхъ надъ І. Христомъ, Его распятіи, надписаніи на крестѣ вины Его и пр., Пилатъ никакого участія не принималъ; все было исполнено, согласно отданному Иродомъ приказанію, самими іудеями, при участіи, какъ надобно полагать, первосвященническихъ и иродовыхъ служителей. Что такое изложеніе дѣла отнюдь не основывается на какомъ-либо независимомъ отъ нашихъ каноническихъ Евангелій и болѣе согласномъ съ дѣйствительными фактами преданіи, а есть ничто иное, какъ тенденціозное лишь извращеніе евангельскаго же повѣствованія, — это особенно ясно видно изъ той совершенно невѣроятной, невозможной

¹⁾ Въ русской литературѣ достаточно указать на известное сочиненіе Архiep. Иппокентія Херсонскаго: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего І. Христа» (Сиб. 1872 г., изд. 3-е).

²⁾ Изъ отрывка, впрочемъ, не видно, гдѣ именно происходилъ судъ: въ преторіи ли Пилата, или во дворцѣ Ирода; возможно и послѣднее мнѣніе на основаніи его текста, — и въ такомъ случаѣ разногласіе его съ нашими каноническими Евангеліями будетъ еще болѣе.

роли, какую авторъ псевдо-евангелія приписываетъ здѣсь Ироду Антипѣ. Трудно допустить, чтобы авторъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о политическомъ положеніи Палестины въ описываемое имъ время,—не зналъ, кто такой былъ Иродъ Антипа, какими областями онъ управлялъ, и въ чьихъ собственно рукахъ находилась власть надъ Іерусалимомъ и Іудеею вообще. Перомъ его руководила, напротивъ, явная преднамѣренность, особый, заранѣе обдуманнѣйшій планъ или цѣль. Тенденція его въ данномъ случаѣ особенно понятна: всю вину за осужденіе І. Христа на распятіе онъ старается всецѣло сложить съ Пилата на іудеевъ, и въ особенности на Ирода Антипу. По его взгляду, омывъ руки (о чемъ, очевидно, была рѣчь непосредственно предъ первымъ стихомъ отрывка), Пилатъ сталъ совершенно чистъ отъ крови Праведника. И эту-то чистоту, невинность, даже болѣе—явное якобы отвращеніе его къ задуманному іудеями злодѣянію авторъ и старается возможно ярче выставить на видъ. Такъ какъ, говоритъ онъ, никто изъ судей Господа не хотѣлъ умыть руки, то Пилатъ „всталъ“, т. е. возмущенный жестокосердіемъ судей вышелъ изъ зала засѣданія ¹⁾. Такова, очевидно, мысль автора. Съ тою же цѣлю—выставить Пилата не только не врагомъ, напротивъ—даже другомъ І. Христа, авторъ изображаетъ за тѣмъ гордаго римлянина въ роли скромнаго ходатая предъ Иродомъ о дозволеніи Іосифу (Армаеѣскому) погребсти тѣло Іисусово; объ Іосифѣ же замѣчается, что онъ былъ „другомъ“ Пилата и Господа. По этой-то, между прочимъ, причинѣ, т. е. какъ другъ того и другого, Іосифъ и отмѣчается въ числѣ присутствовавшихъ на судѣ, въ преторіи Пилата (ср. напротивъ Лук. XXIII, 51). Въ общемъ получается, так. образ., и въ Евангеліи Петра слѣдующая, величественная оригинальности, картина суда надъ І. Христомъ: на судѣ противостоятъ другъ другу двѣ партіи, неравныя по числу дѣйствующихъ лицъ, но столько же неравныя, какъ ясно дается понять, и по своему достоинству. На одной сторонѣ стоятъ много-

¹⁾ Весьма сходная съ этимъ сцена описывается въ «Актахъ Пилата»: разгнанный на іудеевъ за ихъ упреки въ взятіи Кесарю, Пилатъ, говоритъ, ἀμαρτία δὲ ἀπὸ τοῦ βίβρατος εἴσεται εἰς ἡμᾶς (Tischendorf, Evang. apocr. ed. 2., p. 242).

численные враги І. Христа съ Иродомъ Антипою во главѣ; на другой—два друга Господа: представитель римскаго правосудія—Пилать, и представитель правды Божіей, враветвенной—Іосифъ Аримаеѣйскій. Сравнивая эту картину съ тѣмъ, что и какъ говорится о судѣ надъ І. Христомъ въ такъ называемыхъ „Актахъ Пилата“, нельзя не видѣть близкаго сходства между обоими апокрифами въ этомъ отношеніи. Сравнительно съ Евангеліемъ Петра картина суда, рисуемая въ „Актахъ“, отличается лишь бѣльшею сложностію, драматичностію описанія. Въ числѣ, напр., друзей І. Христа на сцену выводятся въ нихъ, кромѣ Никодима, нѣкоторые изъ исцѣленныхъ Господомъ: 38-лѣтній расслабленный, исцѣленный при овчей кунели, слѣпорожденный, прокаженный, жена кровоточивая, по имени Вероника ¹⁾). Основная же тенденція и тамъ, въ „Актахъ Пилата“ таже, что и въ Евангеліи Петра: изобразить полную невинность Пилата въ смерти Господа Іисуса ²⁾).

Что представляетъ намъ, равнымъ образомъ, и все дальнѣйшее описаніе страданій І. Христа, Его распятія, погребенія, и въ особенности воскресенія? Представляетъ рядъ сценъ, въ которыхъ наряду съ чертами, сходными съ повѣствованіемъ нашихъ

¹⁾ Tischendorf, Acta Pilati (A.), cap. VI и VII.

²⁾ Выказываемъ здѣсь эти замѣчанія только мимоходомъ, не имѣя намѣренія входить въ подробное разъясненіе или доказательства ихъ. Вопросъ объ отношеніи Евангелія Петра къ Актамъ Пилата, по своей обширности и сложности, требуетъ особаго, спеціальнаго изслѣдованія. То несомнѣнно, что между обоими апокрифами существуетъ самое близкое сходство во многихъ отношеніяхъ; но явился ли это сходство вслѣдствіе того, что авторъ Евангелія Петра пользовался актами Пилата (такое мнѣніе Кунце, и особенно Шуберта (Composition Pseudopetrin. Evangelien-fragments, S. 177 f.), или же, наоборотъ, на содержаніе актовъ имѣло вліяніе Псевдоевангеліе (Zahn, Das Evangelium d. Petrus, S. 57 f.),—рѣшить этотъ спорный вопросъ возможно только послѣ новаго, тщательнаго изученія текста какъ Актовъ Пилата, такъ и другихъ, дошедшихъ до насъ подъ именемъ же Пилата, апокрифическихъ произведеній. Въ наукѣ досель, какъ извѣстно, остаются непримиримыми два крайне разнорѣчивыхъ мнѣнія о времени происхожденія «Актовъ Пилата» въ ихъ первоначальномъ видѣ или редакціи: мнѣніе Tischendorfa, относящаго ихъ къ началу 2-го вѣка (Evangelia apocrypha, ed. 2, Prolegom. p. LXII sqq; cf. Wagn. wurden unsere Evangelien verfasst? Aufg. 4, Ss. 82 f.), и Tischeyca, полагающаго, напротивъ, на основаніи своихъ изслѣдованій, временемъ ихъ явленія время около половины 4-го вѣка (Die Pilatus-Acten, kritisch untersucht von R. A. Lipsius, Kiel 1871, S. 40). О мнѣніяхъ другихъ ученыхъ см. у Tischeyca же S. 14.

каноническихъ Евангелій, разсказывается множество частныхъ, явно также тенденціозныхъ, за исключеніемъ лишь очень немногихъ обязанныхъ своимъ происхожденіемъ всецѣло изобрѣтательной фантазіи самаго автора. Нѣкоторыя изъ этихъ частныхъ внушены, очевидно, автору просто лишь чувствами негодованія по отношенію къ убійцамъ Христа Спасителя, — желаніемъ возможно полнѣе и нагляднѣе изобразить всю вражду и жестокость ихъ къ преданному въ ихъ руки Господу, — каковы, напр., нѣкоторыя слова и дѣйствія ихъ, описываемыя въ стихахъ 6—9-мъ. Въ большинствѣ же случаевъ перомъ автора руководили частію чувство явной насмѣшки надъ іудеями, какъ людьми, не только жестокосердыми, но и въ высшей степени глупыми, главнымъ же образомъ — разнаго рода догматическія и апологетическія тенденціи. Таково, напр., извѣстіе, что одинъ изъ распятыхъ вмѣстѣ съ І. Христомъ злодѣевъ обращался будто бы съ словами укора и обличенія не къ своему злобному товарищу по злодѣяніямъ и казни (Лук. XXIII. 40—41), а именно къ жестокосердымъ распинателямъ невиннаго І. Христа — іудеямъ, — что вызвало гнѣвъ со стороны послѣднихъ повелѣвшихъ не перебивать ему голеній, чтобы продлить тяжесть его предсмертныхъ мученій (ст. 13—14). И какъ было, въ самомъ дѣлѣ, не разгнѣваться іудеямъ? По автору, изъ устъ злодѣя они слышатъ, кромя словъ укора въ тяжкой несправедливости по отношенію къ І. Христу, еще торжественное исповѣданіе послѣдняго „Спасителямъ людей“. Злодѣй учитъ ихъ, обличаетъ въ преступной слѣпотѣ духовной предъ Тѣмъ, въ Комъ *всѣ люди, іудеи и язычники*, нашли, наконецъ, своего Спасителя!! Но не ясно ли, что передаваемое въ такой формѣ исповѣданіе „благоразумнаго разбойника“ должно быть всецѣло отнесено на счетъ догматическихъ воззрѣній самого автора псевдо-евангелія? Между тѣмъ, *что и какъ* говоритъ разбойникъ здѣсь — въ евангеліи Петра, и тѣмъ, *что и какъ* говоритъ онъ, обращаясь къ І. Христу, по свидѣтельству ев. Луки (XXIII, 42) — разница огромная, — и нетрудно видѣть, на чьей сторонѣ истина ¹⁾.

¹⁾ Въ словахъ разбойника, какъ ихъ передаетъ ев. Лука: *Помни ми Господи, егда приидеши во царствіи си* мы ясно слышимъ и вполне понимаемъ голосъ

Догматическая тенденція сцены, описываемой въ ст. 18-мъ (какъ именно многіе изъ іудеевъ, собравшихся въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, принявъ ошибочно наступившую среди полудня тьму за наступленіе ночи, начали приготовляться къ совершенію пасхальной вечера и даже сѣли уже за столъ) указана уже нами выше (стр. 84, примѣч.). Къ вышесказанному здѣсь прибавимъ, что совпаденіе дня страданій и смерти Христа Спасителя съ днемъ праздника іудейской пасхи, какъ нѣчто глубокознаменательное, предъуказанное еще Моисеемъ, останавливало на себѣ вниманіе уже самыхъ первыхъ церковныхъ писателей—св. Иринея

кающагося грѣшника, въ порывѣ святаго чувства, предъ лицемъ смерти, глубоко сознающаго свое оклянство, и потому просящаго себѣ милости и заступленія у страждущаго вмѣстѣ съ нимъ Праведника. Но разъ мы это понимаемъ, едва ли нужны еще какія-либо объясненія того, *откуда* такое величіе духа, такая высокая вѣра въ разбойникъ, исповѣдующемъ Распятаго Іисуса Господомъ, Царемъ славнаго царства Божія? (См. объясненія этого у Архiep. Иннокентія, «Послѣдніе дни земной жизни І. Христа», стр. 317 и д.). Вѣра эта—не отъ плоти и крови, а есть *даръ Божій* кающейся душѣ,—даръ Того, Кто Самъ о Себѣ сказалъ, что Онъ приходилъ на землю призывать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (Мѣ. IX, 13). Совершенно иного рода явленіе представляютъ собою слова разбойника по Евангелію Петра: «Сей же, *содѣлавшійся Спасителемъ людей*, чѣмъ худого сдѣлалъ вамъ?» Здѣсь съ полнымъ правомъ можно спросить, откуда такая мудрость, такая ясность вѣры въ разбойникъ, который въ тоже время знаетъ объ Іисусѣ Христѣ только то, что Онъ ничего худого не сдѣлалъ *имъ—іудеямъ*? Не примѣчательно ли также, что разбойникъ называетъ І. Христа «содѣлавшимся уже (*γενομένως*) Спасителемъ людей» еще прежде, чѣмъ на самомъ дѣлѣ спасеніе человечества *совершилось* (Іоан. XIX, 30)? Обстоятельство это представляется подозрительнымъ особенно въ виду 10 ст., гдѣ о страданіяхъ І. Христа авторъ псевдо-Евангелія выражается совершенно въ докетическомъ духѣ или смыслѣ. Но если даже и не придавать особаго значенія этому обстоятельству, во всякомъ случаѣ вѣра, вносимая авторомъ въ уста разбойника образъ выраженія таковъ, что въ немъ ясно сказывается не простая лишь, непосредственная *вѣра сердца*, но ясно опредѣлившееся уже въ сознаніи говорящаго догматическое *понятіе* (или сужденіе) о Лицѣ І. Христа,—опредѣлившееся не на основаніи лишь Его ученія о Себѣ Самомъ, но на основаніи главнымъ образомъ того, чѣмъ былъ, чѣмъ являлся Онъ. съ Его ученіемъ и дѣлами, для всѣхъ вѣрующихъ въ Него, іудеевъ и язычниковъ (ср. 1 Іоан. IV, 14; 1 Тим. IV, 10. Удивительною, правда, можетъ представляться и вѣра самаритянъ, говорившихъ также о Христѣ, что *Онъ есть истинно Спаситель міра* (Іоан. IV, 42), но они сами указываютъ и основанія такой своей вѣры: *самы бо слышасомъ* (разумѣется двухдневная бесѣда съ І. Христомъ—ст. 40) *и вѣры*, такъ что ссылаются на ихъ вѣру или знаніе, какъ на аналогическій примѣръ, въ оправданіе словъ разбойника (по Евангелію Петра), нельзя.

и Тертуллиана. У этих же церковных писателей высказывается при этомъ и та мысль, что наступившая среди полудня, во время страданій І. Христа, тьма была дѣйствительно та особенная ночь, о которой пророчествовалъ Амосъ пророкъ (VIII, 9. Ср. Іерем. XV, 9), что въ исполненіе пророчествъ Богъ „ускорилъ сдѣлать день вечеромъ, т. е. произвелъ среди полудня тьму, и такимъ образомъ превратилъ праздники ихъ (іудеевъ) въ печаль, и пѣсни ихъ въ плачь“¹⁾. При сопоставленіи разсматриваемой сцены съ

¹⁾ S. Iren., Contra haeres., lib. IV, X, 1 (Migne, ser. gr. t. VII, col. 1000): «Et non est numerum dicere in quibus a Moysse ostenditur Filius Dei, cujus et diem passionis non ignoravit, sed figuratim praenuntiavit eum, Pascha nominans: et in eadem ipsa, quae ante tantum temporis a Moysse praedicata est, passus est Dominus, adimplens Pascha. Non solum autem diem descripsit., sed et locum, et extremitatem temporum et signum occasus solis, dicens: «Non poteris immolare Pascha in ulla alia civitatum tuarum — — — immolabis Pascha vespere ad occasum solis».—Tertul. liber adv. Iudaeos, cap. X (Migne, ser. lat., tom. II, col. 670): «Nam quod in passione ejus (I. Христа) accidit, ut media dies tenebresceret Amos propheta adnuntiat, dicens (приводятся далье слова пророка, VII, 9, 10). Hoc enim et Moyses initio primi mensis novorum facturos vos prophetavit — — — et adjecit, Pascha esse Domini (Исх. XII), id est passionem Christi. Quod ita quoque adimpletum est, ut prima die azymorum interficeretis Christum (Matth XXVI), et ut prophetiae adimplerentur, propeperavit diss vesperam facere, id est tenebras efficere, quae media die factae sunt; atque ita dies festos vestros convertit Deus in luctum, et cantica vestra in lamentationem». Св. Иринеѣ, въ другомъ мѣстѣ упоминая о томъ же «occasus solis», ссылается, кромѣ пророчества Амоса, еще на Іер. XV, 9 (Contra haer., lib. IV, 33, 12). Приводя эти изъ сочиненій св. Иринея и Тертуллиана мѣста по указанію Шуберта, какъ дѣйствительно примѣчательныя для пониманія того, что хотѣлъ сказать и авторъ псевдо-Евангелія въ ст. 18-мъ, мы не раздѣляемъ, однако, всѣхъ выводовъ почтеннаго ученаго, какіе дѣлаетъ онъ на основаніи этихъ параллелей по отношенію къ разсматриваемому мѣсту. Шубертъ приписываетъ и автору псевдо-Евангелія всѣ тѣ мысли и представленія, какія Иринеѣ и Тертуллианъ высказываютъ въ вышеприведеннымъ мѣстахъ,—что и онъ будто бы также въ разсматриваемой сценѣ, какъ и въ стих. 25, имѣлъ въ виду показать неуказываемое въ каноническихъ Евангеліяхъ исполненіе пророчества Амоса, что и по его представленію наступившая отъ 6-го часа тьма была знаменіемъ (signum) того, что dies festi (т. е. праздникъ Пасхи) дѣйствительно начался, что истинный Пасхальный Агнецъ—І. Христосъ умеръ также vespere, ad occasum solis (Composition... S. 40, 68—69; ср. 31). Вышеприведенныя параллели, по нашему мнѣнію, интересны, какъ показатели лишь того, что могъ, дѣйствительно, авторъ читать или слышать о таинственномъ толкованіи тьмы, на основаніи пророчества Амоса, но сущности чего онъ вовсе не понималъ, или понималъ въ самомъ узкомъ, а потому ложномъ смыслѣ. Если даже авторъ и имѣлъ въ виду пророчество Амоса, то оно послужило ему лишь какъ матеріалъ для построенія разсматриваемой сцены, а не какъ дѣйствительное про-

этими параллелями становится особенно яснымъ, что собственно хотѣлъ изобразить въ ней и авторъ псевдо-Евангелія? И его цѣль также наглядно показать, что І. Христось, какъ истинный Пасхальный Агнецъ, умеръ на крестѣ не только въ тотъ же день (14-го Нисана, ср. ст. 5), но даже и въ тотъ же часъ, когда и іудеи должны были вкушать (и вкушали) прообразовательнаго пасхальнаго агнца. Но чтобы оправдать эту послѣднюю, совершенно ложную уже мысль, — каковой, замѣтимъ, вовсе нѣтъ ни у св. Иринея, ни у Тертуліана, — автору, очевидно, не оставалось иного средства, какъ приписать іудеямъ нѣчто явно невѣроятное, — что справедливо можно назвать ироніею надъ ихъ здравымъ смысломъ: во-первыхъ, что будто бы наступившую среди полудня тьму они *дѣйствительно* приняли за наступленіе ночи (*νομίζοντες ὅτι νύξ ἐστίν*), и что вслѣдствіе такого своего мнѣнія по крайней мѣрѣ „многіе“ изъ нихъ *садились даже за столъ* (*ἀνέπεσαν*), для яденія, подразумевается, пасхальнаго агнца, — садились въ тотъ моментъ, когда и Распятый Господь, возгласивъ громкимъ голосомъ: „Сила моя, сила оставила меня“, вознесся (ст. 19 *ἀνελήφθη*), т. е. умеръ. Неестественность, фальшь всей этой сцены, какъ показываетъ уже ограничительное выраженіе „многіе“, сознавалъ, очевидно, и самъ авторъ, тѣмъ болѣе, что его главная, основная тенденція относительно времени смерти и погребенія І. Христа на самомъ дѣлѣ — совершенно иная: показать именно, что І. Христось умеръ и былъ погребенъ задолго еще *до захода солнца*, до наступленія субботы, а слѣд. и до наступленія того времени, когда іудеи, по закону, должны были совершать и на этотъ разъ также совершали, безъ сомнѣнія, пасхальную вечерю.

Тенденція эта ясно сказывается уже въ ст. 3, 4 и 5, гдѣ рассказывается, что будто бы еще до распятія Господа, тотчасъ же послѣ Его осужденія, Іосифъ просилъ уже Пилата, а Пилатъ съ своей стороны просилъ Ирода о дозволеніи погребсти тѣло Іисусово, — на что и было получено согласіе послѣдняго. Цѣль

рочество, исполнившееся на І. Христѣ. Принятіе тьмы *за ночь* онъ приписываетъ лишь *ошибочному мнѣнію іудеевъ* (*νομίζοντες ὅτι νύξ ἐστίν*); ср. иной образъ выраженія въ этомъ случаѣ въ Didascalia, V, 13: καὶ ἐλογίσθη νύξ (Rösch, Agrapha, S. 409).

такого изложенія дѣла — понятна. Предусмотрительный авторъ, чтобы упростить, а слѣд. и *ускорить* дѣло погребенія І. Христа, представляетъ *заранѣе* уже исполненными тѣ формальности (по изложенію автора, особенно сложныя), съ какими и по каноническимъ Евангеліямъ сопряжено было дѣйствительно это дѣло (Мр. XV, 43—45 и парал.).

Ради той же вышеуказанной цѣли, — чтобы показать именно, въ какой сильной степени дѣло благовременнаго погребенія І. Христа озабочивало будто бы и самихъ іудеевъ, авторомъ измышлены и тѣ двѣ сцены, въ которыхъ поведеніе іудеевъ рисуется въ столь же опять неслестномъ для ихъ здраваго смысла видѣ, какъ и въ ст. 18-мъ. Въ ст. 15-мъ говорится именно, что когда среди полудня наступила тьма, іудеи пришли въ страхъ и смущеніе, не зашло ли солнце? И какъ на причину такого смущенія и страха ихъ, указывается на то, что І. Христось *былъ еще живъ*; ибо имъ написано — говорить авторъ, — солнце не должно заходить надъ убитымъ ¹⁾). Когда же (послѣ снятія уже І. Христа съ креста) померкшее солнце снова засіяло, — и при этомъ оказалось (εὐρέθη), какъ вѣчто яко бы неожиданное и диковинное для іудеевъ, что былъ еще *девятый* лишь часъ дня (третій по полудни), іудеи, говорится, *возрадовались* (ст. 22, 23). По противоположности съ предшествовавшимъ страхомъ и смущеніемъ нетрудно понять, *чему* именно обрадовались они: они обрадовались тому, что послѣдовавшая еще во время тьмы смерть Іисуса избавила ихъ отъ опасности нарушенія вышеуказаннаго закона. Оставалось лишь поскорѣе погребсти тѣло Его: и оно немедленно, съ радостію, отдается Іосифу для погребенія (ст. 23 — 24), такъ что если не въ томъ же девятомъ часу, то вскорѣ же послѣ этого часа тѣло І. Христа было уже погребено Іосифомъ. До захода солнца, до наступленія субботы, съ момента погребенія оставалось по крайней мѣрѣ еще *два* часа.

¹⁾ Не странно ли, однако, что (ст. 14) тѣже іудеи приказываютъ не переносить тѣла укорявшему ихъ разбойнику, чтобы продлить тяжесть его мученій? Выходитъ, по автору, что ихъ озабочивала благовременная смерть и погребеніе исключительно одного І. Христа, что соблюденіе закона было важно лишь относительно Его, а не разбойниковъ.

Но ради чего, спрашивается, авторъ такъ старается, всеми, какъ говорится, правдами и неправдами, внушить читателю болѣе ранній сравнительно съ свидѣтельствомъ нашихъ каноническихъ Евангелій часъ погребенія І. Христа? ¹⁾ И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, наиболѣе вѣрное объясненіе изъ западныхъ ученыхъ мы находимъ у Ганса Шуберта ²⁾. По его мнѣнію, желая ускорить погребеніе І. Христа,—доказать, что оно совершилось тотчасъ же послѣ 9-го часа, когда померкшее солнце снова засіяло, авторъ псевдо-Евангелія имѣлъ при этомъ въ виду „знаменитый вопросъ“ о воскресеніи Господа,—вопросъ, о которомъ,—какъ говоритъ блаж. Августинъ,—*multi sancti multa hinc senserint atque dixerint* ³⁾. Что особенно, издревле, служило въ этомъ вопросѣ предметомъ различныхъ мнѣній и догадокъ,—это именно опредѣленіе или счисленіе тѣхъ *трехъ дней и трехъ ночей*, въ теченіе которыхъ Сынъ Человѣческій, по Его собственному предсказанію (Мѣ. XII, 40), былъ *въ сердцѣ земли*. Наиболѣе простымъ и, какъ кажется, первоначальнымъ мнѣніемъ по этому предмету было то, какое, слѣдуя Тихонію Африканцу, высказываетъ и блаж. Августинъ въ „*De doctrina christiana*“ (lib. III, cap. XXXV): „*трехъ дней и трехъ ночей*,—говоритъ онъ,—въ теченіе которыхъ Христосъ, согласно Его предсказанію (Мѣ. XII, 40), пребывалъ въ сердцѣ земли, не можетъ быть, если послѣднюю часть того дня, въ который Онъ пострадалъ, не принимать *за цѣлый день* съ присоединеніемъ къ нему и предшествовавшей *ночи*, равно какъ если не принимать и *ночь*, въ концѣ которой Онъ воскресъ, *за цѣлый также день*, чрезъ присоединеніе именно къ ней разсвѣтавшаго дня Господня“ ⁴⁾. По всей вѣроятности,

¹⁾ Евангелисты Матѳей (XXVII, 57) и Маркъ (XV, 42) единогласно обозначаютъ время погребенія І. Христа словами: *ὄψιας δὲ γενομένης* («поздъ бывшѣ»); св. Лука (XXIII, 54): *καὶ σάββατον ἐπέφωσκε* («и суббота свѣташе»). Этимъ выраженіемъ св. Луки особенно ясно обозначается послѣдній вечерній часъ пятницы,—время заката солнца. св. Іоаннъ хотя и не обозначаетъ точно времени, но ясно также даетъ понять, что погребеніе совершилось не безъ нѣкоторой поспѣшности (XIX, 42).

²⁾ Die Composition d. Pseudopetr. Evangelien-fragments S. 56 f.

³⁾ De Symbolo, ad Catechumenos Sermo, Cap. VI, 6 (Migne, tom. 40, col. 657).

⁴⁾ По правилу V («о временахъ») Тихонія Африканца (См. его «Вѣнгу о

такого же способа счисления дней и ночей пребыванія І. Христа въ сердцѣ земли держался и авторъ псевдо-Евангелія. Въ такомъ случаѣ для него было, дѣйствительно, весьма важно представить дѣло погребенія І. Христа совершившимся задолго еще до наступленія субботы, когда солнце хотя и склонялось уже къ вечеру, но когда тѣмъ не менѣе былъ еще сіявшій полнымъ блескомъ день (именно пятница), а не вечеръ наступавшей субботы. Отсюда же понятнымъ становится также и то, почему авторъ, цитируя дважды (ст. 5 и 15) законъ Моисея о томъ, что тѣло повѣшеннаго за то или другое преступленіе не должно *ночевать* на деревѣ (Втор. XXI, 22 и д.), передаетъ его въ обоихъ случаяхъ въ такого рода формѣ: „солнце не должно заходить надъ убитымъ“. Въ такой формѣ законъ Моисея, точное соблюденіе котораго, по словамъ автора, такъ сильно озабочивало будто

семи правилахъ для изслѣдованія и нахождения смысла св. Писанія», пер. П. Б.—ва, стр. 69 и д.) «количество времени въ Писаніяхъ часто имѣетъ таинственное значеніе, вслѣдствіе *синекдохического* образа выраженія (*тропо synecdochice*)... А синекдоха есть, когда или цѣлое отъ части (т. е. вм. части), или часть отъ цѣлаго (вм. цѣлаго употребляется). На основаніи этого своего правила Тихоній и утверждалъ (стр. 71—72), что «часъ, въ который погребенъ былъ Господь, есть часть шестаго недѣльнаго дня (т. е. пятницы) съ его прошедшею ночью, и часъ ночи, въ который Онъ воскресъ, есть часть наступающаго дня»... «Первый и послѣдній дни, слѣдовательно, часть цѣлаго. Одинъ только средній (т. е. суббота) былъ полнымъ, отъ вечера до вечера». Блаж. Августинъ въ вышеприведенныхъ словахъ лишь кратко передаетъ сущность того же, что пространнѣе говорится у Тихонія. Такого рода способъ счисления дней и ночей пребыванія І. Христа въ сердцѣ земли былъ, впрочемъ, не единственный, существовавшій въ древности. Какъ бл. Августину (*De Symbolo*, VI, 6), такъ еще ранѣе его—Тихонію («Книга о семи правилахъ», стр. 73), былъ извѣстенъ и такого рода способъ счисления, по которому бывшая въ продолженіе трехъ часовъ (отъ 6—9 часа) тѣмъ считалась также за *ночь*, равно какъ и слѣдовавшіе за нею послѣдніе три часа пятницы за *особый день*. При этомъ, впрочемъ, одни счетъ начинали отъ *ночи* (съ четверга на пятницу), другіе же, имѣя въ виду, что у Спасителя (Мѡ. XII, 40) дни указываются прежде ночей, съ *утра* пятницы. Примѣръ перваго счисления см. въ «*Homilien Aphrahat's*», übersetzt aus dem Syrischen G. Berth (Texte und Untersuchungen v. Gebhardt und Harnack, Bd. III, Hef. 3—4, S. 189); примѣръ втораго—въ «*Didascalia*», V, 13 (Resch, *Apographa, Texte und Untersuchungen*, Bd. V, Hef. 4, S. 409). Что авторъ Евангелія Петра не могъ держаться такого, очень также распространенаго въ древности, какъ видно изъ указанныхъ памятниковъ, способа счисления,—ясно изъ того, что онъ самъ не считалъ, очевидно, наступившую среди полудня тѣму за *ночь*, приписывая такое мнѣніе лишь заблужденію іудеевъ.

бы іудеевъ, очевидно лучше, опредѣленнѣе отвѣчалъ указанной хронологической цѣли автора ¹⁾). Словомъ, если и на основаніи каноническихъ Евангелій, несмотря на указываемый ими *поздній часъ* погребенія, находили возможнымъ утверждать, что *первымъ днемъ и ночью* пребыванія І. Христа въ сердцѣ земли была именно пятница, съ предшествовавшею ей ночью, то авторъ псевдо-Евангелія, чрезъ свое изложеніе, давалъ для такого счисленія еще большее право и основаніе.

То, что въ стихѣ 25-мъ говоритъ авторъ объ іудеяхъ, старѣйшинахъ и священникахъ (разумѣются, несомнѣнно, судьи Господа, осудившіе Его на смерть, (ср. ст. 28), поражаетъ прежде всего своею неожиданностію, отсутствіемъ всякой разумной связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ поведеніемъ ихъ. Вслѣдствіе чего, въ самомъ дѣлѣ, совершилась такая внезапная перемена въ душевномъ настроеніи доселѣшнихъ непримиримыхъ враговъ Іисуса: внезапный переходъ отъ радости къ страху, отъ ожесточенія къ сердечному раскаянію въ совершенномъ злодѣяніи? Какъ помирить, за тѣмъ, съ этими, неожиданно охватившими членовъ Синадріона и ихъ слугъ, горькими, покаянными чувствами то, что они готовы были, однако, совершить въ тоже время новое злодѣяніе, разыскивали учениковъ Господа, какъ злодѣевъ, хотѣвшихъ сечь храмъ (ст. 26)? И далѣе авторъ говоритъ вовсе не о ихъ покаянныхъ чувствахъ, а лишь о ихъ *страхѣ*, чтобы возмущенный равнымъ образомъ убійствомъ Праведника народъ не сдѣлалъ имъ зла (ст. 28—29). Это уже одно обстоятельство не показываетъ ли ясно, съ какого рода извѣстіемъ мы имѣемъ и здѣсь дѣло: съ историческою ли правдою, или съ вымысломъ? Изъ словъ же, влагаемыхъ авторомъ въ уста кающихся убійць Господа, нетрудно, полагаемъ, видѣть и тенденцію вымысла. Тенденція эта извѣстна уже намъ изъ передѣланной авторомъ сцены покаявшагося на крестѣ разбойника (ст. 17). Тамъ изъ устъ разбойника жестокіе распина-

¹⁾ Можетъ быть, впрочемъ, авторъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ и непреднамеренно, имѣя въ виду лишь *смыслъ* закона, а не его букву, какъ это видѣть, напр., у Іосифа Флавія, Bell. jud. IV, 5, 2: τὸσαύτην Ἰουδαίων περὶ τὰς ταύτας πρόβουλον ποιοῦμένων, ὅστε καὶ τοὺς ἐκ καταδίκης ἀνασταυρωμένους πρόβουτος ἤλιος καθάλειν τε καὶ θάπτειν (Zahn, Das Evang. d. Petrus, S. 28, A. 1).

тели Господа слышатъ обличеніе въ своемъ духовномъ ослѣвленіи; теперь, по автору, *они и сами* будто бы вполне сознали свою вину,—увидѣли, сколь великое зло причинили они себѣ самимъ чрезъ распятіе „Спасителя людей“. Таковъ, очевидно, смыслъ покаянныхъ словъ ихъ: „горе (намъ) за грѣхи наши; приблизился судъ и конецъ Іерусалиму“. Но въ этихъ же именно словахъ мы находимъ и разгадку того, что послужило автору основаніемъ для всей этой, измышленной имъ, покаянной сцены.

То, что здѣсь, въ Евангеліи Петра, говорятъ „Иудеи, старѣйшины и священники“, въ такъ называемомъ Syrus Curetornianus (въ изданныхъ въ 1858 г. англ. ученымъ Кюретокномъ отрывкахъ древняго сирійскаго перевода Четвероевангелія), а также въ одномъ изъ манускриптовъ древняго латинскаго (до-Іеронимовскаго) перевода Н. Завѣта—въ Cod. S.-Germanensis I, приписывается возвращавшемуся съ Голгоетскаго позорища *народу* (Лук. XXIII, 48) ¹⁾. Въ то же время тотъ фактъ, что съ тою же апокрифическою прибавкою указанное мѣсто въ Евангеліи Луки несомнѣнно читалъ также и *Tatianus* († 170 г.) ²⁾, необходимо заставляетъ предполагать, что прибавка такого рода появилась въ текстѣ Евангелія (и притомъ въ греческомъ именно текстѣ, откуда она перешла потомъ въ сирійскій и въ латинскій переводы) очень рано, не позже половины 2-го вѣка, а можетъ быть и много ранѣе ³⁾.

¹⁾ По переводу Цана и Гофмана 48 ст. XXIII гл. Ев. Луки въ Syrus Curetornianus читается такъ: «и всѣ тѣ, которые предавались тому же высокомерию (Übermutli) и видѣли происходившее, ударили себя въ грудь и говорили: *Горе намъ, что случилось съ нами? Горе намъ вслѣдствіе грѣховъ нашихъ*». (Zahn, Forschungen zur Geschichte d. N. Kanons und der altkirchl. Literatur, Th. I: Tatian's Diatessaron, Erlang. 1881, S. 216).—Въ Cod. Germanensis I (Sabatier, III, 372) послѣ слова revertebantur (=ἐπέστρεψον) читается также: dicentes, vae vobis (nobis), quae facta sunt hodie propter peccata nostra: appropinquavit enim desolatio Ierusalem (Zahn, ibid., S. 217).

²⁾ По изслѣдованію Цана, св. Ефремъ Сирійскій несомнѣнно читалъ въ Сирійскомъ «Diatessaron» Татіана не только слова: vae fuit, vae fuit nobis, filius dei erat hic, но также и «venerunt iudicia dirutionis Hierosolymorum» (ibid. S. 216—217). См. Das Evangelium d. Petrus, S. 45—46.

³⁾ Цанъ полагаетъ появленіе этой апокрифической прибавки въ каноническомъ текстѣ Ев. Луки между 100—130 годами на томъ въ особенности основаніи, что уже Маркіопъ (около 140—150 г.), при составленіи своего Евангелія, имѣлъ подъ руками испорченный текстъ этого Евангелія, отличавшійся отъ каноническаго главнымъ образомъ такимъ же рода дополненіями. (Das

Вотъ, очевидно, то апокрифическое преданіе, которое подъ перомъ изобрѣтательнаго на вымыслы автора Евангелія Петра превратилось въ совершенно особую, болѣе эффектную и знаменательную сцену, чѣмъ та, какую читалъ онъ въ Евангеліи Луки! Утверждать противное, т. е. что первоисточникомъ для вышеуказанныхъ параллелей послужило будто бы Евангеліе же Петра—невозможно ¹⁾. Невозможно, во-первыхъ, потому, что въ Евангеліи Петра слова раскаянія: „горе (намъ) за грѣхи наши“ и пр. приписываются не *народу*, а „старѣйшинамъ и священникамъ“, т. е. пачальникамъ и руководителямъ народа,—тому, очевидно, сонму судей Господа, которые и осудили Его на смерть (ср. ст. 1.) ²⁾. Народъ (*ὁ λαὸς ἅπας*) здѣсь ясно выдѣляется въ совершенно особую групу (ст. 28), и то, что онъ говорить, бѣя себя въ грудь, указываетъ не столько на скорбь или раскаяніе, сколько на чувство негодованія его противъ убійцъ великаго Праведника. Такъ именно и былъ понятъ ропотъ его „книжниками, фарисеями и старѣйшинами“ (ст. 29). И если теперь нелегко указать причины, почему въ вышеуказанныхъ текстахъ (предполагая первоисточникъ сообщаемой въ нихъ апокрифической прибавки въ 48 ст. XIII гл. Ев. Луки—въ Евангеліи Петра) народу влагается, однако, въ уста не то, что на самомъ дѣлѣ говорилъ онъ по Евангелію Петра, то, наоборотъ, передѣлка со стороны автора послѣдняго этой прибавки въ цѣлую драматическую сцену,—и даже не одну, а двѣ,—весьма понятна въ виду его крайняго антиюдаизма. Для него, какъ антиюдаиста, казалось, понятно, болѣе важнымъ и знаменательнымъ — самихъ виновниковъ распятія Господа представить горько раскаявающимися въ совершенномъ ими злодѣяніи, вложить въ ихъ уста слова, въ которыхъ выражается не скорбь и ра-

Evangelium d. Petrus, S. 46; cf. его-же Geschichte d. N. Kanons, Bd. I, Haif. 2, 585 f.) Мотивомъ къ дополненію въ разсматриваемомъ мѣстѣ ев. Луки Шубергъ считаетъ также пророчество Амоса, VIII, 10 (Composition... Ss. 67—69).

¹⁾ Harnack, Bruchstücke d. Evangeliums des Petrus (Ausf. 2), S. 57.

²⁾ Тѣже самыя лица въ ст. 28 называются: *οἱ γραμματεῖς καὶ φαρισαῖοι καὶ πρεσβύτεροι*; ср. МѠ. XXVII, 41. Равнымъ образомъ и словомъ *οἱ Ἰουδαῖοι* въ ст. 25 обозначается, очевидно, не народъ вообще, а та лишь особая группа лицъ, которая принимала наиболѣе близкое, дѣятельное участіе въ распятіи Господа (ср. ст. 6, 23).

скаліе только, но и очевидное признаніе божественнаго, мессіанскаго достоинства Лица Распятаго ими. Никакихъ къ тому же другихъ, сходныхъ съ Евангеліемъ Петра, чертъ ни въ Diatessaron Татіана, ни въ латинскомъ текстѣ Cod. Germanensis не имѣется; а онѣ несомнѣнно были бы, если бы между этими послѣдними памятниками и первымъ существовала, дѣйствительно, прямая, непосредственная генетическая связь. „Никакой переводчикъ или переписчикъ Евангелія не будетъ же, — скажемъ словами Цана; — обращаться къ помощи какой либо книги, — и притомъ съ содержаніемъ особаго характера, — только для того, чтобы воспользоваться изъ нея одною лишь строкой“¹⁾.

Оставляемъ доколѣ въ сторонѣ разсказъ о воскресеніи І. Христа; особенностей его мы будемъ имѣть случай коснуться далѣе, когда будетъ рѣчь объ отношеніи Евангелія Петра къ нашимъ каноническимъ Евангеліямъ. Здѣсь же считаемъ великимъ остановиться на болѣе подробномъ, сравнительно съ предшествовавшими замѣчаніями, разборѣ одной, намѣренно опущенной нами доколѣ, особенности въ описаніи страданій І. Христа, послѣ осужденія Его на распятіе. Въ 7-мъ стихѣ отрывка говорится именно, что взяшіе Господа (по приказанію Ирода) „облекли Его въ порфиру и *посидили его на судейскую кафедру, говоря: суди (насъ) праведно, Царь Израильскій*“. Подробность эта заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что совершенно аналогичное съ нею преданіе читаемъ также и у Іустина Мученика. Въ Apolog. I, 35, указывая на исполненіе разныхъ пророчествъ, относящихся къ страданіямъ І. Христа, св. Іустинъ говоритъ между прочимъ: „и сверхъ того, какъ сказалъ пророкъ, ругаясь надъ Нимъ, посадили Его на судилещѣ и говорили: суди насъ“²⁾. Откуда, спрашивается, оба писателя (и прежде всего авторъ псевдо-Евангелія) заимствовали это, совершенно чуждое нашимъ каноническимъ Евангеліямъ, извѣстіе? Съ любопытными, но едва ли, однако, справедливыми рѣшеніями этого вопроса встрѣчаемся мы въ изслѣдованіяхъ западныхъ уче-

¹⁾ Zahn a. a. o. S. 47.

²⁾ Καὶ ἔπειτα, ὡς εἶπεν ὁ προφῆτης, διαβρόντες αὐτὸν ἐκάθισαν ἐπὶ βῆματος καὶ εἶπον: κρίνον δίδῃ (Corpus apocryph., S. Iustini Opp. tom. I. pars 1. p. 106).

ныхъ. Почти всѣ они (доселѣ, по крайней мѣрѣ), расходясь въ нѣкоторыхъ частностяхъ, согласно видятъ первичный источникъ передаваемого въ Евангеліи Петра и у св. Іустина извѣстія въ словахъ Евангел. Іоанна XIX, 13—14, гдѣ говорится: *Пилатъ, услышавъ это слово, вывелъ вонъ Іисуса, и сѣлъ на судилищѣ* (καὶ ἐκῆδισεν ἐπὶ τοῦ βήματος), *на мѣстѣ, называемомъ Лиоостротонъ,И сказалъ іудеямъ: се, Царь вашъ!* Такой переводъ и пониманіе этого мѣста (собственно словъ его: „и сѣлъ на судилищѣ“) нѣкоторые изъ нихъ прямо и рѣшительно объявляютъ теперь неправильнымъ. По мнѣнію Гарнака, примѣръ св. Іустина и Евангелія Петра, а вмѣстѣ будто бы и самый характеръ указанного мѣста въ Евангеліи Іоанна не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и самъ Іоаннъ понималъ глаголь ἐκῆδισεν въ транзитивномъ значеніи ¹⁾; и слѣд. слова его нужно переводить такъ: „Пилатъ же, услышавъ это слово, вывелъ вонъ Іисуса и посадилъ (Его) на судилищѣ,И сказалъ іудеямъ: се, Царь вашъ!“ Такимъ образомъ получается у Гарнака слѣдующее объясненіе происхожденія апокрифическаго сказанія въ Евангеліи Петра: то, что по Евангелію Іоанна сдѣлано было Пилатомъ, въ Евангеліи Пе-

¹⁾ А. Harnack, *Beichstücke d. Evangelium und d. Apocalypse des Petrus* (Auf. 2, Leipz. 1893), S. 63. «Большая часть толкователей, говоритъ Гарнакъ, въ словахъ Іоанна XIX, 13 понимали глаголь ἐκῆδισεν въ интранзитивномъ значеніи. Но если сравнить Іуст. Апол. I, 35: διατρίτοντες αὐτὸν ἐκῆδισαν ἐπὶ βήματος κτλ., равно какъ наше (т. е. Еванг. Петра) мѣсто: ὄρθον αὐτὸν τρέχοντες... ἐκῆδισαν αὐτὸν ἐπὶ καθέδραν κρίσεως, если обратить, далѣе, вниманіе, что Іоанново: «Ἦδὲ ὁ βασιλεὺς ὄρθων» получаетъ свой острый, явительный смыслъ (акцентъ) лишь въ томъ случаѣ, если Іисусъ былъ представляемъ (іудеямъ) сидящимъ на судейскомъ креслѣ, если принять, наконецъ, въ соображеніе, что по Евангелію Петра [чтобы сложить вппу съ Пилата] война (іудей?) еще два раза дѣлаютъ то, что у Іоанна приписывается самому Пилату (Ев. Петра ст. 9: καὶ τὴν αὐτὸν ἐράστειζον, ср. Іоан. 19, 1: ἐλάθεν ὁ Πειλάτος τὸν Ἰησοῦν καὶ ἐράστειψεν; Ев. II, ст. 11: ἐνέγραψαν ὅτι: οὗτός ἐστιν ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων; ср. Іоан. 19, 19: ἐγράψεν δὲ καὶ τитλὸν ὁ Πειλάτος κтл.), то едвали можно сомнѣваться въ томъ, что Іоаннъ понималъ ἐκῆδισεν въ транзитивномъ значеніи» (т. е. «посадилъ», а не «сѣлъ»). Тоже, вслѣдъ за Гарнакомъ, утверждаетъ и Joh. Kuntze, *Das neu-entdeckene Bruchstück des sogen. Petrus-evangelium*. (Leipz. 1893), S. 32. Честь открытія такого новаго смысла въ словахъ Іоанна Гарнакъ, впрочемъ, приписываетъ не себѣ, а дружескому сообщенію англійскихъ ученыхъ, неизвѣстно только кого: Horib'a ап. (уже умершаго) или Westcott'a? Въ первомъ изданіи своей монографіи онъ называетъ первого; во второмъ же (безъ какой-либо оговорки) второго.

тра, съ цѣлю оправданія Пилата, приписывается іудеямъ, какъ это, замѣчаетъ Гарнакъ, наблюдается и еще въ двухъ другихъ случаяхъ (см. стих. 9 и 11). Что касается Іустина мученика, то въ его зависимости отъ Евангелія Петра въ данномъ случаѣ Гарнакъ нимало не сомнѣвается. По его убѣжденію, св. Іустинъ не только зналъ вообще это Евангеліе, но имѣлъ его въ числѣ именно «Ἀποκρυφικῶν βιβλίων τῶν ἀποστόλων», какъ подлинное Евангеліе св. апостола. Самое названіе Евангелій терминомъ «Ἀποκρυφικῶν βιβλίων», по всей вѣроятности, думаетъ онъ, заимствовано Іустиномъ отъ Евангелія же Петра, такъ какъ между всеми Евангеліями только оно одно само себя прямо выдаетъ за ἀποκρυφικῶν βιβλίων Πέτρου¹⁾.

Нѣсколько иное рѣшеніе разсматриваемаго нами вопроса, на основаніи, впрочемъ, того же мѣста Еванг. Іоанна XIX, 13, 14, находимъ у Цана²⁾. Цанъ не раздѣляетъ мнѣнія Гарнака относительно неправильности будто бы доселѣшняго пониманія этого мѣста въ Евангеліи Іоанна; предлагаемое послѣднимъ новое пониманіе его онъ находитъ, напротивъ, совершенно противнымъ мысли евангелиста³⁾. Тѣмъ не менѣе и онъ не отрицаетъ по крайней

¹⁾ а. а. О. Ss. 37, 40—Л. 2. Какъ именно «Ἀποκρυφικῶν βιβλίων Πέτρον», Евангеліе Петра нигдѣ, замѣтимъ, само себя не выдаетъ; оно выдаетъ себя вообще за подлинное лишь писаніе ап. Петра. И если оно было, дѣйствительно, извѣстно св. Іустину, то извѣстно, по всей вѣроятности, подъ тѣмъ же наименованіемъ (Πέτρον или κατὰ Πέτρον ἀποκρυφικῶν βιβλίων), какъ Серапіону, Оригену и Евсевію, такъ что производить отъ него именно употребляемое у Іустина названіе Евангелій «Ἀποκρυφικῶν βιβλίων» нѣтъ никакихъ основаній. Вопросъ о происхожденіи этого термина вполне удовлетворительно выясненъ у Цана, въ его «Geschichte d. N. Kanons, Bd. I, 2, S. 471 f.

²⁾ Das Evangelium des Petrus, S. 42 f. Ср. также Schubert's Composition des Pseudopetrin-Evangelien-fragments S. 17.

³⁾ Приводимъ замѣчанія его противъ вышеприведеннаго смѣлаго утвержденія Гарнака: 1) Іоаннъ употребляетъ глаголь καθίζω и въ другихъ мѣстахъ (XII, 14; ср. VIII, 2) также, какъ Синоптики и книга Дѣяній апостольскихъ, постоянно въ интразитивномъ и возвратномъ значеніи. При этомъ заслуживаетъ особенно вниманія связь его съ ἐπί θρόνῳ, βῆματος, καθέδρας и т. под. (Мѡ. 19, 28; 20, 21, 23; 23, 2; 25, 31. Мр. 10, 37, 40; 16, 19; Лук. 22, 30; Дѣяп. 2, 30; 12, 21; 25, 6, 17.—Во всемъ вообще Н. Завѣтѣ,—замѣтимъ отъ себя,—изъ 47-ми мѣстъ, гдѣ встрѣчается гл. καθίζω, въ транзитивномъ значеніи онъ употребляется только два раза, у ап. Павла: 1 Кор. VI, 4 и Еф. I, 20); 2) Въ предложеніи, гдѣ подлежащимъ является судья, значеніе ἐκθισεν ἐπί (или ἐπὶ: τῷ) βῆματος само собою понятно: «онъ сѣлъ на своемъ судейскомъ креслѣ»; ср. Мѡ. 27, 19. На противоположный смыслъ всякій разумный писатель

мѣръ того, что еще въ древнее время, какъ видимъ это въ новѣйшее, мѣсто у Иоан. XIX, 13, 14 могли, дѣйствительно, понимать такъ, какъ будто бы евангелистъ хотѣлъ сказать: „Пилать же, услышавъ это слово, вывелъ вонъ Иисуса и посадилъ Его на судилищѣ“ и пр., тѣмъ болѣе, что грамматически такое пониманіе его возможно. Какимъ образомъ изъ такого неправильнаго пониманія словъ Иоанна возникло совершенно новое, однако, сказаніе, передающее хотя и сходную сцену, но гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является уже не Пилать, а іудей,—Царь объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Разъ,—говоритъ онъ,—утвердилось въ извѣстныхъ кругахъ неправильное пониманіе Иоаннова повѣствованія, начали, естественно, точно также приискивать и для этого замѣчательнаго факта (т. е. посаженія Пилатомъ І. Христа на судейскомъ креслѣ, какъ Царя) какое-либо пророчество въ В. Завѣтѣ, какъ приискивали и находили подходящія предсказанія и для другихъ, несопоставленныхъ въ нашихъ Евангеліяхъ съ какимъ-либо изъ нихъ, чертъ изъ исторіи страданій Его, напр. относительно наноенія

непримѣнно указать бы чрезъ прибавленіе *αὐτὸν* послѣ *ἐξήϊσεν* (ср. Еф. I, 20). Какъ на особенность Иоаннова стиля, Царь указываетъ далѣе на то, что онъ любитъ вообще, рѣди полноты рѣчи, даже излишнее иногда употребленіе *αὐτὸν* какъ послѣ собственного имени (6, 24, 25; 12, 17; 18, 12, 13), такъ и послѣ *αὐτὸν* же, ранѣе употребленнаго (6, 39, 44; 8, 55; 11, 44; 13, 32; 14, 7; 18, 31; 19, 6); а потому и въ разсматриваемомъ мѣстѣ, даже безъ особаго побужденія, онъ прибавилъ бы *αὐτὸν*, если бы при этомъ объектомъ былъ Иисусъ. 3) Обстоятельное указаніе *μέστη*, гдѣ стояло судейское кресло, а также *πενή* (пятница) и *ἕκτη* (шестой), когда случилось описываемое обстоятельство, не имѣло бы совершенно смысла у Иоанна, если бы рѣчь шла не о послѣднемъ, торжественномъ моментѣ суда, когда Пилать, сѣвъ на свое судейское кресло, произнесъ, наконецъ, смертный приговоръ надъ І. Христомъ, а объ одной лишь изъ тѣхъ пасмыскъ, которыя были и ранѣе (18, 39; 19, 1—5). Съ своей стороны къ этимъ замѣчаніямъ Царя прибавимъ 4), что по самому существу дѣла невозможно вообще допустить, чтобы Пилать, намѣстникъ Кесаря, позволялъ себѣ такой не только унижательный для своего достоинства, но и прямо противозаконный поступокъ—посадить недоудимаго Узника на свое судейское мѣсто, и при этомъ еще провозгласить: «се, Царь вашъ!» Подобный поступокъ справедливо сочтенъ былъ въ враждебнымъ ему Синадріономъ за *εὐνομία* *ἀναστασίας* (преступленіе противъ величества Кесаря); позволить себѣ его Пилать тѣмъ менѣе могъ, что по сказанію Евангелиста же Иоанна наущенный Синадріономъ народъ громко началъ, наконецъ, угрожать прокуратору доносомъ на него въ Римъ (Таверию), какъ на измѣнника Кесарю (XIX, 12).

Распятого укусомъ съ желчію, и найденное пророчество (Ис. LVIII, 2) привнесли въ евангельское преданіе ¹⁾). Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что теперь тѣмъ скорѣе самими іудеями стали приписывать совершеніе въ свою очередь того мнимаго посяганія надъ Іисусомъ, поводъ къ которому поданъ былъ будто бы Пилатомъ; потому что у Исаи говорится именно о поведеніи іудейскаго народа въ отношеніи къ своему Богу; слѣдующее же за цитруемымъ у Іустина мѣстомъ λέγουτες (въ словахъ пророка) прямо требовало какого-либо формулированія словъ, съ которыми іудеи обратились къ сидѣвшему на судейскомъ креслѣ Іисусу, въ смыслѣ суда. Формулированіе ихъ у Іустина и въ Евангеліи Петра неодинаково. Распространялось ли, — такъ заключаетъ Цанъ свое объясненіе, — апокрифическое развитіе евангельскаго повѣствованія въ формѣ глоссы къ Іоанн. XIX, 13, 14, или въ формѣ экзегетическаго преданія, — не знаемъ. Несомнѣнно то, что неправильное пониманіе Іоан. XIX, 13 породило изъ себя сагу *ранне Іустина и Евангелія Петра* ²⁾).

Сравнительно съ объясненіемъ Гарнака вышеизложенное объясненіе Цана представляется, конечно, болѣе вѣроятнымъ. Тѣмъ не менѣе согласиться и съ нимъ нельзя по слѣдующимъ основаніямъ: 1) предполагаемое Цаномъ неправильное пониманіе многими Іоан. XIX, 13 еще въ древнее время есть не болѣе, какъ смѣлое предположеніе, вѣрности котораго ничѣмъ подтвердить нельзя ³⁾);

¹⁾ Приводимъ для ясности текстъ пророческаго мѣста: *просятъ мнѣ у Мене суда праведна и приблизитися ко Господу желаютъ, глаголюще: что яко постигося* и пр. На это именно мѣсто прор. Исаи, какъ на одну изъ главныхъ основъ апокрифическаго преданія, Цанъ указываетъ (S. 42) потому, что оно же цитруется и у Іустина Мученика въ Apol. I, 35: αἰτοῦσι με ὑὸν κρίνειν (LXX add. δικαίαν) καὶ ἐγγίσειν θεῶν τοῦ κρινοῦσιν (LXX ἐπιθρονοῦσιν).

²⁾ Das Evangelium des Petrus, S. 44—45.

³⁾ Замѣтимъ, что и Цанъ, подобно Гарнаку, на предложенное имъ объясненіе происхожденія разсматриваемаго апокриф. преданія въ Евангеліи Петра и у св. Іустина наведенъ былъ, по его собственному признанію (S. 43), также однимъ изъ англійскихъ ученыхъ, Джемсомъ Дрюммондомъ (см. G. Salmon, A historical introduction to the Study of the Books of the N. Testament. Ed. 5, Lond. 1891, p. 66—67). По мнѣнію Дрюммонда, фраза Іустина въ Apol. I, 35: διατρέποντες αὐτὸν ἐκείρισαν ἐπὶ βήματος καὶ εἶπον: Κρίνον ἡμῖν, за исключеніемъ перемѣны единственнаго числа на множественное, совершенно будтобы *тождественна* (?) съ словами Іоанна въ XIX, 13 καὶ ἐκείρισεν ἐπὶ τοῦ βήματος, а потому опъ находитъ основательнымъ заключеніе, что Іустинъ читалъ это мѣсто въ Евангеліи Іоанна, и что глаголь ἐκείρισεν опъ понималъ въ транзитивномъ значе-

2) если и допустить, что многіе въ древности выраженіе Іоанна: «καὶ ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ βήματος» понимали дѣйствительно такъ: „и посадилъ Его на судилищѣ“, какимъ образомъ, спрашивается, такого рода пониманіе могло привести къ мысли объ исполненіи въ этомъ случаѣ именно пророчества Исаи въ LVIII, 2 ст.? Фактъ посажденія І. Христа Пилатомъ на судейскомъ креслѣ, и въ особенноти слова его при этомъ: „се, Царь вашъ“ должны были скорѣе навести на мысль объ исполненіи одного изъ тѣхъ пророчествъ В. Завѣта, въ которыхъ говорится о *царскомъ достоинствѣ* будущаго Мессіи,—напр. Псал. II, 6 и д.; XLIV, 4 и д.; Ис. IX, 6; Мих. V, 2; Іезек. XXXIV, 23 и д.; Дан. VII, 13, 14 и др.? Пророчество же Исаи въ 58-й гл., ст. 2 могло быть подыскано, напротивъ, уже тогда, когда неправильное пониманіе Іоаннова повѣствованія получило, наконецъ, ту легендарную форму, въ какой передаютъ его св. Іустинъ и Евангеліе Петра; и мы думаемъ, что ссылка на это пророчество принадлежитъ всецѣло Іустину мученику и никакого вліянія на образованіе легенды не имѣла ¹⁾); наконецъ 3) кромѣ нѣкотораго сходства въ выраженіяхъ между повѣствованіемъ Іоанна въ XIX, 13 и рассматриваемымъ апокрифическимъ преданіемъ (особенно у Іустина: ἐκάθισαν ἐπὶ βήματος) нельзя указать никакихъ другихъ, болѣе твердыхъ основаній для того, почему, въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе послѣдняго нужно непременно связывать съ неправильнымъ, или тѣмъ

нѣи. Мнѣніе Дрюммонда раздѣляетъ, повидному, и Salmon, сообщающій между прочимъ, что еще много лѣтъ рапѣ Дрюммонда онъ слышалъ также отъ архіеп. Whately, что ἐκάθισεν у Іоанна нужно понимать въ тразитивномъ значеніи, какъ 1 Кор. VI, 4; Еф. I, 20.

¹⁾ На стр. 43 Цанъ самъ справедливо говоритъ, что само по себѣ мѣсто изъ прор. Исаи, очевидно, недостаточно для объясненія происхожденія рассматриваемой саги у Іустина и въ Евангеліи Петра, потому что въ немъ ничего не говорится о судейскомъ креслѣ; и по своему содержанію и связи оно такъ далеко отъ исторіи страданій І. Христа, что примѣненіе его къ послѣдней, безъ какаго-либо опредѣленнаго связующаго пункта въ ней, составляло бы непонятную загадку. Говоря это, Цанъ имѣетъ въ виду прежде свое объясненіе происхожденія легенды у св. Іустина, въ Geschichte d. N. Canon. Bd. I. 2 Hft. S. 548; но замѣчаніе его одинаково приложимо и къ настоящему объясненію. Содержаніе и связь пророческаго мѣста одинаково остаются далекими отъ исторіи страданій І. Христа и при предполагаемомъ Цаномъ неправильномъ пониманіи словъ Іоанна.

мнимо-правильнымъ пониманіемъ перваго, какое предлагаютъ Гарнакъ и нѣкоторые изъ англійскихъ ученыхъ ¹⁾. Къ тому же, такого рода способъ объясненія отнюдь не единственно-возможный способъ. Не трудно представить и другой, болѣе, по нашему мнѣнію, естественный или простой, а потому и болѣе вѣроятный.

Описываемая въ отрывкѣ Евангелія Петра сцена, къ подробностямъ которой принадлежитъ и тотъ фактъ, что „взявшіе Господа“ посадили Его, между прочимъ, на судейскую каедрю, говоря: „суди (насъ) праведно, Царь Израильскій“, есть, очевидно, та же самая сцена, которую описываютъ и евангелисты, когда воины Пилата, послѣ бичеванія, вздумали еще заставить преданнаго въ ихъ руки Узника представить лицо царя, возводимаго въ царское достоинство (Мѡ. XXVII, 27 и д.; Мр. XV, 16 и д.; Іоан. XIX, 1 и д.). Подробность эта такъ, повидимому, естественна, стоитъ въ такой тѣсной связи съ общимъ характеромъ и ходомъ устроенной спирою Пилата варварски-потѣшной сцены, что съ перваго взгляда невольно является даже вопросъ: не передается ли, въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ въ отрывкѣ фактъ, дѣйствительно бывшій, но опущенный почему либо евангелистами? Согласиться съ этимъ не позволяетъ, однако, самое простое соображеніе. Совершенно непонятно, почему бы три евангелиста, передавая всѣ другія насмѣшки воиновъ надъ Іисусомъ, могли опустить наиболее характерную изъ нихъ? Позднѣйшая же прибавка ея, напротивъ, весьма понятна: при ней вся сцена осмѣянія Іисуса Христа, какъ мнимаго царя Іудейскаго, выходитъ болѣе полною и еще болѣе саркастическою. И это дополненіе или прикраса могла явиться въ данномъ случаѣ тѣмъ скорѣе и легче, что и евангельскія повѣствованія *не исключаютъ* собственно того предположенія или мысли, что Христосъ Спаситель, измученный въ особеннѣмъ предшествовавшимъ потѣшной сцѣнѣ жестокимъ бичеваніемъ, во все время дальнѣйшихъ издѣвательствъ и насмѣшекъ надъ Нимъ, *дѣйстви-*

¹⁾ 2-мъ ст. Евангелія Петра прямо исключается даже всякое предположеніе такой связи, потому что тамъ ясно говорится, что, закончивши судъ, Пилать «всталъ»; предполагается, слѣд., что въ послѣдній моментъ суда Пилать (а не Іисусъ) сидѣлъ на судилищѣ. Относительно этого момента авторъ Евангелія Петра совершенно согласенъ съ Евангелиемъ Іоанна.

тельно сидѣлъ на чемъ либо, можетъ быть—и въ самомъ дѣлѣ на какомъ либо, оказавшемся на дворѣ преторіи, стулѣ или креслѣ; и это-то совершенно случайное обстоятельство, разъ мысль о немъ сдѣлалась обычною у многихъ при изображеніи сцены, легко могло быть истолковано затѣмъ въ смыслѣ также *преднамыренного* дѣйствія со стороны воиновъ, *нарочито* будто бы посадившихъ Иисуса Христа на воображаемую судейскую каѳедру или царскій тронъ, чтобы лучше придать Ему чрезъ это насмѣшливую роль царя. Когда же вся вообще исторія суда надъ І. Христомъ начала приниматься въ извѣстномъ кругу христіанъ ту тенденціозную, легендарную форму, въ какой передается она въ Евангеліи Петра, т. е. когда всю вину въ осужденіи Его на смерть стали приписывать не Пилату, а Ироду Антипѣ съ членами Синедріона, устройство и этой насмѣшки, вмѣстѣ съ другими, приписано было также іудеямъ. Что касается словъ: „суди насъ“ (Іустинъ) или: „суди (насъ) праведно, царь Израильскій“ (Евангеліе Петра), съ которыми будто бы іудеи насмѣшливо обращались къ сидѣвшему на судейской каѳедрѣ Иисусу, то слова эти составляютъ, несомнѣнно, передѣлку того, что говорится и у евангелистовъ о войнахъ Пилата: *и становясь предъ Нимъ на колѣна, насмѣхались надъ Нимъ* (Мр.: *кланялись Ему*), *говоря: радуйся, Царь Іудейскій* (Мѳ. XXVІІ, 29; Мр. XV, 18, 19; Іоан. XIX, 2, 3). Передѣлка эта необходимо вызывалась какъ переменною дѣйствующимихъ лицъ (вмѣсто воиновъ на сцену являются іудеи); такъ въ особенности видоизмѣненіемъ самаго характера сцены, чрезъ то именно, что Иисусъ Христосъ представлялся *сидящимъ на тронѣ или каѳедрѣ*. Въ такомъ положеніи Онъ дѣйствительно изображалъ Собою не просто лишь Царя, облеченнаго въ знаки своего царскаго достоинства (какъ хотѣли представить Его воины Пилата), но именно Царя, *творящаго судъ надъ своими подданными*, а потому и насмѣшливое привѣтствіе воиновъ: „радуйся, Царь Іудейскій“ могло казаться не вполне гармонирующимъ съ такимъ положеніемъ и требовало какого либо формулированія насмѣшки въ смыслѣ суда. Очень возможно, что и вся вообще легенда образовалась подъ влияніемъ именно такого смысла или значенія, приданнаго насмѣшкамъ воиновъ

надъ Иисусомъ позднѣйшими толкователями или повѣствователями о нихъ, т. е. что и воины Пилата (по Евангелію Петра: іудеи), послѣ только что окончившагося суда надъ Узникомъ ¹⁾, вздумали также будто бы представить потѣшную картину суда,—при чемъ роль Судии-царя изображалъ Иисусъ, а они—роль подсудимыхъ подданныхъ. Воображенію открывался вообще въ данномъ случаѣ широкой просторъ; и въ устномъ преданіи передавалось, безъ сомнѣнія, не мало и другихъ подробностей объ этой жестокой сценѣ, кромѣ тѣхъ, какія передаются въ Евангеліи Петра.

Главный научный интересъ заключается, впрочемъ, не въ происхожденіи собственно легенды въ Евангеліи Петра, а въ вопросѣ о томъ, откуда заимствоваль эту легенду св. Іустинъ: изъ Евангелія ли Петра, или другого какого либо источника, устнаго или письменнаго? Въ этомъ отношеніи Цанъ остается вѣренъ прежнему своему мнѣнію, высказанному имъ въ „Исторіи Новозав. канона“: какъ вообще употребленія Іустиномъ Евангелія Петра, такъ, въ частности, и заимствованія имъ изъ него же настоящей легенды онъ не признаетъ ²⁾. Какъ показываетъ, однако, примѣръ Гарнака, и противоположное мнѣніе, совсѣмъ было оставленное даже и прежними защитниками его, снова начинаетъ приобрѣтать себѣ также горячихъ приверженцевъ,—и притомъ въ лицѣ бывшихъ даже доселѣ противниковъ его ³⁾. Вопросъ о томъ, пользовался, или нѣтъ, св. Іустинъ Евангеліемъ Петра, общаешь, так. обр.,

¹⁾ По описанію Маттея и Марка, сцена бичеванія І. Христа, вмѣстѣ съ послѣдовавшими за нимъ пздѣвательствами и насмѣшками надъ Нимъ со стороны воиновъ, происходила *послѣ* уже произнесенія смертнаго приговора (Мѣ. XXVII, 26 и д.; Мр. XV, 16 и д.); по Іоанну же—*ранѣе* (XIX, 1 и д.). Авторъ Евангелія Петра слѣдовалъ, очевидно, сказанію Маттея и Марка.

²⁾ Das Evangelium des Petrus, Ss. 43, 68; ср. Geschichte des N. Kanons, S. 536.—Первымъ и самымъ горячимъ защитникомъ противоположнаго мнѣнія, что св. Іустинъ зналъ Евангелію Петра, что большинство евангельскихъ нитатъ заимствовано имъ изъ этого именно Евангелія, былъ Креднеръ (см. его «Beiträge zur Einleitung in die biblischen Schriften, Bd. I, Halle, 1832, Ss. 92—267); ему слѣдовали особенно Шеглеръ, Целлеръ, Гильгенфельдъ. Красивый очеркъ споровъ по этому вопросу см. у W. Bousset, Die Evangelienicite Iustins d. Märtyrers, Göttingen, 1891.

³⁾ Разумѣемъ именно Гарнака, мнѣніе котораго о зависимости Іустина отъ Евангелія Петра изложено нами выше. Гильгенфельдъ же съ нѣкоторымъ даже торжествомъ заявляетъ теперь въ своемъ журналѣ: «Zeitschrift für Wissenschaftliche

снова сдѣлаться въ западной литературѣ предметомъ ученаго спора, на этотъ разъ тѣмъ болѣе безцѣльнаго и безплоднаго, что на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ разсматриваемой легенды, никакихъ другихъ чертъ сходства съ Іустиномъ отрывокъ Евангелія Петра не представляетъ ¹⁾. Но и въ приводимой у Іустина легендѣ какіе собственно имѣются признаки того, что она заимствована имъ именно изъ Евангелія Петра? Гарнакъ въ особенности настаиваетъ на „сходствѣ выраженія „*διασύροντες*“ у Іустина съ „*σύρωμεν*“ (*σύρωμεν*) въ Евангеліи Петра, утверждая, что будто бы и это послѣднее нужно понимать также въ переносномъ смыслѣ: „насмѣхаться“, „поносить“ или „ругаться“ надъ чѣмъ-либо. Самъ же онъ, однако, сознается, что ни одного примѣра такого употребленія глагола „*σύρειν*“ онъ не знаетъ, и „что помочь ему въ этомъ не могли и его гг. филологическіе коллеги ²⁾. Какъ на дѣйствительно сходную черту, можно указать лишь на то, что какъ у Іустина, такъ и въ Евангеліи Петра, іудеи одинаково обращаются къ посаженному ими І. Христу съ насмѣшливымъ требованіемъ *суда* надъ ними: *χρῖνον ἡμῖν* (у св. Іустина); *δικαίως χρῖνε, βασιλεῦ τοῦ Ἰσραήλ* (въ Евангеліи Петра). Но рядомъ съ этою сходною чертою кто же не видитъ и нѣкоторыхъ немаловажныхъ разностей въ формулированіи этого требованія? (Особенно замѣчательно отсутствіе въ

Theologie (1893, H. f. 4, S. 447), какъ онъ еще 42 года назадъ доказывалъ, что Іустинъ пользовался какимъ-либо неканоническимъ Евангеліемъ,—и притомъ, по всей вѣроятности, Евангеліемъ Петра! Источникомъ разсматриваемаго легендарнаго извѣстія св. Іустина Гильгенфельдъ считалъ, однако, и ранѣе не Евангеліе Петра, а Акты Пилата (Über die Evangelien Iustins, Halle, 1850, S. 241).

¹⁾ Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать серьезно примѣчательными чертами сходства такія напр. черты: подобно Евангелію Петра (ст. 2) Іустинъ (Аполог. I, 40; Dial. с. Tryph. 103) называетъ Ирода Антипу *царемъ*; но ср. Мѣ. XIV, 9; Мар. VI, 14, 22—26; или употребляетъ въ *одномъ мѣстѣ* (Dial. 97) выраженіе: *λαχρὸν βάλλοντες* (Еванг. Петра ст. 12); ср. Іоан. XIX, 24: *λάχρωμεν*; или говорить о бывшемъ собраніи противъ Христа «Ирода, царя іудейскаго, іудеевъ и Пилата съ воинами» (Апол. I, 40; Еванг. Петра, ст. I ст. и д.); ср. Дѣян. IV, 27. Завѣсность Іустина отъ послѣдняго мѣста ясно доказывается особенно тѣмъ, что и у него, какъ у Дѣяисателя, цитируется при этомъ одно и тоже мѣсто Псал. 2, 1—2. Небольшое значеніе имѣютъ и другія, указываемыя Гарнакомъ на стр. 38—39, среднія черты. Ср. также A. Lods, L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre, p. 60—61.

²⁾ а. а. О. S. 62.

словахъ насмѣшки по Іустину слова: δικαίως предъ κρίνον. Назвать эту разность, какъ и отсутствіе словъ: βασιλεῦ τοῦ Ἰσραήλ, случайнымъ лишь пропускомъ со стороны Іустина нельзя потому, что и въ словахъ прор. Исаи (LVIII, 2), исполненіе которыхъ онъ видитъ въ указываемомъ имъ обстоятельстве (ὡς εἶπεν ὁ προφήτης), у него оказывается также опущеннымъ слово δικαίαν (LXX αἰτοῦσά με νῦν κρίσιν δικαίαν). Очевидно, такъ какъ Іустинъ не читалъ этого слова въ словахъ насмѣшки, то онъ, не придавъ ему значенія и въ цитуемомъ имъ пророчествѣ. Вмѣсто ἐπὶ καθέδραν κρίσεως въ Евангеліи Петра Іустинъ пишетъ ἐπὶ βήματος: разность опять совершенно необъяснимая, если допустить заимствованіе имъ легенды изъ Евангелія Петра. Выраженіе послѣдняго: καθέδρα κρίσεως Іустинъ долженъ былъ бы, повидимому, тѣмъ болѣе удержать, что оно вполне гармонировало какъ съ κρίνον ἡμῶν, такъ и съ выраженіемъ въ приводимомъ имъ пророчествѣ: κρίσιν δικαίαν. Если бы въ той формѣ, въ какой легенда передается въ Евангеліи Петра, она передавалась у Іустина, и на оборотъ, форма, въ которой передается у послѣдняго, находилась бы въ Евангеліи Петра, объясненіе указанныхъ разностей не представляло бы никакой трудности. На форму передачи ея у Іустина въ такомъ случаѣ вполне справедливо можно было бы смотрѣть, какъ на усовершенствованную лишь редакцію словъ Евангелія Петра, намѣренно согласованную съ пророческимъ мѣстомъ Ис. LII, 2. При настоящемъ же соотношеніи текстовъ указанныя разности нужно или относить на счетъ непонятнаго авторскаго произвола, неточности со стороны Іустина въ передачѣ заимствованнаго изъ Евангелія Петра извѣстія (такого рода легкій, но совершенно произвольный способъ объясненія въ широкой мѣрѣ, какъ извѣстно, практиковался нѣкоторыми учеными (напр. Семипетъ) и при объясненіи всѣхъ вообще разностей въ цитаціяхъ Іустина какъ ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ мѣстъ), или же признать ихъ, какъ разности, естественно происшедшія вслѣдствіе того, что хотя Іустинъ и пользовался, можетъ быть, общимъ съ авторомъ Евангелія Петра источникомъ, но совершенно, однако, независимо отъ него. Последнее объясненіе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что оно стоитъ

въ полномъ согласіи и съ происхожденіемъ легенды. Какимъ бы путемъ она ни образовалась, но разъ происхожденіе ея нужно относить ко времени *ранне* Іустина и Евангелія Петра, нѣтъ основаній и настаивать непременно на заимствованіи ея первымъ изъ послѣдняго. Заимствовалъ ли извѣстіе о ней Іустинъ (какъ и авторъ Евангелія Петра) изъ устнаго преданія, или изъ какой-либо интерполяціи къ тексту того или другого изъ нашихъ Евангелій,—сказать объ этомъ что-либо опредѣленное невозможно.

Пользуемся случаемъ отмѣтить здѣсь же, по поводу той же легенды, слѣдующую, рѣзко бросающуюся также въ глаза черту въ Евангеліи Петра. Если для св. Іустина мученика вышерассмотрѣнная легенда представляла главнымъ образомъ догматическій интересъ, какъ доказательство точнаго исполненія на І. Христѣ всего предсказаннаго о немъ въ В. Завѣтѣ, то автору Евангелія Петра такого рода апологетическіи цѣли и въ настоящемъ случаѣ, какъ въ другихъ, были, по всей вѣроятности, совершенно, чужды. Онъ пользуется легендою, какъ прекрасною лишь иллюстраціею къ изображаемой имъ жестокости іудеевъ въ отношеніи къ І. Христу. На В. Завѣтѣ вообще авторъ Евангелія Петра, какъ антиюдаистъ, смотрѣлъ, какъ кажется, тѣми же глазами, какъ и Маркіонъ. Нигдѣ, въ самомъ дѣлѣ, въ отрывкѣ ни разу не указывается на связь или соотвѣтствіе того или другого изъ описываемыхъ имъ событій съ ветхозавѣтными пророчествами, хотя при несомнѣнномъ знакомствѣ его съ нашими Евангеліями онъ имѣлъ для этого и случай и побужденія ¹⁾). Тонъ, въ какомъ говоритъ онъ о законѣ

¹⁾ Папр. при указаніи на распятіе Господа посреди двухъ злодѣевъ (ст. 10) на Ис. 53, 12, какъ у Мр. XV, 28; на раздѣленіе одежды Распятаго и метаніи при этомъ жребіи (ст. 12) на Псал. 21, 19, какъ у Іоан. XIX, 24.—Выраженіе въ ст. 17-мъ: «и исполнили все» (*καὶ ἐπλήρωσαν πάντα*) не можетъ служить основаніемъ для противоположнаго высказываемому нами мнѣнію. Подъ «исполненіемъ всего» здѣсь правильнѣе разумѣть не исполненіе всего написаннаго въ В. Завѣтѣ о страданіяхъ І. Христа (Schubert, *Compositiōn...* S. 33), а исполненіе іудеями мѣры грѣховъ своихъ (ср. Мѡ. XXIII, 32). И какъ легко видѣть изъ контекста рѣчи, послѣднимъ изъ совершенныхъ іудеями злодѣяній, исполнившихъ мѣру грѣховъ ихъ, было, по автору, именно ианоепіе или І. Христа *желати съ укусаемъ* (ст. 16). Мысль автора несомнѣнно та, что чрезъ такого рода напитокъ іудеи *отравили* І. Христа, желая поскорѣе покончить съ Нимъ; цѣль его—представить іудеевъ *убій-*

иудейскомъ, что „солнце не должно заходить надъ убитымъ“, по-казываетъ, что онъ смотритъ на него не только какъ на вѣчто чуждое, обязательное лишь для однихъ иудеевъ, но и суевѣрное¹⁾. Примѣчательно также, что, говоря о погребеніи І. Христа, авторъ передаетъ, что Іосифъ, „взявъ Господа, *омылъ* (Его) и обвилъ плащаницею (ср. Мр. XV, 46), и отнесъ въ свой гробъ, на-зываемый садомъ Іосифа“ (ст. 24), но ни слова о томъ, что было также сдѣлано при этомъ Іосифомъ, вмѣстѣ съ Никодимомъ, *согласно съ иудейскимъ обычаемъ погребенія* умершихъ, т. е. о той благовонной масти (составъ изъ смирны и алоя), какою было намащено ими тѣло Іисуса и пелены или плащаница (Іоан. XIX, 39—40). Тоже самое наблюдается и въ повѣствованіи о женахъ муросносицахъ, приходившихъ ко гробу въ утро воскресенія (ст. 50—54). По автору Евангелія Петра, онѣ шли ко гробу не съ тѣмъ, чтобы *помазать* тѣло Господа (Мр. XVI, 1, Лук. XXIV, 1), но исполнить хотя у гроба то, чего онѣ не могли сдѣлать въ день распятія Его, — именно *плакать и сокрушаться* (*κλαῦσαι καὶ κόψασθαι*); объ исполненіи этого *долга* (*ὀφειλόμενα*; ср. ст. 50: *ἃ εἰώθεσαν ποιεῖν αἱ γυναῖκες...*) говорятъ онѣ между собою во время пути. Говорится, правда, что жены-муросносицы несли съ собою *что-то*, но *что именно*—умалчивается; и при томъ *несомое* предназначалось ими, по словамъ автора, не для помазанія во всякомъ случаѣ, а лишь *въ знакъ воспоминанія* о Погребенномъ (*εἰς μνημόσυνον αὐτοῦ*). И въ томъ и въ другомъ случаѣ объяснять опущенное простою лишь, непреднамѣленною неточностію

цами Его въ полномъ смыслѣ этого слова. У LXX, замѣтимъ, *χολή* значить именно ядь (Второз. XXIX, 18; Іер. VIII, 14; Іов. XX, 14); и если у Ев. Мк. XXVII, 14 говорится, что І. Христу, еще до распятія, воины давали пить *уксуса* (вина), *смѣшаннаго съ желчью*, то здѣсь—у автора псевдо-евангелія, напротивъ, именно *желчь* представляется главнымъ составнымъ элементомъ нарочито приготовленнаго напитка; и І. Христось вскорѣ же за симъ, по автору, умираетъ (ст. 19).

¹⁾ Въ ст. 5, гдѣ на этотъ законъ указываетъ Пилату Иродъ, говорится: *ἔετραπται γάρ ἐν τῷ νόμῳ*; въ стихѣ же 15, гдѣ его цитуетъ самъ авторъ, онъ выражается: *ἔετραπται αὐτοῖς* и при этомъ не безъ ироніи, думается, замѣчаетъ какъ о *страхѣ и безпокойствѣ* иудеевъ при наступленіи тьмы, такъ и о ихъ *радости*, когда солнце снова засіяло и они увидѣли, что еще девятый (третій) лишь часъ дня (ст. 22).

или неполнотою повѣствованія—невозможно. Болѣе вѣроятно, что авторъ, какъ антиюдаистъ, былъ противъ „благоній и мастей“, употреблявшихся іудеями при погребеніи умершихъ; соблюденіе іудейскихъ обычаевъ казалось ему неумѣстнымъ со стороны учениковъ и послѣдователей Христовыхъ. Анти-іудейская тенденція есть та вообще господствующая въ Евангеліи Петра тенденція, ради которой писатель его главнымъ образомъ въ однихъ случаяхъ дѣлаетъ пропуски, въ другихъ—прибавки, или придаетъ описываемымъ имъ лицамъ и событіямъ такой видъ и окраску, какихъ они вовсе не имѣли въ дѣйствительности.

3. Апокрифическій, подложный характеръ псевдо-евангелія не менѣе ясно сказывается также въ самомъ языкѣ и изложеніи его. Языкъ его, правда, очень напоминаетъ собою языкъ особенно первыхъ трехъ Евангелій. Также краткость предложеній, также связь ихъ между собою чрезъ „και“ или „δέ“; встрѣчаются также гебраизмы (напр. ст. 9: ταύτη τῇ τριῇ ἑτησίᾳμεν; ст. 35: ἀνὰ δύο δύο; ст. 51: ὅπου ἦν τεθεῖς). Не говоримъ уже о множествѣ словъ и выраженій сходныхъ или даже тождественныхъ съ словами и выраженіями въ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ. И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти сходныя черты, въ авторѣ книги ясно видѣнъ писатель, далеко уже отстоявшій отъ времени описываемыхъ имъ событій, для котораго языкъ апостольскихъ временъ (языкъ каноническихъ Евангелій), съ его терминологіею, не былъ уже ни привычнымъ, ни даже понятнымъ вполне языкомъ. Такъ вмѣсто обычнаго въ Н. Завѣтѣ наименованія перваго дня іудейской недѣли (ἡ) μία (τοῦ, τῶν) σαββάτου или σαββάτων ¹⁾), авторъ, не обинуясь, называетъ его христ. терминомъ ἡ χοριακῆ (ст. 35, 50), и другого названія, повидимому, даже, и не знаетъ. Правда, такое наименованіе его встрѣчается однажды въ Апокалипсисѣ (I, 10: ἐν τῇ χοριακῇ ἡμέρᾳ), но употребительнымъ, техническимъ терминомъ (ἡ χοριακῆ, безъ прибавленія ἡμέρα) оно сдѣлалось лишь во 2-мъ вѣкѣ,—и притомъ уже во второй половинѣ

¹⁾ Мѡ. XXVIII, 1; Мр. XVI, 2; Лук. XXIV, 1; Иоан. XX, 1, 19; Дѣян. XX, 7; 1 Кор. XVI, 2. Лишь у Мр. XVI, 9: πρώτη σαββάτου.

его ¹⁾. Только на церковно-литургическомъ языкѣ, — и также, безъ сомнѣнія, не ранѣе 2-го вѣка, — слово *ὕπακοή* получило то особенное, специальное значеніе, въ какомъ употребляетъ его авторъ, — значеніе именно „отвѣта“ (ст. 42) ²⁾. Слово „λίνα“ (ст. 60), которое онъ употребляетъ вмѣсто евангельскаго *δίχτροον* или *δίχτροα* (Мѡ. VI, 18: *ἀμφίβληστρον*), хотя и можетъ значить „сѣти“ „мрежи“, но вездѣ въ Н. Завѣтѣ въ такомъ значеніи не употребляется (ср. Матѡ. XII, 20; Апок. XV, 6). Далѣе, замѣчательно, въ отрывкѣ ни разу не встрѣчается ни имени „Ἰησους“. ни „Χριστός“; всюду, — даже тамъ, гдѣ говорится о тѣлѣ (ст. 21, 24), или о гробѣ Иисусовомъ (ст. 50), авторъ неизмѣнно, исключительно называетъ И. Христа *ὁ Κύριος*. Какъ бы ни смотрѣть на такой образъ выраженія автора, какъ на преднамѣренный, или случайный, — во всякомъ случаѣ, при такой своей исключительности, это есть особенный, необычный по сравненію съ нашими каноническими Евангеліями образъ выраженія ³⁾. — Объ іудеяхъ и всемъ вообще іудейскомъ авторъ выражается такъ, что въ сло-

¹⁾ Выраженіе: *κατὰ κοριακὴν* *Κύριου* или *κατὰ κοριακὴν* употребляется, правда для обозначенія воскреснаго дня уже въ *Διάχη τῶν ἀποστόλων* (сар. XIV), а также у св. Игнатія Богоносца (Epist. ad Magnos., сар. IX), однако у св. Юстина мы не встрѣчаемъ его ни разу. Напротивъ, у Діонисія Коринѣскаго (Euseb. H. E. XXIII, 11) и особенно у Мелитона Сардійскаго (ibid. XXVI, 2) оно представляется, дѣйствительно, какъ общеизвѣстный уже терминъ Cf. Acta Ioannis, ed. Theod. Zahn, p. 239, 3; Acta Petri, ed. Lipsius, p. 78. (Zahn, S. 19, A. 2).

²⁾ Древнѣйшій примѣръ такого именно литургическаго употребленія слова «ὕπακοή» находимъ у св. Меодія Тирскаго, въ его сочиненіи: «Пиръ десяти дѣвъ», гдѣ (Рѣчь XI, гл. 2) словомъ этимъ обозначается отвѣтный *примѣръ* на поемую пѣснь (*ψαλμός*): одна изъ дѣвъ (Θεκα) поетъ *ψαλμός*, другіе хоромъ отвѣчаютъ на ея пѣснь «примѣромъ» (*ὕπακοή*): «для Тебя, Женихъ, я дѣвствую» и пр. («Св. Меодій, отецъ церкви III-го вѣка». Полное собраніе его твореній. Спб. 1877 г., стр. 106 п. д.). Какъ видно изъ словъ Тертуліана, въ его сочиненіи «De Oratione», сар. XXVII (Migne, Patrolog. lat., t. I, col. 1301), такого рода *ὕπακοή* въ церковно-богослужебныхъ собраніяхъ его времени было просто слово «аллилуія», произносившееся всеми присутствовавшими въ заключеніе чтенія или пѣнія Псалмовъ. Отсюда и глаголь «ὕπακοειν» сталъ употребляться также въ значеніи *respondere*. Указаніе примѣровъ такого употребленія его въ разнаго рода апокрифахъ (Acta Ioannis, Martyr. Bartholomaei и др.) см. у Цана: Das Evangelium d. Petrus, S. 22 Anmerk. 1.

³⁾ Рѣчь четыре Евангелиста во всехъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *они сами* говорятъ объ И. Христѣ, а не передаютъ слова или обращеніе къ Нему со стороны *другихъ* описываемыхъ лицъ, обыкновенно называютъ Его собственнымъ име-

вахъ его ясно сказывается не религіозная отчужденность или обособленность только, но и далекое уже прошлое того, о чемъ онъ говорить. Таковы напр. выраженія: „и предалъ Его народу предъ первыиъ днемъ опрѣсноковъ, праздника ихъ“ (ст. 5); „ибо написано имъ“ (ст. 15); въ ст. 20, говоря о раздраніи завѣсы, авторъ къ τοῦ ναοῦ прибавляетъ τῆς Ἱερουσαλῆμ, или въ ст. 48. къ τοῦ λαοῦ—τῶν Ἰουδαίων. Особенно примѣчательнъ въ этомъ отношеніи ст. 24, гдѣ авторъ, говоря о погребеніи І. Христа, выражается: „и отнесъ Его (Іосифъ) въ собственный гробъ, называемый садомъ Іосифа“. Само собою очевидно, что такое названіе, какъ всѣмъ хорошо извѣстное мѣсто, гробъ Іосифа могъ получить лишь послѣ погребенія въ немъ І. Христа; лишь съ этого времени какъ самая личность тайнаго ученика Христова, такъ и уступленное имъ мѣсто для погребенія пречистаго тѣла Іисусова сдѣлались, понятно, предметомъ особаго благоговѣйнаго уваженія со стороны всѣхъ вѣрующихъ,—причемъ въ представленіи ихъ гробъ Христовъ и садъ Іосифа слились съ теченіемъ времени въ одно нераздѣльное цѣлое. Такимъ образомъ, авторъ впадаетъ въ явный анахронизмъ, перенося позднѣйшее, утвердившееся среди христіанъ, наименованіе мѣста погребенія І. Христа на время Евангельской исторіи.—Въ ст. 59 выраженіе „ἡμεῖς δὲ οἱ δώδεκα μαθηταὶ“ авторъ употребляетъ, очевидно, какъ стереотипную фразу, ни мало не подозревая, что въ такой формѣ фраза эта, какъ указывающая именно число апостоловъ, совершенно невѣрна по отношенію къ описываемому имъ времени, т. е. ко времени непосредственно послѣ воскресенія І. Христа, когда мѣсто Іуды-предателя въ ликѣ апостольскомъ оставалось еще не замѣщеннымъ, и слѣдовательно число апостоловъ было ἑνδεκά, а не δώδεκα ¹⁾).

немъ «ἑνδεκά» и лишь въ весьма немногихъ случаяхъ ὁ Κύριος. Примѣры послѣдняго встрѣчаются глав. обр. у св. Луки (Напр. VII, 13, 31; X, 1; XI, 39; XII, 42; XIII, 15; XVII, 5. 6; и др.), у Еванг. Матвея такое наименованіе отъ своего лица не употребляется ни разу; у Марка лишь два раза (XVI, 19, 20; у Іоанна, строго говоря, лишь одинъ разъ (XI, 2); потому что въ XX, 20 и XXI, 12 ὁ Κύριος употребляется какъ обычное также наименованіе І. Христа въ устахъ Его учениковъ.

¹⁾ Оправданіемъ такого образа выраженія въ Евангеліи Петра не можетъ служить подобный же образъ выраженія ни у Іоанна XX, 21 (Θρωόντες δὲ, εἰς

Что образъ выраженія въ нашихъ Евангеліяхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служилъ камнемъ преткновенія для пониманія автора, — объ этомъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. О двѣ и часѣ погребенія І. Христа у евангелиста Луки (XXIII, 54), согласно съ церковно-іудейскимъ времясчисленіемъ, говорится совершенно правильно: καὶ ἡμέρα ἦν παρασκευῆ, καὶ σάββατον ἐπέφωσκε. Последнимъ выраженіемъ обозначается *вечеръ* пятницы, — и при томъ конецъ его, когда съ приближавшимся заходомъ солнца наступала уже суббота (Матѳ. XXVII, 57: ὄψιας δὲ γενομένης; ср. Марк. XV, 42). Въ Евангеліи же Петра (ст. 5) еще *утромъ* того же дня (т. е. пятницы), еще до отведенія І. Христа на Голгоѳу, Иродъ Антипа, отвѣчая Пилату на его просьбу о дозволеніи Иосифу погребсти тѣло Иисусово, выражается также: ἐπεὶ καὶ σάββατον ἐπέφωσκε, т. е. „поелику и суббота *разсвѣтаетъ*“. Совершенно аналогичное съ вышеуказаннымъ обозначеніемъ у св. Луки дня и часа погребенія І. Христа выраженіе употребляетъ и ев. Матѳей для обозначенія времени воскресенія Его: Ὁψε δὲ σαββάτων, τῇ ἐπιφωσκούσῃ εἰς μίαν σαββάτων (Матѳ. XXVIII, 1). Разность состоятъ лишь въ томъ, что ев. Матѳей слѣдуютъ обыкновенному, естественному времясчисленію, по которому началомъ дня считается утро; но и у него какъ у св. Луки, второю половиною выраженія: τῇ ἐπιφωσκούσῃ (т. е. *днемъ*) εἰς μίαν σαββάτων — также лишь частіе опредѣляется первая: ὄψε δὲ σαββάτων („по прошествіи же субботы“), — указывается именно тотъ ранній часъ утра, который обыкновенно называется *разсвѣтомъ* или *утреннею зарею*, предшествующею восходу солнца. Авторъ же Евангелія Петра передаетъ слова евангелиста (въ зависимости его отъ послѣдняго не можетъ быть сомнѣнія) такимъ образомъ (ст. 35): „ночью же, *въ которую разсвѣталъ* первый день недѣли“ (τῇ δὲ νυκτὶ, ἣ ἐπέφωσκεν ἡ κυριακῆ). Выходитъ, по словамъ автора, что воскресеніе І. Христа послѣдовало не *на разсвѣтѣ* перваго дня недѣли, какъ это весьма опредѣленно отмѣчаетъ евангелистъ,

ἐκ τῶν ὁσδέκα), ни у ап. Павла 1 Кор. XV, 5 (εἶτα τοῖς ὁσδέκα), такъ какъ въ обоихъ случаяхъ ὁσδέκα употребляется, какъ техническій терминъ для обозначенія вообще *предопредѣленнаго І. Хр. мѣста* или собора апостольскаго. Ср. Іак. I, 1: ταῖς ὁσδέκα φολαῖς.

а во время ночи, за которою разсвѣталъ или наступалъ этотъ день, какъ это видно и изъ ст. 45, гдѣ говорится, что бывшіе съ сотникомъ при гробѣ также еще ночью посѣщили (νοχτὸς ἔσπευσαν) къ Пилату, чтобы извѣстить его о всемъ видѣнномъ ими. Замѣчательно, впрочемъ, что тамъ, гдѣ авторъ говоритъ самостоятельно, несвязанный, такъ сказать, передачею чуждаго, непонятнаго ему образа выраженія, онъ выражается совершенно правильно (ст. 34): πρωίας δὲ ἐπιφώσκοντος τοῦ σαββάτου ἦλθεν ὄχλος...

Гарнакъ превозносить, можно сказать, автора за его искусство изложенія, особенно за его стремленіе къ живости и наглядности повѣствованія, — видитъ въ немъ „древне-христіанскаго учителя ἀποστολικῆς χαρίσματος¹⁾). Напротивъ Цанъ называетъ изложеніе прямо „въ высшей степени небрежнымъ“²⁾). И съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ, быть можетъ нѣсколько суровымъ, нельзя не согласиться. Первые же строки отрывка достаточно характеризуютъ совершенную неспособность автора къ исторически-связному или послѣдовательному повѣствованію. Передаваемые имъ здѣсь разныя подробности послѣ суда надъ І. Христомъ совершенно невозможно соединить въ одну цѣльную, ясную картину. Такъ какъ Иродъ и прочіе судьи Господа не хотѣли умыть руки, то Пилать, говорится у автора, *всталъ*; чтó послѣдовало со стороны Пилата за этимъ „всталъ“ — остается догадываться лишь на основаніи послѣдующихъ словъ. Но и послѣдующія слова представляютъ новое затрудненіе для читателя. Пилать, говорится, *посылалъ* къ Ироду съ просьбою о погребеніи тѣла Господа; между тѣмъ отвѣтъ Ирода таковъ, что какъ будто бы Пилать былъ тамъ же, гдѣ и Иродъ, стоялъ лицомъ къ лицу съ послѣднимъ („и сказалъ Иродъ: братъ, Пилать“ и пр.). Можетъ быть, авторомъ ранѣе, въ предшествовавшихъ началу отрывка стихахъ, было ясно указано, *идъ* именно происходилъ судъ; на основаніи же настоящихъ начальныхъ стиховъ почти съ одинаковою вѣроятностью можно утверждать какъ то, что судъ происходилъ *въ преторіи* Пилата, такъ и то, что онъ происходилъ *во дворцѣ Ирода Антипы*. — Стихи 6-й и д.

¹⁾ а. а. О. S. 71—72.

²⁾ Das Evangelium d. Petrus, S. 22.

представляютъ опять совершенно невѣроятное сочетаніе событій, такъ какъ невозможно допустить,—а на основаніи словъ автора приходится допустить неизбѣжно,—чтобы вся описываемая здѣсь сцена поруганія надъ І. Христомъ происходила также во время пути Его на Голгоѳу, что будто бы „взяшіе Господа“, сиѣша къ мѣсту казни, толкали Его и, между прочимъ, на пути же облекли Его въ порфиру, посадили на судейскую каеэдру и пр. И далѣе, въ повѣствованіи о распятіи и погребеніи І. Христа (ст. 10—27), описываемыя событія связываются у автора также совершенно механически чрезъ безпрестанно повторяющіяся *καί, δὲ* или *τότε*. Компиляторскій характеръ труда автора сказывается здѣсь съ особенною ясностію. Между прочимъ, въ ст. 27-мъ этого же отдѣла авторъ говоритъ: „вслѣдствіе же всего этого мы постились и сядѣли въ печали и слезахъ *ночь и день до субботы*“. Какой именно *срокъ времени* поста и плача учениковъ обозначается у автора послѣдними словами,—объ этомъ можно строить однѣ лишь болѣе или менѣе вѣроятныя догадки ¹⁾).

Сравнительно съ болѣею ясностію и послѣдовательностію изложенъ отдѣлъ о воскресеніи І. Христа (ст. 35 и д.). Не безъ нѣкотораго, дѣйствительно, искусства авторъ пережѣшываетъ здѣсь евангельскіе факты съ вымыслами своей фантазіи. Внимательный читатель, не увлекающійся „поэтическимъ талантомъ“ автора, хотя бы и „значительнымъ“ (Гарнакъ), не можетъ не замѣтить однако, какъ авторъ самъ же путается иногда въ вымыслахъ своей фантазіи. Въ ст. 45-мъ онъ говоритъ, что „бывшіе съ сотникомъ“ ночью послѣшили къ Пилату, чтобы рассказать ему о всѣхъ видѣнныхъ ими необыкновенныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ воскресеніе І. Христа. Что это были именно римскіе воины, съ сотникомъ во главѣ, а не „старѣйшины и книжники“, бывшіе также

¹⁾ Наиболее вѣроятная изъ нихъ та, что авторъ имѣетъ въ виду время отъ взятія І. Христа стражею *ночью* въ саду Геесимапскомъ до наступленія субботы; *ночь и день* будутъ, такимъ обр., *ночь съ четверга на пятницу и пятница—день страданій и смерти І. Христа*. Мнѣнія, что подъ *субботою* у автора разумѣется *суббота слѣдующей недѣли*, или хотя и *первая*, но что авторъ включаетъ также и ее въ указываемый имъ срокъ *сѣтованія* учениковъ—маловѣроятны. Разборъ какъ этихъ, такъ и другихъ еще мнѣній см. у Шуберта, *Composition...* S. 78 f.

на стражѣ у гроба (ст. 31 — 33), — это ясно видно изъ тѣхъ словъ, какія въ великомъ смущеніи говорятъ пришедшіе Пилату: „во истину Сынъ былъ Божій!“ Что же, по автору, отвѣчаетъ имъ Пилатъ? „Я чистъ,—говоритъ онъ,—отъ крови Сына Божія; вамъ же это было угодно“ (ст. 46), т. е. отвѣчаетъ такъ, какъ будто бы предъ нимъ стояли сами судьи и распинатели І. Христа. „Потомъ, — читаемъ далѣе, — *всѣ пришедшіе* просили его (Пилата) и умоляли, чтобы онъ приказалъ сотнику и воинамъ ничего не говорить о томъ, что они видѣли“ (ст. 47). Спрашивается: кого разумѣетъ авторъ подъ *этими всеми пришедшими*: тѣхъ ли „старѣйшинъ и книжниковъ“, которые вмѣстѣ съ воинами стерегли гробъ и теперь, оставивъ его, также посѣщили къ Пилату, или же весь вообще Синедрионъ, въ полномъ составѣ явившійся къ Прокуратору, чтобы просить и умолять его—спасти ихъ отъ угрожавшей имъ опасности? На основаніи его изложенія съ одинаковою вѣроятностію можно утверждать и то и другое ¹⁾. Такимъ обр., даже въ передачѣ собственныхъ вымысловъ авторъ не можетъ обойтись безъ ошибокъ и неясностей. Какого довѣрія заслуживаетъ такой писатель,—это, полагаемъ, ясно и безъ особыхъ разсужденій ²⁾.

Протоіерей В. Рождественскій.

¹⁾ Лодсъ (L'Évangile d. Pierre p. 77), Цанъ (S. 21) и др., на основаніи 58 ст., обвиняютъ, между прочимъ, автора въ томъ, что онъ будто бы день воскресенія І. Христа (ἡ ἡμέρα) считалъ и *последнимъ днемъ* праздника опресноковъ; но обвиненіе это—едва ли справедливое. Выраженіемъ: ἡν δὲ τελευτήσῃ ἡμέρα τῶν ἄζύμωνъ обозначается у автора несомнѣнно время *дале* описываемыхъ событий, а не тѣхъ, о которыхъ была рѣчь выше. Вѣрно лишь то, что какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ, авторъ неясно вообще разграничиваетъ одинъ рядъ событий отъ другого.

²⁾ Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.Г. Рождественский

**Новооткрытый отрывок
апокрифического Евангелия
ап. Петра**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1894. № 7-8. С. 27-40.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Новооткрытый отрывокъ апокрифическаго евангелія ап. Петра ¹⁾).

II. Донетическій харантеръ псевдо-евангелія.

НАМИ приведены уже отзывы о евангеліи Петра двухъ церковныхъ писателей: *Серапіона*, еп. антiохійскаго, и *Евсевія* Кесарійскаго. Первый изъ нихъ весьма ясно даетъ понять, что мнимое Евангеліе Петра какъ происхожденіемъ своимъ обязано людямъ, державшимся докетическаго образа мыслей, такъ среди подобныхъ же христіанъ пользовалось и особеннымъ уваженіемъ, такъ какъ содержало въ себѣ очень многія мысли, согласныя съ ихъ ученіемъ или вѣрованіями (*τὰ γὰρ φρονήματα τὰ πλεῖονα ἐχεινων ἐστὶ τῆς διδασκαλίας*) ²⁾. По всей вѣроятности, въ виду докетическаго же главнымъ образомъ характера псевдо-евангелія и Евсевій

²⁾ См. Христ. Чтеніе вып. I, 1894 г.

¹⁾ Исправляемъ сдѣланное нами ранѣе опущеніе: въ виду особенной важности для нашей цѣли сохраненнаго намъ Евсевіемъ отрывка изъ посланія Серапіона,—посланія, написаннаго къ церкви Росской по поводу именно разсматриваемаго нами псевдо-евангелія, а также и потому, что намъ не равъ придется еще ссылаться на него и далѣе, приводимъ хотя здѣсь содержаніе его въ рус. переводѣ. «Ибо мы, братіе,—такъ начинается отрывокъ,—и Петра и прочихъ апостоловъ принимаемъ какъ Христа; подложныя же, подъ ихъ именемъ (выдаваемыя) писанія, какъ опытные, отвергаемъ, зная, что таковыхъ мы не приняли. Когда я былъ у васъ, я предполагалъ, что всѣ вы держитесь правой вѣры,—и не прочитавъ поданнаго ими (почитателями псевдо-евангелія) евангелія подъ именемъ Петра, сказалъ: если только это (т. е. можно ли, или нѣтъ, читать это евангеліе) возбуждаетъ, какъ кажется, среди васъ неудовольствіе, то оно можетъ быть читаемо. Теперь же, узнавъ изъ рассказовъ, что умъ ихъ зараженъ нѣкоторою ересью, постараюсь опять быть у васъ, такъ что ожидайте меня, братіе, въ скоромъ времени. Вы же, братіе, узнавъ (теперь) къ какой ереси принадлежалъ Маркіанъ, изъ того, что я написалъ вамъ, узнаете также и то, какъ онъ противорѣчилъ самъ себѣ, не понимая (самъ) того, что говорилъ. Ибо намъ удалось отъ другихъ, употребившихъ это самос евангеліе, отъ преемниковъ именно тѣхъ, отъ кото-

прямо причислялъ его къ писаніямъ *еретическимъ*, «нелѣпымъ и нечестивымъ»¹⁾. Найденный теперь отрывокъ его оказывается въ полномъ согласіи съ такою характеристикою его древними писателями,—и это-то согласіе служить, между прочимъ, яснымъ доказательствомъ того, что мы имѣемъ въ немъ часть того самаго Евангелія, которое знали уже Серапіонъ Антиохійскій, и чтеніе котораго (частное, домашнее или публичное, въ церковно-богослужебныхъ собраніяхъ,—вопросъ спорный) онъ позволилъ было сначала христіанамъ Росской церкви, но потомъ долженъ былъ взять назадъ это позволеніе.

Въ стих. 10-мъ авторъ такъ выражается о распятомъ І. Христѣ: «привели двухъ злодѣевъ и распяли посреди ихъ Господа; Онъ же молчалъ, какъ бы не испытывавшій никакого страданія». Молчаніе, о которомъ говоритъ здѣсь авторъ, не имѣетъ, очевидно, ничего общаго съ тѣмъ молчаніемъ Господа Іисуса предъ своими судьями, которое, какъ нѣчто знаменательное, отмѣчаютъ также и евангелисты (Мѡ. XXVI, 63; Мр. XIV, 61). Нельзя думать также, чтобы, дѣлая вышеприведенное замѣчаніе, авторъ хотѣлъ указать лишь на то вообще безконечное долготерпѣніе, съ какимъ І. Христосъ переносилъ тяжесть крестныхъ мученій (ср. 1 Петр. II, 23). Въ такомъ случаѣ онъ употребилъ бы, несомнѣнно, какой-либо другой, болѣе точный образъ выраженія. Докетическая тенденція автора въ данномъ случаѣ — неоспорима; неопредѣленный образъ выраженія (ὡς μηδένα πόνου ἔχων) нимало не прикрываетъ ея. Авторъ выражается вполне правильно, точно,—такъ, какъ на его мѣстѣ выразился бы и сторонникъ самаго крайняго докетизма. Посторонній наблюдатель, какъ и описатель или историкъ страданій І. Христа, не могъ, понятно, прямо и рѣшительно утверждать, что

рыхъ оно ведетъ свое начало, которыхъ (преемниковъ) мы называемъ *докетами* (ибо очень многія мысли (т. е. псевдо-евангелія) принадлежать ученію этого рода еретиковъ) пріобрѣсти его; и мы, перечитавъ его, нашли, что многое въ немъ согласно съ истиннымъ ученіемъ Спасителя, нѣкоторыя же изъ заповѣдей прибавлены,—что мы и отмѣчаемъ далѣе для васъ». «Таковы слова Серапіона»,—такъ заключаетъ Евсевій свою выписку изъ его посланія. (Euseb. Hist. Eccles., VI, 12).

¹⁾ Ibid. III, 25, 6.

І. Христось не испытывалъ никакого страданія. Какимъ образомъ онъ могъ знать это? Онъ именно могъ сказать только, что поведеніе распятаго Господа было таково, что *казалось, какъ будто бы* (ὥς) Онъ вовсе не страдалъ. Взятое, такъ обр., *отдѣльно, само по себѣ*, вышеуказанное замѣчаніе автора не показываетъ намъ ясно лишь того, насколько *кажущееся, предполагаемое* онъ считалъ вмѣстѣ и *дѣйствительнымъ*, т. е. дѣйствительнымъ, подлиннымъ состояніемъ Христа Спасителя во время распятія. Но и это послѣднее становится очень яснымъ, если мы обратимся къ другимъ, имѣющимся въ отрывкѣ даннымъ, открывающимъ, вмѣстѣ съ докетическими понятіями, и нѣчто болѣе въ воззрѣніяхъ автора на Лицо І. Христа.

И въ Евангеліяхъ каноническихъ, замѣтимъ, нигдѣ, конечно, не выставляется какъ-либо особенно на видъ тяжесть тѣхъ физическихъ мукъ и страданій, какія претерпѣвалъ Господь Іисусъ, вися на крестѣ; и въ ихъ описаніяхъ на первомъ планѣ ярко выступаютъ также предъ читателемъ черты ни съ чѣмъ несравнимаго духовнаго, нравственнаго всесія Божественнаго Страдальца: Его всепрощающая любовь, смиренное, безропотное терпѣніе, святое спокойствіе духа въ виду неистовавшей злобы враговъ Его; но за этими духовными, истинно божественными чертами въ евангельскихъ описаніяхъ ясно видѣнъ, однако, образъ Его, какъ истиннаго, величайшаго «Мужа болѣзней», вмѣстѣ съ страданіями тѣлесными прошедшаго, ради нашихъ грѣховъ и беззаконій, чрезъ мракъ еще болѣе тяжкихъ страданій душевныхъ. Свидѣтельство о томъ и другомъ мы имѣемъ въ двухъ особенно словахъ изъ «семи словъ» Его на крестѣ: въ восклицаніи «жажду» (Іоан. XIX, 28) и въ скорбно-молитвенномъ обращеніи къ Небесному Отцу: *Боже Мой, Боже Мой, почто Мя оставилъ еси* (Мр. XV, 34; Мѣ. XXVII, 46).

Что видимъ мы, напротивъ, въ евангеліи Петра? Видимъ полное отсутствіе всего, что хотя сколько-нибудь указывало бы если не на тѣлесныя, то хотя бы *на душевныя* страданія І. Христа. Взамѣнъ Мессіи страждущаго, Искупителя грѣховъ человечества, какимъ изображаютъ распятаго Господа каноническія Евангелія, здѣсь—въ евангеліи Петра предъ

нами является какое-то безстрастное, таинственное Существо, второму, повидимому, чуждо все человѣческое. Замѣчательно, въ псевдо-евангеліи ничего не говорится также и о какихъ-либо насмѣшкахъ и ругательствахъ надъ распятымъ Господомъ,—что такъ рѣзко отличаетъ повѣствованіе его здѣсь отъ повѣствованія въ стихъ 6—9. Молчить Иисусъ, молчать и враги Его, пораженные, какъ надобно полагать, чудеснымъ безстрастіемъ Его. Для оправданія докетическаго лжеученія придумать лучшее. наиболѣе подходящее описаніе распятія І. Христа едва ли возможно.

Что, впрочемъ, прежде и болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ описаніи,—это слова, какія произносить, наконецъ, уже умирающій І Христосъ: «Сила моя, сила, оставила Меня» (ст. 19). Въ этихъ-то словахъ нужно, безъ сомнѣнія, искать ключа къ объясненію какъ таинственнаго молчанія распятаго Господа, Его *какъ бы* нечувствительности къ мукамъ крестнымъ, такъ и другихъ особенностей въ изображеніи Его Лица въ псевдо-евангеліи. Что слова эти суть тѣже самыя слова, какія приводятся и у евангелистовъ—Матѳея (XXVII, 46) и Марка (XV, 34),—ясно съ перваго же взгляда. Но не менѣе ясно и то, что авторъ евангелія Петра не въ иной только формѣ или переводѣ передаетъ ихъ, но и въ особомъ, совершенно отличномъ отъ подлинно-евангельскаго, равно какъ и ветхозавѣтнаго, у Псалмопѣвца (Псал. XXI, 2), смыслѣ или значеніи. Усилія нѣкоторыхъ изъ западныхъ ученыхъ оправдать въ этомъ случаѣ автора, свести всю разность между нимъ и евангелистами къ простой лишь неодинаковости перевода — совершенно напрасный трудъ¹⁾. То совершенно вѣрно, что еврейское слово: $\delta\epsilon\upsilon\sigma$ значитъ не только «Богъ» ($\delta\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$), но и «сила» ($\delta\upsilon\alpha\mu\iota\varsigma$, $\epsilon\tau\chi\acute{o}\varsigma$), что примѣры употребленія его въ послѣднемъ значеніи, хотя и немногіе (и при томъ всюду, замѣтимъ, при употребленіи одного и того же фигуральнаго выраженія—имѣть или не имѣть силу въ рукахъ, т. е. обладать или не обладать силою сдѣлать что-либо), встрѣчаются и въ В. Завѣтѣ: Быт. XXXI,

¹⁾ Объ ученыхъ справкахъ, филологическихъ и иныхъ соображеніяхъ по этому поводу см. у Гарнака: Bruchstücke d. Evangeliums... S. 65—66; у Лодса: L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre, p. 54—56.

29; Второз. XXVIII, 32; Неем. V, 5; Мих. II, 1 (у LXX, впрочемъ, здѣсь стоитъ $\pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\nu\nu\ \theta\epsilon\omicron\nu$); Прит. III, 27. Ссылаются, далѣе, на то, что и ст. 2 Псал. XXI у Акилы переводится: $\acute{\iota}\sigma\chi\upsilon\rho\acute{\epsilon}\ \mu\omicron\upsilon$, $\acute{\iota}\sigma\chi\upsilon\rho\acute{\epsilon}\ \mu\omicron\upsilon$, и что Евсевій Кесарійскій (Demostr. Evang. X, 8, 30), указывая на такой переводъ его у Акилы, замѣчаетъ: $\tau\omicron\ \delta\prime\ \acute{\alpha}\kappa\rho\iota\beta\acute{\epsilon}\varsigma\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu$, т. е. точнѣе такой переводъ: $\acute{\iota}\sigma\chi\upsilon\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$, $\acute{\iota}\sigma\chi\upsilon\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$ ¹⁾). Но слѣдуетъ ли изъ этихъ и другихъ подобныхъ имъ примѣровъ, что и авторъ псевдо-евангелія, переводя слова: $\eta\lambda\epsilon\iota$, $\eta\lambda\epsilon\iota$ чрезъ $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$, $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$, переводилъ такъ только лишь потому, что находилъ такой переводъ ихъ болѣе точнымъ, чѣмъ переводъ LXX и евангелистовъ (Мө.: $\theta\epsilon\acute{\epsilon}\ \mu\omicron\upsilon$, $\theta\epsilon\acute{\epsilon}\ \mu\omicron\upsilon$; LXX и Mr.: $\acute{o}\ \theta\epsilon\omicron\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$, $\acute{o}\ \theta\epsilon\omicron\varsigma\ \mu\omicron\upsilon$)? Думать такъ было бы возможно, если бы подъ $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ у него дѣйствительно, во всякомъ случаѣ, разумѣлся также *Богъ*, какъ разумѣли Его, несомнѣнно, Акила подъ $\acute{\iota}\sigma\chi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, а Евсевій Кесарійскій, поправляющій переводъ его, подъ $\acute{\iota}\sigma\chi\upsilon\varsigma$ ²⁾). На самомъ же дѣлѣ у него разумѣется нѣчто совершенно другое: разумѣется именно какая-то духовная, таинственная *сила*, оживлявшая I. Христа, дѣйствовавшая въ Немъ, такъ что съ удаленіемъ ея Онъ тотчасъ же умираетъ. И кромѣ того, авторъ не замѣняетъ лишь слово $\theta\epsilon\omicron\varsigma$ словомъ $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$: онъ въ то же время, какъ видимъ, совершенно опускаетъ (оставляетъ безъ перевода) слово $\iota\alpha\mu\alpha$ ($\pi\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho$ = $\iota\alpha\tau\acute{\epsilon}\rho$ Мө.; Mr. $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\iota$),—и измѣняя такимъ образомъ *вопросительную* форму восклицанія *въ утвердительную*, явно уже искажаетъ подлинный, истинный смыслъ его, какой имѣеть оно не въ устахъ только I. Христа, но и у Псал-

¹⁾ Не приводимъ другихъ, менѣе важныхъ, ссылокъ, а также и разныхъ соображеній и догадокъ о мотивахъ, по которымъ будто бы псевдо-евангелистъ могъ предпочитать свой новый переводъ переводу евангелистовъ. Отметимъ здѣсь ту лишь странность, что, находя переводъ автора вполнѣ возможнымъ и естественнымъ, защитники его сами затѣмъ недоумѣваютъ, кого или что разумѣть онъ подъ $\delta\upsilon\nu\alpha\mu\iota\varsigma$?

²⁾ Равнымъ образомъ, если и въ сирійскомъ Пешитто слова: $\eta\lambda\epsilon\iota$, $\eta\lambda\epsilon\iota$ (Mr. $\acute{\epsilon}\lambda\omega\tau\acute{\iota}$, $\acute{\epsilon}\lambda\omega\tau\acute{\iota}$) переводится чрезъ $\lambda\iota\varsigma$, $\lambda\iota\varsigma$,—что, по объясненію Цана (Das Evangelium d. Petrus, S. 32—33), значить: «помощь, помощь», а можетъ быть также—«сила, сила», то и здѣсь подъ «помощію» или «силою» разумѣтся, очевидно, не кто иной, какъ Богъ. Ср. также слова I. Христа: *отсель узрите Сына Человѣческаго, сидяща одесную силы*, т. е. Бога Отца (Мө. XXVI, 64; Mr. XIV, 62; Лук. XXII, 69).

мопѣвца ¹⁾). Преднамѣренность этой послѣдней передѣлки не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; а съ нею въ тѣсной связи стоитъ и первая. И въ томъ и другомъ случаѣ цѣль, преслѣдуемая авторомъ, одна и таже и разгадать ее, по нашему мнѣнію, не трудно. Не допуская мысли о какихъ-либо страданіяхъ І. Христа во время распятія, авторъ псевдоевангелія еще менѣе хотѣлъ, очевидно, допустить обыкновенную *человѣческую смерть* Его. Въ стихѣ 19-мъ онъ хочетъ именно показать, что и смерть Его была не похожа на смерть обыкновенныхъ людей, что, и умирая, Онъ также мало испытывалъ какія-либо страданія, какъ и во все время распятія. На основаніи того, какъ рисуетъ авторъ картину смерти І. Христа, можно даже сказать, что Онъ *не умираетъ* собственно вслѣдствіе именно крестныхъ мукъ, а лишь *разлагается*, такъ сказать, на свои составные элементы. Его оставляетъ прежде всего обитавшая въ Немъ, животворившая Его, нѣкая таинственная «сила». Къ ней-то, этой таинственной «силѣ», громко взываетъ Господь: «сила Моя, сила, оставила Меня!» И сказавъ это, Господь, говорится у автора, *вознесся*: не «испустилъ» или «предаде духъ» (Мѡ. XXVII, 50: ἀψήχε τὸ πνεῦμα; Мр. XV, 37; Лук. XXIII, 46: ἐξέπνευσε; Иоан. XIX, 30: παρέδωχε τὸ πνεῦμα), а именно *вознесся* (ἀνελήφθη), т. е. отошелъ на небо ²⁾).

¹⁾ И по поводу пропуска псевдоевангелистомъ слова — *lama* защитники его говорить также, что онъ легко могъ будто бы опустить это слово, такъ какъ въ сирійскомъ языкѣ «*lama*» не значитъ «*почему*» (почему—по сирійски «*le-ma-la*»), а есть лишь вопросительная частица (какъ латин. *poppe*, или греч. *μή, μήτι*), предпосылаемая особенно въ такихъ вопросахъ, на которые ожидается отрицательный отвѣтъ (Нагнаск. S. 66). Но что же выходитъ изъ такого объясненія? Выходитъ, что слова: «Сила моя, сила оставила меня» нужно понимать не въ утвердительномъ смыслѣ, а также какъ вопросъ (не оставила ли меня?),—и при томъ такой, на который ожидался отрицательный отвѣтъ. Выходитъ, однимъ словомъ, нѣчто совершенно непонятное: Господь спрашиваетъ, не оставила ли Его нѣкая обитавшая въ Немъ, оживлявшая Его, таинственная сила,—и предполагаетъ отрицательный отвѣтъ; на самомъ же дѣлѣ, однако, умираетъ (возносится на небо),—и умираетъ именно потому, что сила оставила Его.

²⁾ При всей трудности составить себѣ сколько-нибудь ясное представленіе объ этомъ актѣ вознесенія, отступать отъ того смысла, въ какомъ выраженіе ἀνελήφθη употребляется всюду и въ Н. Завѣтѣ (ср. Мр. XVI, 19; Лук. IX, 51; Дѣян. I, 2, 11, 22; 1 Тим. III, 16) и въ апокриф. литературѣ (напр. Ἀνάληψις Μωσέως) мы не имѣемъ никакихъ основаній.

На крестѣ осталось одно лишь бездыханное тѣло—земная храмина обитавшаго въ ней Господа, вмѣстѣ съ соприсутствовавшею Ему таинственной «силою». Но и это бездыханное тѣло авторъ, замѣчательно, неизмѣнно продолжаетъ называть также «Господомъ»,—и говорить, что когда, послѣ снятія со креста, положили *Его* на землю, то «вся земля потряслась и былъ великій страхъ» (ст. 21, 24). Какъ, впрочемъ, понимать это послѣднее обстоятельство, объ этомъ рѣчь будетъ еще далѣе. Другой вопросъ, болѣе важный, подлежитъ ближайшему разсмотрѣнію и рѣшенію: что это за таинственная духовная «сила», обитавшая въ І. Христѣ и затѣмъ оставившая Его? Что или кого именно разумѣть авторъ подъ нею?

Относительно этого вопроса напередъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что дать опредѣленный и рѣшительный отвѣтъ на него невозможно. Ни въ Н. Завѣтѣ, въ частности—въ Евангеліяхъ, ни у древнихъ писателей церкви нельзя указать ничего, что представляло бы хотя нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что говорится у псевдо-евангелиста въ ст. 19-мъ. Равнымъ образомъ изъ самаго содержанія этого стиха видно только, что подъ «силою», о которой говоритъ здѣсь Господь, какъ объ оставившей Его, нельзя разумѣть ни *нравственную* лишь силу (силу духа, воли Христовой), ни самый *духъ* (πνεῦμα) Иисусовъ вообще; потому что хотя она и представляется обитавшею въ Немъ, но въ тоже время ясно, однако, отличается отъ Него, какъ нѣкоторый особый субъектъ. Тотъ, кто говоритъ, что Его оставила нѣкая «сила», очевидно, не тождественъ съ нею. Данныхъ для опредѣленія существа или характера этой таинственной «силы» пужно, несомнѣнно, искать въ современныхъ автору псевдо-евангелія гностическихъ лжеученіяхъ о Лицѣ І. Христа. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ возможны лишь болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Наиболѣе примѣчательнымъ для нашей цѣли является, по нашему мнѣнію, ученіе восточныхъ валентиніанъ, въ частности ихъ умозрѣнія о страданіяхъ и смерти І. Христа. Тогда какъ западные послѣдователи Валентина учили, что невидимый или горній Христосъ (Сотиръ) оставилъ видимаго, психическаго Христа задолго еще до распятія Его

когда Онъ еще только приведенъ былъ къ Пилату ¹⁾, по ученію восточныхъ, напротивъ, первый сокровенно соприисутствовалъ послѣднему и во время самыхъ страданій, до самой смерти, соприисутствовалъ притомъ не одинъ, а вмѣстѣ съ нѣкоторымъ «лучемъ силы» (ἀκτίνα τῆς δυνάμεως), сошедшимъ на Иисуса во время крещенія. Когда же наступилъ моментъ смерти тѣла Иисусова, Сотиръ взялъ отъ Него эту обитавшую въ Немъ и оживлявшую Его силу ²⁾ Спрашивается: не этотъ ли «лучъ силы» или «духъ мысли Отца» (τὸ πνεῦμα τῆς ἐνδομήσεως τοῦ πατρὸς) разумѣется также и у автора псевдо-евангелія подъ таинственною «силою» въ ст. 19-мъ? Утверждать это категорически, какъ несомнѣнно вѣрное объясненіе, мы, конечно, не можемъ, не имѣя для подтвержденія его другихъ данныхъ въ отрывкѣ, не зная въ особенности того, какъ дѣйствительно понималъ авторъ чудесныя явленія, бывшія на Иорданѣ во время крещенія І. Христа. Но, съ другой стороны, въ содержаніи отрывка нельзя указать также ничего, что стояло бы въ противорѣчій съ такого рода объясненіемъ. Что авторъ называетъ І. Христа *Господомъ*, — и притомъ исключительно этимъ лишь именемъ, а въ стихѣ 44-мъ влагаетъ даже въ уста воиновъ слѣдующее исповѣданіе: «вистину Сынъ былъ Божій»,—это отнюдь не доказываетъ

¹⁾ I Gen., Contra haeres. lib. I, cap. 7, 2.

²⁾ Excerpta ex Theodoto (Clemen. Alex. Opera, ed. Dindorfii, Oxon. 1839) § 61: ἀπέθανεν δὲ (т. е. Иисусъ) ἀποστάντος τοῦ καταβάτος ἐπ' αὐτῷ ἐπὶ τῷ Ἰορδάνῃ πνεύματος, οὐκ ἰδία γενομένου, ἀλλὰ συσταλέντος, ἵνα καὶ ἐνεργήσῃ ὁ θάνατος, ἐπεὶ πῶς τῆς ζωῆς παρουσίας ἐν αὐτῷ ἀπέθανεν το σῶμα; οὕτω γὰρ ἂν καὶ αὐτοῦ τοῦ σωτῆρος ὁ θάνατος ἐκράτησεν ἂν, ὅπερ ἄτοπον. δόλη δὲ ὁ θάνατος κατεστρατηγήθη: ἀποθανόντος γὰρ τοῦ σώματος καὶ κρατήσαντος αὐτὸν τοῦ θανάτου, ἀναστείλας τὴν ἐπελθούσαν ἀκτίνα τῆς δυνάμεως ὁ σωτὴρ ἀπέυλησε μὲν τὸν θάνατον, τὸ δὲ θνητὸν σῶμα ἀποβαλὼν πάθη ἀνέστησεν.—Нельзя отрицать нѣкотораго сходства того, что говоритъ псевдо-евангелистъ въ ст. 19-мъ, и съ умозрѣніями западныхъ валентиніанъ. Какъ вообще страданіямъ І. Христа, такъ, въ частности, и Его восклицанію: «Боже Мой, Боже Мой» и пр. они усвоили аллегорическій смыслъ. Словами этими, по ихъ ученію, Спаситель указалъ на страданія послѣдняго изъ эоновъ (Софія — Ахамоѡъ), для образованія или спасенія котораго также исходилъ будто бы изъ Пилромы Горній Христосъ. Совершивъ, при помощи креста же (σταυρός), образованіе Ахамоѡъ, Христосъ—Сотиръ также оставилъ ее потомъ,—причемъ взялъ съ собою и свою силу (I Gen., Contra haeres., lib. I, cap. 4, 1, 5; cap. 8, 2). Въ этихъ именво умозрѣніяхъ западныхъ валентиніанъ видить разгадку смысла ст. 19-го Цанъ (Das Evangelium d. Petrus, S. 35).

еще того, что онъ былъ далекъ отъ взглядовъ валентиніанъ на Лицо І. Христа, признавая въ Немъ, согласно съ ученіемъ церкви, воистину Единороднаго Сына Божія, спешаго съ небесъ и *гностасно* соединившагося съ человѣческимъ естествомъ. *Господомъ* (ὁ Κύριος) называли І. Христа и восточные валентиніане ¹⁾. Равнымъ образомъ І. Христось, по ихъ ученію, былъ также и *Сынъ Божій*, въ одно и то же время *Единородный* (μονογενής) и лишь подобный «Единородному» (ὡς μονογενής), поелику Онъ былъ сложное Существо. Онъ былъ Сынъ Божій Единородный, поелику въ Немъ, кромѣ Сотира плиромы, обиталъ еще со времени крещенія *Единородный* Отца,—именно: «духъ мысли» или «знанія» Отца (πνεῦμα ἐνδομήσεως, πνεῦμα γνώσεως τοῦ πατρὸς), оставившій Его потомъ въ моментъ смерти; какъ видимый же или историческій Иисусъ, Онъ былъ лишь «подобенъ Единородному» или былъ лишь *первородный* между тварями (πρωτότοκος ἐν τῇ κτίσει) ²⁾. Не такъ ли понималъ Лицо І. Христа и авторъ евангелія Петра? По крайней мѣрѣ стихъ 19-й дѣлаетъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ; прискать другое, болѣе подходящее объясненіе упоминаемой здѣсь «силы», обитавшей въ І. Христѣ и потомъ оставившей Его, едвали возможно.

Единственнымъ возраженіемъ противъ такого объясненія стиха 19-го можетъ служить лишь слѣдующая, не маловажная, дѣйствительно, разность въ воззрѣніяхъ между авторомъ псевдо-евангелія и валентиніанами. И восточные валентиніане, подобно западнымъ, не отрицали того, что І. Христось, какъ человѣкъ или видимый Христось, испытывалъ муки крестныхъ страданій, несмотря на соприсутствіе Ему, до самой смерти, высшаго божественнаго существа ³⁾. Авторъ же псевдо-евангелія, какъ мы видѣли, все повѣствованіе о

¹⁾ Excerpta ex Theodoto, §§ 6, 7, 23, 72, 74, 85.—Напротивъ, западные валентиніане, какъ замѣчаетъ св. Иринеи, не хотѣли, дѣйствительно, называть Его Господомъ (οὐδὲ γὰρ Κύριον ὀνομάζειν αὐτὸν θελοῦσι.—Contra haeres., lib. I, cap. 1, 3). Обычнымъ названіемъ Его у нихъ было Сотиръ (ὁ Σοτήρ).

²⁾ Excerpt. ex Theodoto, § 7, ὅτι εἷς καὶ ὁ αὐτὸς ὢν ἐν μὲν τῇ κτίσει πρωτότοκος ἔστιν Ἰησοῦς ἐν δὲ πληρώματι μονογενής; cf. § 6.

³⁾ Мало того, Горній Христось—Сотиръ, по ихъ ученію, даже желалъ страданій и смерти психическаго Христа,—для чего и скрывалъ свое высшее бо-

распятіи излагаетъ, напротивъ, такъ, чтобы внушить читателю мысль, что І. Христосъ, вися на крестѣ, нимаго не страдалъ. Разность эта вовсе, однако, не такова, чтобы ее нельзя было объяснить съ точки зрѣнія валентиніановской же хринологіи. Разъ, въ самомъ дѣлѣ, тѣло Христа Спасителя, какъ учили валентиніане (восточные и западные одинаково), было лишь подобно нашему человѣческому тѣлу, но не *единосуцно* съ нимъ, какъ устроенное, по домостроительству, способомъ неизреченнымъ, изъ *нѣкоторой невидимой, психической сущности* ¹⁾, какимъ образомъ, могъ думать авторъ псевдо-евангелія, такого рода психическое тѣло могло испытывать страданія также, какъ и матеріальное (илическое) тѣло? Не училъ ли Валентинъ, что хотя І. Христосъ ѣлъ и пилъ, но что Онъ ѣлъ и пилъ, однако, *ἰδίως*, т. е. только Ему одному свойственнымъ образомъ, что пища въ Немъ не подвергалась тлѣнію, такъ какъ ничего вообще тлѣннаго Онъ и не имѣлъ въ Себѣ ²⁾. Въ особенности, какимъ образомъ, могъ недоумѣвать авторъ, распятый Іисусъ могъ страдать на крестѣ, разъ Ему соприсутствовалъ, хотя бы и сокровенно, до самой смерти Сотиръ плерымы и кромѣ того еще плоти Его—особая божественная «сила», какъ учили именно восточные валентиніане? Въ этомъ случаѣ и въ ученіи ихъ онъ могъ находить нѣчто столь же непонятное или странное, какъ и въ ученіи церковномъ, по которому въ Лицѣ І. Христа страдалъ Самъ Единородный Сынъ Божій. Не потому-ли и западные валентиніане представляли себѣ Горняго Христа оставившимъ видимаго, психическаго Христа задолго еще до распятія, что страданія послѣдняго они находили просто невозможными при соприсутствіи Ему перваго? Такъ именно, повторяемъ, могъ разсуждать и авторъ псевдо-евангелія. И для него мысль о страданіяхъ І. Христа на крестѣ могла казаться совершенно непримиримою съ достоинствомъ

жественное существо, чтобы враги Іисуса, уразумѣвъ, что Онъ есть Господь, неубоялись наложить на Него руки,—и такимъ образомъ дѣло спасенія осталось бы несовершеннымъ. См. Excerpta ex Theodoto, § 5.

¹⁾ О рожденіи І. Христа отъ Дѣвы Маріи западные валентиніане прямо говорили, что Онъ пронелъ чрезъ Нее, какъ вода проходитъ чрезъ трубу (Iren., Contra haeres., lib. I, cap. 7, 2; ср. Excerpt. ex Theodoto, §§ 59—60).

²⁾ Clement. Alexandr. Stromata, lib. III, cap. VIII, 59.

обитавшихъ въ Немъ, въ частности—въ самой плоти Его, особыхъ божественныхъ силъ.

Такъ ли, впрочемъ, или иначе рассуждалъ въ данномъ случаѣ авторъ псевдо-евангелія,—это вопросъ для насъ второстепенный; для насъ важенъ собственно самый фактъ отрицанія съ его стороны какихъ-либо страданій Христа Спасителя на крестѣ. Что же касается разногласія его въ этомъ отношеніи съ валентиніанами, основнымъ возрѣніемъ которыхъ (именно восточной ихъ вѣтви) на Лицо І. Христа онъ, повидимому, слѣдуетъ, то нужно замѣтить вообще, что и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ разобраться въ возрѣніяхъ автора, выяснитъ ихъ основанія и связь между собою—весьма трудно. Такъ, по смыслу стиха 19-го, Господь прямо съ креста *вознесся* на небо: какъ же, спрашивается, нужно понимать послѣ этого *воскресеніе* І. Христа, а также *сошествіе Его во адъ* для проповѣди умершимъ, на чтó ясное указаніе находится въ стихахъ 41 и 42-мъ? Такъ ли, что воскресъ собственно, какъ и душою своею сходилъ во адъ, лишь *человѣкъ*—*Иисусъ*, а не Господь, или такъ, что вознесшійся на небо Господь въ обоихъ случаяхъ снова сходилъ на землю и даже подъ землю, въ адъ? Возможно, очевидно, и то и другое мнѣніе.—Какимъ образомъ также авторъ, несомнѣнно признающій тѣло Христа Спасителя *реальнымъ* человѣческимъ тѣломъ, а не призрачнымъ или только *подобнымъ* послѣднему (какъ учили сирійскіе гностики: Сатурнинъ, Вардесанъ и др.), въ повѣствованіи о воскресеніи, описывая внѣшній видъ воскресшаго Господа, приписываетъ Ему такое же фантастическое тѣло, какъ и сопровождавшимъ Его ангеламъ (ст. 40)? Можетъ быть, въ этомъ послѣднемъ случаѣ авторъ просто хотѣлъ лишь изобразить величіе и славу воскресшаго Господа; но возможно также, что онъ дѣйствительно считалъ тѣло Его, послѣ воскресенія, совершенно уже *инымъ*, *не тождественнымъ* съ прежнимъ,—считалъ, напр., тѣмъ особымъ, пневматическимъ тѣломъ, какое приписывали высшему Христу, Сыну Божію, *эжесаиты* ¹⁾...

¹⁾ Эжесаиты представляли собѣ высшаго, небснаго Христа, какъ Существо, облеченное тѣломъ 96-ти миль въ вышину и 24-хъ миль въ ширину (H a r n a c k, Die Ketzergeschichte des Urchristenthums, Leipzig. 1884, S. 434; на

Столь же разнорѣчивыя мнѣнія возможны и по поводу отмѣченнаго уже нами выше вопроса объ употребленіи въ псевдо-евангеліи имени «Господь» (ὁ Κύριος): случайно ли, въ силу установившейся лишь привычки, или преднамѣренно авторъ всюду въ отрывкѣ называетъ І. Христа *исключительно* этимъ лишь именемъ? Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой: называя Господомъ даже бездыханное тѣло І. Христа, выражается ли такъ псевдо-евангелистъ, подобно Маріи Магдалинѣ ¹⁾, въ такомъ же простѣйшемъ, обыденномъ—такъ сказать—смыслѣ, въ какомъ и мы, обыкновенно, продолжаемъ называть тѣло или трупъ умершаго, особенно близкаго, дорогаго намъ человѣка привычнымъ намъ именемъ послѣдняго, или же онъ, подобно позднѣйшимъ крайнимъ монофизитамъ (аѳтартодокетамъ или фантасіастамъ), смотрѣлъ дѣйствительно на тѣло Того, Кого онъ неизмѣнно называетъ Господомъ, какъ на нѣчто также божественное или обожествленное по самому существу своему ²⁾? Первое мнѣніе представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, хотя отрицать безусловно и второе, какъ невозможное, на томъ лишь основаніи, что оно является несогласимымъ съ явно докетическими воззрѣніями автора, едва ли было бы справедливо. Въ такого рода литературныхъ произведеніяхъ, какъ разсматриваемое псевдо-евангеліе, писанныхъ всегда болѣе подъ вліяніемъ пылкой фантазіи и сердца, чѣмъ здоровой логики и критики, смѣсь самыхъ противоположныхъ другъ другу взглядовъ или понятій объ одномъ и томъ же предметѣ—явленіе обычное и можно сказать—неизбѣжное вслѣдствіе компиляторскаго по большей части характера ихъ. Авторъ же псевдо-евангелія, безспорно,—нужно отдать ему справед-

русск. языкѣ объ элесантахъ см. у В. Снегирева: «Ученіе о Лицѣ Господа І. Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства» (Казань 1870 г. стр. 67 и д.). И по ученію докетовъ, замѣтимъ также, Сотиръ (ἄνωθεν ἐλθών) имѣлъ, кромѣ матеріальнаго тѣла, воспринятаго отъ Маріи Дѣвы, еще другое, *духовное тѣло*, полученное имъ во время крещенія, какъ образъ и печать перваго (Hurrault. Philosophum., lib. VII, 10). Не въ этомъ ли духовномъ тѣлѣ и явился, по представленію автора, воскресшій Господь?

¹⁾ Юан. 11, 13: *взаша Господа моего, и не вѣдѣ, гдѣ положиши Его.*

²⁾ Такъ объясняетъ образъ выраженія автора въ данномъ случаѣ изъ западныхъ ученыхъ Шубертъ въ своей, цитованной уже нами, монографіи: Die Composition d. Pseudopetrinischen Evangelienfragments, S. 54.

ливость въ этомъ отношеніи,—былъ одушевленъ самымъ глубокимъ чувствомъ благоговѣнія къ Лицу І. Христа. Онъ видимо старается окружить Ликъ Его ореоломъ божественнаго величія и славы,—что ясно сказывается особенно въ повѣствованіи о воскресеніи, гдѣ образъ І. Христа, какъ человѣка, можно сказать, совершенно исчезаетъ. Съ этою же, по всей вѣроятности, дѣлюю,—и слѣдовательно не случайно, а преднамѣренно, авторъ и называетъ І. Христа исключительно «Господомъ». Неудивительно, если столь восторженно настроенный авторъ смотрѣлъ и на самое тѣло І. Христа, какъ на нѣчто также божественное, не заботясь о томъ, насколько такой взглядъ мирится или не мирится съ основными гностико-докетическими возрѣніями, которымъ онъ слѣдуетъ въ другихъ случаяхъ.

Сводя всѣ предъидущія замѣчанія наши къ общему результату, мы должны сказать слѣдующе: что евангеліе Петра написано было въ интересахъ докетическихъ, подъ вліяніемъ гностическихъ лжеученій,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На основаніи отрывка трудно установить съ точностію, къ ученію какой именно изъ гностическихъ школъ II-го вѣка авторъ псевдо-евангелія примыкалъ, какъ ученикъ или послѣдователь. Насколько можно, однако, судить о возрѣніяхъ его на Лицо І. Христа на основаніи имѣющихся данныхъ,—въ особенности на основаніи наиболѣе характеристичнаго въ этомъ отношеніи стиха 19-го,—возрѣнія эти представляются болѣе сходными съ ученіемъ валентиніанъ (особенно восточныхъ), чѣмъ съ ученіемъ тѣхъ докетовъ, свѣдѣнія о которыхъ, какъ особой сектѣ, сообщаетъ св. Ипполитъ (въ *Philosophumena*), не говоря уже объ элkesайтахъ ¹⁾. Повторимъ, впрочемъ, сказанное нами выше, что разобратъся въ догматическихъ возрѣніяхъ автора, выяснитъ вполне ихъ основанія и связь

¹⁾ Наибольшее сходство съ ученіемъ докетовъ находятъ въ особенности Шубертъ, хотя самъ же справедливо замѣчаетъ, что о тѣхъ докетахъ, о которыхъ говорятъ Серапіонъ Антиохійскій, мы также мало знаемъ, какъ и о томъ, кто такой былъ упоминаемый тѣмъ же Серапіономъ *Маркіанъ* (*Die Composition...*, S. 46). Замѣчаніе о сходствѣ съ элkesайтами см. у Lods'a *L'Evangile et l'Apocalypse de Pierre*, p. 73.

между собою—весьма трудно. Одно лишь, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что І. Христосъ для автора псевдо-евангелія—не евангельскій «Сынъ человѣчскій», *пріискреннь пріобщившійся* плоти и крови нашей (Евр. II, 14), *искушенный по всяческимъ по подобію, развѣтъхъ* (Евр. IV, 15), а есть именно *Господь*—ὁ Κύριος, какъ и называетъ Его постоянно авторъ,—Господь не въ православно-христіанскомъ, а въ томъ особомъ, гностическомъ смыслѣ, въ какомъ называли Его этимъ именемъ и восточные валентиніане и другіе гностики.

Протоіерей **В. Рождественскій.**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В.Г. Рождественский

**Новооткрытый
отрывок апокрифического
Евангелия ап. Петра**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1894. № 11-12. С. 382-411.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Новооткрытый отрывокъ апокрифическаго Евангелія ап. Петра ¹⁾).

(Окончаніе).

III. Отношеніе псевдо-евангелія къ Евангеліямъ каноническимъ.

О СТАНАВЛИВАЕМСЯ на особомъ, спеціальному разсмотрѣніи отношенія псевдо-евангелія къ нашимъ каноническимъ Евангеліямъ, такъ какъ въ виду неоспоримо-глубокой древности апокрифа вопросъ о томъ, пользовался, или нѣтъ, авторъ его этими послѣдними,—и притомъ пользовался ли всѣми четырьмя, или только однимъ которымъ-либо изъ нихъ (Ев. Марка), много—двумя (кромѣ Марка, Евангеліемъ также и Матѳея), представляетъ очень важный и весьма понятный научный интересъ. Вопросъ этотъ предрѣшенъ уже отчасти съ нашей стороны чрезъ предыдущія замѣчанія наши о псевдо-евангеліи. При разъясненіи въ особенности апокрифическаго характера его мы прямо выходили изъ того положенія, что основою или главнѣйшими источниками для псевдо-евангелиста служили наши же каноническія Евангелія, что онъ лишь передѣлываетъ ихъ, сокращаетъ или дополняетъ ихъ повѣствованіе разнаго рода прибавками отъ себя согласно съ своими анти-юдаистическими, догматическими и иными тенденціями. Обращаясь теперь, по вышеуказанному побужденію, къ частнѣйшему разсмотрѣнію или доказательствамъ этого положенія, замѣтимъ прежде всего, что было бы, конечно, крайностію утверждать, будто бы кромѣ нашихъ Евангелій съ одной стороны, и собственной фантазіи—съ другой никакими другими источниками авторъ псевдо-евангелія не пользовался ²⁾. Не беремъ рѣшать здѣсь вопросъ о томъ,

¹⁾ См. Христ. Чтеніе вып. IV-й.

²⁾ Такъ именно думаетъ Цанъ, *Das Evangelium des Petrus*, SS. 47, 49, 55—56. На послѣднихъ двухъ страницахъ, въ примѣчаніи, Цанъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что подъ «нашими Евангеліями» онъ не разумѣетъ ни *Textus re-*

пользовался ли онъ, кромѣ Евангелій, еще какими-либо *письменными* собственно источниками ¹⁾, но что при описаніи нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ событій немаловажнымъ пособіемъ служило ему также *устное преданіе* въ видѣ разнаго рода легендарныхъ прибавокъ и прикрасъ къ евангельскому повѣствованію, особенно легко слагающихся, обыкновенно, въ сектантскихъ кружкахъ,—это болѣе, чѣмъ вѣроятно. Едва ли, думаемъ, будетъ спорить кто-либо противъ того, что описаніе напр. момента воскресенія І. Христа, которымъ такъ восхищаются нѣкоторые изъ западныхъ критиковъ отрывка, и которое, дѣйствительно, не лишено нѣкотораго искусства изложенія, живости и картинности, цѣликомъ, по всей вѣроятности, взято псевдо-евангелистомъ изъ устныхъ рассказовъ, а не сочинено имъ самимъ. Не этою ли неравномѣрностію, а вмѣстѣ и разнохарактерностію источниковъ, т. е. что при написаніи однихъ частей своего псевдо-евангелія авторъ, кромѣ каноническаго повѣствованія и собственной фантазіи, никакихъ другихъ источниковъ не имѣлъ, при написаніи же другихъ богатый, дополнительный матеріалъ онъ находилъ въ устныхъ легендахъ,—объясняется также замѣченная почти всѣми изслѣдователями отрывка краткость и отрывочность изложенія первыхъ 20-ти (или 27-ми) стиховъ сравнительно съ полнотою, обстоятельностью изложенія послѣдующихъ ²⁾?

serius, ни какой-либо критически исправленный текстъ ихъ,—напр. Тишендорфа, или Весткота и Хорта, но текстъ въ томъ его видѣ, съ разными дополненіями, передѣлками, разночтеніями и проч., какой онъ получилъ уже въ началѣ II-го вѣка.

¹⁾ Мы разумѣемъ здѣсь опять спорный вопросъ о томъ, пользовался, или нѣтъ, авторъ псевдо-евангелія такъ назыв. «Актами Пилата», о которыхъ упоминають еще св. Іустинъ мученикъ, Тертуллианъ и другіе древніе писатели. Шубертъ, (Composition S. 177 f.), горячо доказывающій пользованіе ими (противъ Гарнака и Цана), подробно сравниваетъ съ содержаніемъ псевдо-евангелія не Евангеліе только Никодима, но также «Epistola Pilati», «Ἀναφορὰ Πιλάτου», разбираетъ мѣста изъ св. Іустина, Тертуллиана и пр.; но вся его аргументація доказываетъ только то, что между апокрифическою литературою Пилата и псевдо-евангелиемъ есть, дѣйствительно, близкая родственная связь; того же своего положенія или конечнаго вывода, что будто бы въ псевдо-евангеліи мы имѣемъ первичную, древнѣйшую форму (Urform) актовъ Пилата (S. 188), почтенный ученый отнюдь не доказалъ.

²⁾ Удивительную, чтобы не сказать болѣе, гипотезу предлагаетъ для объясненія этой разности въ характерѣ изложенія первой части отрывка (1—

Другое замѣчаніе, которое считаемъ нужнымъ напередъ также отмѣтить, касается *свободы* или *самостоятельности* автора псевдо-евангелія и въ выборѣ и въ изложеніи матеріала, относящагося къ описываемымъ имъ событіямъ евангельской исторіи. На эту авторскую свободу псевдо-евангелиста западные критики отрицательнаго направленія особенно указываютъ въ оправданіе своего мнѣнія о весьма позднемъ будто бы происхожденіи канона нашего Четвероевангелія. Вотъ какого рода дилемму строить на основаніи ея напр. Гарнакъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей отрицательной критики въ настоящее время: „Какъ бы ни судили,—говоритъ онъ,—объ отношеніи Евангелія Петра къ нашимъ каноническимъ Евангеліямъ, и теперь уже ясно, что наше Евангеліе (Евангеліе Петра) отнюдь не есть *διὰ τὴν ἀρχὴν* (т. е. сводъ Четвероевангелія), что происхожденіе его относится къ тому времени, когда евангельскій матеріалъ находился еще совершенно въ неопредѣленномъ состояніи; потому что если предположить, что весь свой матеріалъ оно заимствовало изъ каноническихъ Евангелій, то слѣдуетъ, что съ ними обращались въ то время, передѣлывали ихъ, самымъ свободнымъ образомъ; если же признать, что оно независимо отъ нихъ, то получается тотъ выводъ, что оно написано въ

19 ст.) сравнительно со второю (ст. 20—57) *Гарнакъ* (см. Theolog. Literaturzeitung, 1894, № 1, S. 14): по его мнѣнію, разность эта объясняется тѣмъ, что будто бы основою, исходнымъ пунктомъ при написаніи первой части отрывка автору служили слѣдующіе *10-ть или 11-ть словъ*, отрывочныхъ фактовъ, которые онъ зналъ изъ преданія: 1) два слова Ирода (въ ст. 2, 5); 2) три слова іудеевъ, мучившихъ І. Хр. (въ ст. 6, 7, 9; а также—*αὐτὸς δὲ ἐξέλιπα*—ст. 10); 3) извѣстіе о надписи на крестѣ—ст. 11; 4) слова разбойника—ст. 13; 5) *ποτίσθητε αὐτὸν κτλ.*—ст. 16; 6) восклицаніе Господа: *ἡ δὴναίς μοῦ κτλ.*—ст. 19. Надъ этими-то 10-тью словами, отрывками, съ прибавкою еще 11-го ветхов. слова: *ἦλιον μὴ δῦναι ἐπὶ πεφουερμένῳ* (ст. 5, 15), авторъ долженъ былъ якобы трудиться, чтобы связать ихъ между собою, представить изъ нихъ нѣчто цѣльное! Читая эту фантастическую гипотезу, недоумѣваешь, что побудило ученаго критика къ выдумкѣ ея, когда самъ же онъ далѣе признаетъ вѣроятнымъ, что псевдо-евангелистъ *читалъ наши Евангелія и выбиралъ изъ нихъ*, на память, *подходящее* для его цѣлей. Не то же ли самое и доказываетъ именно опровергаемый имъ Шубертъ въ своей монографіи? Желая чрезъ свою гипотезу оправдать псевдо-евангелиста отъ обвиненія въ *тенденціозной передѣлкѣ* нашихъ Евангелій, Гарнакъ на самомъ дѣлѣ только подтверждаетъ это обвиненіе.

такое время, когда рядомъ съ каноническими Евангеліями свободно еще разливался потокъ евангельскаго преданія и легендъ и изъ него свободно еще почерпали, не заботясь о какихъ-либо фиксированныхъ (т. е. канонизованныхъ) евангельскихъ писаніяхъ“¹⁾). Другими словами, о существованіи какого-либо канона Евангелій въ началѣ II вѣка (къ этому именно времени Гарнакъ относитъ происхожденіе псевдо-Евангелія) не можетъ быть и рѣчи. Но правда ли это? Отсутствіемъ ли, въ самомъ дѣлѣ, опредѣленнаго каноническаго руководства или нормы въ изложеніи евангельской исторіи объясняется тотъ произволъ, какой авторъ псевдо-евангелія позволяетъ себѣ въ своемъ повѣствованіи, перемѣшивая въ немъ подлинныя факты съ вымыслами своей или чужой фантазіи? Не вѣрнѣ ли и проще объясняется эта черта тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ, какъ докетъ, писавшій свое псевдо-евангеліе для употребленія въ кругу подобныхъ себѣ христіанъ-сектантовъ, не чувствовалъ себя, понятно, связаннымъ апостольскимъ авторитетомъ общепринятыхъ въ церкви каноническихъ Евангелій, — пользовался ими, но передѣлывалъ ихъ повѣствованіе согласно съ своими сектантскими воззрѣніями и интересами. Такой именно выходъ изъ своей, вышеприведенной, дилеммы указываетъ самъ же Гарнакъ²⁾). Чувство справедливости подсказываетъ, такимъ образомъ, и ему простое и совершенно правильное объясненіе тѣхъ разностей, какія, рядомъ съ сходными чертами, встрѣчаются, дѣйствительно, на каждомъ шагу при сравненіи содержанія псевдо-евангелія съ нашими каноническими Евангеліями; и только ошибочное мнѣніе, что будто бы находящіяся въ отрывкѣ явно гностико-докетическія черты (а въ цѣломъ Евангеліи, по мнѣнію и Гарнака, таковыхъ чертъ нашлось бы еще больше) не доказываютъ еще непременно не-церковнаго или сектантскаго происхожденія апокрифа, заставляетъ ученаго критика, совершенно безъ нужды, строить дилеммы и разнаго рода гипотезы тамъ, гдѣ рѣшеніе вопроса дается, какъ говорится, въ руки само собою. Равнымъ образомъ, только подобныя ему скептическіе умы, для которыхъ

¹⁾ Bruchstücke des Evangeliums und der Apokalypse d. Petrus (2 Aufl.), S. 36.

²⁾ Ibid. S. 37.

и каноническія Евангелія составляютъ доселѣ „неизвѣстныя еще отчасти (со стороны именно своихъ источниковъ) величины“, могутъ согласиться съ нимъ, что помимо пользованія тѣмъ или другимъ изъ нашихъ каноническихъ Евангелій авторъ Евангелія Петра могъ пользоваться *одинаковыми* съ ними источниками, устными или письменными,—чѣмъ особенно и объясняется будто бы какъ сходство, такъ и различіе въ передачѣ нѣкоторыхъ событій. Легко сослаться, замѣтимъ на это, на разнаго рода воображаемые источники, но разъ эти источники—совершенно „неизвѣстныя для насъ величины“, только именно воображаемые, какое, спрашивается, научное значеніе могутъ имѣть подобнаго рода ссылки и основанныя на нихъ объясненія ¹⁾?

Но обратимся, однако, къ самому дѣлу,—къ детальному именно рассмотрѣнію тѣхъ данныхъ въ содержаніи отрывка, на основаніи которыхъ съ полною достовѣрностію можно утверждать, что автору псевдо-евангелія были хорошо извѣстны *всѣ четыре Евангелія наши*. Начинаемъ съ рассмотрѣнія данныхъ, относящихся къ Евангелію Іоанна, такъ какъ пользованіе со стороны псевдо-евангелиста этимъ именно Евангеліемъ подвергается наибольшему сомнѣнію и Гарнакомъ, и многими другими западными критиками.

Вліяніе *Евангелія Іоанна* ясно сказывается, прежде всего,

¹⁾ Мы не приводимъ здѣсь отдѣльно мнѣній или взглядовъ по разсматриваемому нами вопросу другихъ западныхъ ученыхъ: *Лодса* (L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre, p. 63. 72), *Содена* (Das Petrus-evangelium und die canonischen Evangelien—отдѣл. оттискъ изъ Zeitschrift für Theologie und Kirche, 1893), *Манго*, («Die neuen Petrus-fragmente» (см. «Protestant. Kirchenzeitung» 1893, №№ 6—9) и др.,—не приводимъ частію потому, что мы вовсе не имѣемъ въ виду входить въ какую-либо полемику съ ними, какъ не думаемъ входить собственно и съ Гарнакомъ, главнымъ же образомъ—потому, что, расходясь во многихъ частностяхъ, и названные ученые совершенно согласны съ Гарнакомъ въ томъ взглядѣ, что будто бы псевдо-евангеліе представляетъ собою такой же «самостоятельный опытъ изложенія евангельской исторіи», имѣетъ такое же право на довѣріе къ себѣ, какъ и наши каноническія Евангелія. Защитникомъ этого взгляда является особенно Соденъ. Относительно, впрочемъ, Гарнака нужно замѣтить, что, судя по рецензіи его на сочиненіе Шуберта (въ Theolog. Literaturzeitung, 1894, № 1), взгляды его на отношеніе по крайней мѣрѣ псевдо-евангелія къ нашимъ каноническимъ Евангеліямъ значительно смѣнились. Шубертъ, по его словамъ, «сдѣлалъ *впрямомъ*, что въ основѣ псевдо-евангелія лежатъ наши канонич. Евангелія, даже Еванг. Іоанна».

въ нѣкоторыхъ хронологическихъ данныхъ отрывка. Въ 5-мъ стихѣ отрывка говорится, что І. Христосъ преданъ былъ іудеямъ на распятіе „предъ первымъ днемъ опрѣсноковъ, праздника ихъ“. Что опредѣляя такимъ образомъ день смерти І. Христа, псевдо-евангелистъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ не первымъ тремъ евангелистамъ (Мѡ. XXVI, 17; Мр. XIV, 12; Лук. XXII, 1. 17), а хронологически болѣе точному повѣствованію евангелиста Іоанна (XIII, 129; XVIII, 28; XIX, 14),—это, полагаемъ, ясно и безъ особыхъ объясненій. Выраженіе: „предъ первымъ днемъ опрѣсноковъ“ значитъ у псевдо-евангелиста тоже, что у св. Іоанна „предъ праздникомъ пасхи (XIII, 1) или въ „пятницу предъ пасхою“ (XIX, 14), т. е. указывается именно день 14-го Нисана, съ вечера котораго начался праздникъ пасхи и опрѣсноковъ. По хронологіи же первыхъ трехъ евангелистовъ выраженіе автора псевдо-евангелія означало бы, что І. Христосъ былъ распятъ 13-го Нисана, такъ какъ для нихъ уже 14-е Нисана было *первымъ днемъ праздника опрѣсноковъ*¹⁾. Въ 5-мъ же стихѣ слова Ирода:... „мы Его (І. Хр.) погребли бы, поелику и суббота разсвѣтаетъ“, напоминая послѣднюю фразою замѣчаніе ев. Луки (XXIII, 54), по смыслу напоминаютъ еще болѣе замѣчаніе у ев. Іоанна, что іудеи сами спѣшили скорѣе покончить съ осужденными, дабы не оставить тѣлъ на крестѣ въ субботу (ибо та суббота была день великій) (XIX, 31).—Только изъ Евангелія Іоанна знаемъ мы, что ученики І. Христа оставались въ Іерусалимѣ

¹⁾ Что образъ выраженія первыхъ трехъ евангелистовъ, считавшихъ уже 14-е Нисана *первымъ днемъ праздника опрѣсноковъ* (каковымъ на самомъ дѣлѣ было 15-е), не представляетъ чего-либо страннаго, или не составляетъ какой-либо ничѣмъ неоправдываемой ошибки, заблужденія съ ихъ стороны, напротивъ—находить себѣ полное оправданіе въ современной имъ практикѣ и словоупотребленіи,—основательное разъясненіе этого пункта, на основаніи Іосифа Флавія, см. въ статьѣ Н. Н. Глубоковскаго: «Къ вопросу о пасхальной вечери Христовой и объ отношеніяхъ къ Господу современнаго Ему еврейства» (по поводу пѣмецк. изслѣдованія проф. Д. А. Хвольсона),—«Христ. Чтеніе» за 1893 г., июль—августъ, стр. 115 и д. Къ этой же статьѣ отсылаемъ и тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы уяснить себѣ, какъ вообще могутъ быть примирены столь несогласныя, повидимому, между собою свидѣтельства о днѣ пасхальной вечери, совершенной І. Христомъ, а слѣд. и о днѣ распятія Его, первыхъ трехъ Евангелій и четвертаго—Іоаннова Евангелія.

въ теченіе всей пасхальной недѣли (XX, 26); такого же рода извѣстіе встрѣчаемъ и въ отрывкѣ псевдо-евангелиста (ст. 58—59): ученики уходятъ изъ Иерусалима лишь по окончаніи праздника опрѣсноковъ.—Далѣе, слѣдовалъ ли псевдо-евангелистъ въ своемъ краткомъ описаніи распятія І. Христа (ст. 10—20) сравнительно болѣе также краткому, чѣмъ у первыхъ трехъ евангелистовъ, повѣствованію евангел. Іоанна,—трудно сказать съ опредѣленностію ¹⁾; во всякомъ случаѣ неоспоримо, что Іоанново именно повѣствованіе лежитъ, между прочимъ, въ основѣ двухъ, передаваемыхъ въ этомъ отдѣлѣ псевдо-евангелистомъ, явно тенденціозныхъ исторій: разумѣемъ, во-первыхъ, рассказъ его о томъ, что будто бы Іудеи повелѣли *не перебивать голени* одному изъ распятыхъ злодѣевъ за то, что онъ поносилъ ихъ (ст. 13—14), и затѣмъ—что многіе изъ іудеевъ, принявъ ошибочно внезапно наступившую среди полудня тьму за ночь, сѣлись за столъ для вкушенія пасхальнаго агнца,—сѣлись какъ разъ въ тотъ моментъ, когда умеръ распятый Господь (ст. 18—19). Что распятымъ были перебиты голени, и что только *одинъ* изъ троихъ распятыхъ былъ пощажень отъ этого мучительнаго акта—І. Христось, какъ уже умершій,—объ этомъ изъ евангелистовъ сообщаетъ только ев. Іоаннъ (XIX, 31—36). И если псевдо-евангелистъ говоритъ, что будто бы не перебиты были голени благоразумному разбойнику за то, что онъ поносилъ распинателей за ихъ величайшую неправду въ отношеніи къ распятому Господу, то онъ отнюдь не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ какому-либо особому преданію ²⁾, а также про-

¹⁾ На сходство между Іоанномъ и псевдо-евангелистомъ въ этомъ пунктѣ повѣствованія указываютъ не только Шубертъ (Composition... S. 160), но также и Гарнакъ (Bruchstücke... S. 78), Лодсъ (L'Évangile et l'Apocalypse de Pierre, p. 70) и др.

²⁾ Предполагать, что псевдо-евангелистъ, дѣйствительно, слѣдовалъ въ данномъ случаѣ какому-либо особому преданію, можно развѣ лишь тогда, если согласиться съ мнѣніемъ К. Manhot, что чтеніе: *σχελοκρηθη* въ 14 ст.—неправильное, испорченное чтеніе, что нужно читать: *σχελοπέδην θη* (см. «Protestantische Kirchenzeitung, 1893, Nг. 8, S. 180). Въ такомъ случаѣ смыслъ 14-го ст. будетъ, въ самомъ дѣлѣ, совершенно иной: повелѣніе іудеевъ будетъ касаться не того, чтобы прогнѣвавшему ихъ разбойнику не были перебиваемы голени, а того, чтобы ноги его не были *связаны* на крестѣ, т. е. чтобы онъ висѣлъ на крестѣ съ пригвожденными лишь руками,—что страшно

изволью передѣлываетъ и сказаніе евангел. Іоанна, какъ передѣлываетъ повѣствованіе ев. Луки о томъ же благоразумномъ разбойникѣ (ст. 13; ср. XXIII, 40 и д.). Равн. образомъ, что касается и второго вышеуказаннаго разсказа, то какъ бы ни судить о мотивахъ, которыми руководился авторъ при его сочиненіи, во всякомъ случаѣ онъ ясно предполагаетъ собою передаваемое опять только ев. Іоанномъ (XVIII, 28) извѣстіе, что именно въ день распятія І. Христа, вечеромъ, іудеи должны были вкушать пасху.—Изъ дальнѣйшаго повѣствованія псевдо-евангелиста, какъ на наиболѣе примѣчательные слѣды знакомства послѣдняго съ четвертымъ Евангелиемъ, можно указать на слѣдующее: а) псевдо-евангелистъ, замѣчательно, говоритъ только о гвоздяхъ, которыми пригвождены были ко кресту *руки* І. Христа (ст. 21): не потому ли, что о язвахъ гвоздинныхъ только на рукахъ идетъ рѣчь и у евангел. Іоанна въ повѣствованіи о явленіи воскресшаго Господа ученикамъ въ первый день недѣли, вечеромъ (XX, 20, 25, 27)?¹⁾ б) говоря о женахъ-муроносицахъ, ходившихъ ко гробу на разсвѣтѣ перваго дня недѣли (ст. 50 и д.), авторъ псевдо-евангелія съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на личности Маріи Магдалины; не только ее одну называетъ по имени, но ее же одну называетъ „ученицею Господа“; о прочихъ же св. женахъ выражается лишь какъ о „подругахъ“ ея (ст. 51). Не въ такомъ ли же свѣтѣ рисуется личность ея и въ Евангеліи Іоанна (XX, и д.)? И по Іоанну, Марія Магдалина не одна ходила ко гробу, какъ это

увеличивало тяжесть крестныхъ мукъ. Но согласиться съ такимъ чтеніемъ и пониманіемъ '14-го' стиха нельзя по той простой причинѣ, что разбойникъ, такъ или иначе, былъ уже распятъ еще до обличенія іудеевъ (ст. 10, 13), и слѣд. поведѣніе іудеевъ—не пригвождать его ногъ явилось бы уже запоздалымъ. Въ замѣчаніяхъ Манхо относительно 14-го стиха вѣрно лишь то, что псевдо-евангелистъ говоритъ величайшую нелѣпость, утверждая, что будто бы іудеи, желая *отягчить* страданія разбойника, ихъ обличителя, повелѣли не перебивать ему голени, такъ какъ перебитіе голени (*скалохотія, scurifragium*), хотя и ускоряло смерть, но было въ то же время однимъ изъ наиболѣе ужасныхъ, мучительнѣйшихъ видовъ убійства или казни. См. замѣчаніе объ этомъ также у *Гольмана*, Hand-Commentar zum N. Testament, Bd. 4, Abth. 1, S. 194—195.

¹⁾ Какъ Тишендорфъ, такъ и другіе изслѣдователи и издатели греческаго текста Н. Завѣта слова въ ст. 20: *καὶ τοῦς πόδας* исключаютъ, какъ позднѣйшую прибавку.

ясно видно изъ ст. 2 (*χαὶ οὐκ οἴδαμεν—и мы не знаем*; ср. ст. 13),—и тѣмъ не менѣе лишь она одна поименовывается у него; и особеннымъ побужденіемъ для псевдо-евангелиста—назвать ее одну „ученицею Господа“ не послужило ли передаваемое евангел. Иоанномъ также (XX, 16) радостное восклицаніе Маріи, когда она узнала явившагося ей Господа,—восклицаніе: *Раввунни!*; в) если послѣднія строки отрывка (ст. 60), прерывающагося на полу-фразѣ, составляютъ, дѣйствительно,—а въ этомъ согласны были съ самаго же начала почти всѣ изслѣдователи отрывка,—начало повѣствованія о явленіи воскресшаго Господа ученикамъ при морѣ Тиверіадскомъ, въ такомъ случаѣ сходство псевдо-евангелія съ Евангеліемъ Иоанна будетъ касаться уже не тѣхъ или другихъ частныхъ чертъ, а цѣлаго историческаго разсказа (Иоан. XXI, 1 и д.). Въ самомъ дѣлѣ, и *мѣсто* (море), и *обстановка* или случай (ловитва рыбъ,—на чтѣ у псевдо-евангелиста указываютъ *стѣти*), и *небольшой лишь кружокъ учениковъ*, при чемъ во главѣ также стоитъ ап. Петръ, называемый, какъ у Иоанна (XXI, 2), полнымъ именемъ: *Симонъ Петръ*,—все даетъ полное право думать, что далѣе, въ псевдо-евангеліи, шла рѣчь о томъ же событіи, о которомъ говорится въ заключительной главѣ Еванг. Иоанна. Казалось бы, такимъ образомъ, уже этого одного пункта совершенно достаточно для убѣжденія въ томъ, что псевдо-евангелисту, несомнѣнно, было извѣстно четвертое Евангеліе, что онъ пользовался имъ. Но именно этотъ-то пунктъ представители отрицательной критики не только стараются всѣми силами отвоевать въ свою пользу, но начинаютъ уже строить на немъ свои смѣлыя гипотезы, касающіяся въ особенности происхожденія 21 гл. Евангелія Иоанна. Уже въ первомъ изданіи своей монографіи, посвященной изслѣдованію новооткрытыхъ отрывковъ Евангелія и апокалипсиса Петра, Гарнакомъ, между разными другими замѣчаніями относительно 58—60 стиховъ отрывка, высказано было и то, что если стихъ 57-й отрывка заимствованъ несомнѣнно изъ Ев. Марка (ср. XVI, 8), то и стихи 58—60 заимствованы изъ него же, т. е. *изъ потеряннаго заключенія Евангелія Марка* ¹⁾; при этомъ онъ считаетъ въ высшей степени вѣ-

¹⁾ Bruchstücke d. Evangeliums und d. Apokalypse des Petrus, 1893, S. 33;

роятнымъ, что далѣе у псевдо-евангелиста шла рѣчь о томъ явленіи І. Христа ап. Петру,—и притомъ какъ *первомъ*,— о которомъ упоминають ап. Павелъ въ 1 Коринѣ. XV, 5-мъ и евангел. Лука въ XXIV, 34-мъ стихѣ. Послѣдователи его пошли еще далѣе въ этомъ направленіи, утверждая, что будто бы сущность того, чтó мы читаемъ теперь въ 21 гл. Евангелія Іоанна, принадлежала первоначально Евангелію Марка,— стояла именно на мѣстѣ теперешняго неподлиннаго заключенія его (XVI, 9 и д.), что въ настоящемъ своемъ видѣ 21 гл. Іоаннова Евангелія сама есть продуктъ позднѣйшаго времени,— продуктъ, представляющій собою не что иное, какъ лишь переработку въ Іоанновомъ духѣ бывшаго заключительнаго повѣствованія св. Марка ¹⁾). Вотъ, такимъ образомъ, откуда,— изъ подлиннаго заключенія Евангелія Марка, которое будто бы псевдо-евангелистъ читалъ еще въ цѣльномъ видѣ, а отнюдь не изъ Евангелія Іоанна, заимствовано было имъ слѣдовавшее у него за ст. 60 повѣствованіе о явленіи І. Христа ап. Петру и нѣсколькимъ другимъ ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ!

Относительно всѣхъ этихъ разсужденій считаемъ достаточнымъ сдѣлать въ настоящемъ случаѣ лишь слѣдующія краткія замѣчанія: 1) то явленіе воскресшаго Господа ап. Петру, о которомъ упоминають ап. Павелъ и евангел. Лука, было явленіемъ *исключительно ему одному*, а не вмѣстѣ и

буквально тоже самое и на той же 33-й стр. онъ повторяетъ и во 2-мъ изданіи (1893-го же года).

¹⁾ Rohrbach, Der Schluss des Marcusevangeliums, Berlin, 1894. Не имѣя доколѣвъ подъ руками самаго сочиненія Рорбаха, недавно лишь явившагося, возспроизводимъ вышеизложенныя сужденія его по отчету о немъ, напечатанному въ «Literarisches Centralblatt», Nr. 34, за текущій годъ. Сочиненіе написано подъ руководствомъ Гарнака и ему же посвящено. Еще въ 1893 г. въ англійскомъ журналѣ «The Expositor» (Octob., S. 241—264) было напечатано изслѣдованіе Conybeare «Aristion, the author of the last twelve verses of Marc», въ которомъ Кониберъ, на основаніи одного армянскаго манускрипта конца X в. (986 г.), найденнаго имъ въ 1891 г. въ Патриаршей библиотекѣ Эчмиадзинскаго монастыря, доказываетъ, что писателемъ послѣднихъ 12-ти стих. Ев. Марка былъ «Aristionъ, ученикъ Господа» (ср. Euseb. Hist. Eccles., III, 39). Это-то изслѣдованіе англ. ученаго, въ сопоставленіи съ послѣдними стихами (58—60) Ев. Петра, и послужило Рорбаху, какъ видно изъ отчета въ Literar. Centralblatt, основаніемъ для вышеуказанныхъ смѣлыхъ сужденій его относительно заключительныхъ главъ въ Евангеліяхъ Марка и Іоанна.

другимъ ученикамъ; оно было, дѣйствительно, *первое*, но первое лишь въ ряду явленій апостоламъ собственно (первымъ *по времени* явленіемъ Воскресшаго было явленіе Маріи Магдалинѣ, Иоан. XX, 11 и д. ср. Мр. XVI, 9), и какъ ясно изъ контекста рѣчи у евангел. Луки (XXIV, 21. 33—34), имѣло мѣсто не въ Галилеи, а въ Іерусалимѣ, въ самый день воскресенія; неизвѣстно лишь, въ какой часъ дня и при какихъ обстоятельствахъ оно происходило; 2) что начиная съ 50-го стиха повѣствованіе псевдо-евангелиста является сходнымъ особенно съ повѣствованіемъ евангел. Марка (XVI, 1 и д.)—это неоспоримо; въ ст. 57-мъ онъ почти буквально повторяетъ слова св. Марка (XVI, ст. 8). Слѣдуетъ ли, однако, непременно отсюда, что и далѣе авторъ пишетъ на основаніи Евангелія же Марка? Уже рѣзкое отличіе стиховъ 58—59 по языку, образу выраженія¹⁾, показываетъ, что въ сочинительствѣ автора произошла какая-то перемѣна,—перемѣна *именно въ источникахъ* повѣствованія, которыми онъ пользовался доселѣ, и какими приходилось пользоваться въ дальнѣйшемъ разсказѣ; указываютъ на разность въ *числѣ* и *именахъ* апостоловъ, называемыхъ у псевдо-евангелиста въ ст. 60-мъ и у Іоанна въ XXI, 2, а также на то, что Левій (Матѳей) называется у перваго *сыномъ Алфея*, какъ у Марка II, 14; но авторскій произволь псевдо-евангелиста въ обращеніи съ евангельскимъ текстомъ—намъ хорошо извѣстенъ; а главное, тѣ, кто такъ внимательно-зорки ко всему, изъ чего можно извлечь что-либо въ подтвержденіе своихъ отрицательныхъ теорій,

¹⁾ Языкъ и выраженія въ 58—59 ст. особенно сходны съ языкомъ, выраженіями у св. Луки. Такъ, хотя слово *τελευτός* не встрѣчается нигдѣ въ Н. З.; но весьма аналогичное съ выраженіемъ псевдо-евангелиста (*τελευταία ἡμέρα*) нѣется у Луки, II, 43 (*καὶ τελειωσάντων τὰς ἡμέρας*); глаголь *ὑποστρέφω*, какъ и выраженіе — *ὑποστρέφειν εἰς* (съ *accus. loci*) почти исключительно встрѣчаются только у св. Луки (22 раза въ одномъ лишь Евангеліи; у Мр. лишь одинъ разъ XIV, 40). Въ ст. 59-мъ выраженіе псевдо-евангелиста: *καὶ ἕκαστος λοπούμενος διὰ τὸ συμπᾶν* и пр., и по языку опять и по мысли, всего ближе напоминаетъ повѣствованіе у Луки объ Эммаускихъ путникахъ (XXIV, 13 и д.): *διὰ τὸ συμπᾶν*—Лук. *περὶ πάντων τῶν συβιβηχότων*; ср. также Дѣян. III, 10. Гарнакъ отмѣчаетъ еще выраженіе *ἀπὸ τῆς*, какъ специальное выраженіе Луки, но неправильно; въ цитуемыхъ имъ мѣстахъ (Лук. XII, 58; Дѣян. XIX, 12) глаголь этотъ употребляется въ томъ же переносномъ смыслѣ, какъ у ап. Павла въ посланіи къ Евр. II, 15.

опускаютъ при этомъ изъ виду стихъ 59, гдѣ авторъ, не обвиняясь, какъ было уже въ своемъ мѣстѣ замѣчено, опредѣляетъ число учениковъ Господа числомъ: δώδεκα — двѣнадцать („мы же, двѣнадцать учениковъ Господа“ и пр.). Ужели и эта, положимъ, неважная, но во всякомъ случаѣ очень характерная неточность выраженія принадлежитъ также повѣствованію евангел. Марка? Изъ того, что авторъ, согласно съ Ев. Марка (II, 14), называетъ ап. Матѳея „Левіемъ, сыномъ Алфея“, слѣдуетъ только то, что ему было извѣстно такое названіе его у Марка; и если за послѣдними словами отрывка — *ὁν Κύριος* слѣдовало, какъ можно предполагать, выраженіе: *καθήμενον ἐπὶ τὸ τελώνιον ἐκάλειεν* (по догадкѣ Гарнака), или: *καθήμενον ἐπὶ τὸ τελώνιον εἶδεν* (по Шуберту), тогда связь съ указаннымъ мѣстомъ у евангел. Марка будетъ еще яснѣе; наконецъ 4) есть ли какое-либо основаніе говорить вообще о какомъ-то *потерянномъ, подлинномъ заключеніи* Евангелія Марка, которое будто бы стояло первоначально на мѣстѣ теперешнихъ, *неподлинныхъ* заключительныхъ двѣнадцати стиховъ его (XVI, 9—20)? Пусть, согласимся, стихи эти будутъ неподлинны, — чтѣ, замѣтимъ, далеко еще не доказано: имѣемъ ли мы какое-либо право утверждать на этомъ основаніи, что на мѣстѣ ихъ стояло подлинное, потерянное потомъ заключеніе? Почему, въ самомъ дѣлѣ, Евангеліе не могло оканчиваться именно 8-мъ стихомъ XVI-й главы? Какъ это ни мало вѣроятно, во всякомъ случаѣ такого рода предположеніе болѣе правдоподобно, допустить его гораздо легче, особенно относительно евангел. Марка ¹⁾, чѣмъ допустить совершенную утрату въ церковныхъ спискахъ его Евангелія цѣлаго заключительнаго повѣствованія. „Еслибы,—какъ справедливо замѣчаетъ Шубертъ,—Евангеліе Марка существовало только лишь въ двухъ экземплярахъ и въ двухъ обществахъ, то и тогда восполненіе одного экземпляра чрезъ другой было воз-

¹⁾ См. характеристику св. Марка, какъ писателя—Евангелиста, у Папія Иераспольскаго (Euseb. Hist. Eccles., lib. III, 39, 15): не литературныя требованія порядка (τάξις), послѣдовательности изложенія словъ и дѣяній Христовыхъ, а слѣд. и законченности, цѣльности повѣствованія, озабочивали его, а то главнымъ образомъ, чтобы не опустить и не исказить при написаніи чего-либо, слышаннаго имъ отъ ап. Петра.

можно и составляло интересъ для многихъ" ¹⁾. Говорить, по-этому, „о потерянномъ заключеніи Евангелія Марка“, какъ о какой-то твердо установленной, хотя и неизвѣстной, величинѣ, тотъ же ученый считаетъ просто *непозволительнымъ* ²⁾. И еще болѣе непозволительно эта устарѣлая, ни на чемъ неоснованная, гипотеза является въ своей новой формѣ у Рорбаха. Не исправляя стараго заблужденія, этотъ ученикъ и послѣдователь Гарнака прибавляетъ лишь къ нему цѣлый рядъ новыхъ, и притомъ такихъ, противъ которыхъ не можетъ не протестовать даже простое нравственное чувство ³⁾. На взглядъ, между тѣмъ, всякаго непредубѣжденнаго, не мудрствующаго лукаво читателя положеніе дѣла очень просто и ясно. Слѣдуя въ повѣствованіи о женахъ мученицахъ, ходившихъ ко гробу на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, главнымъ образомъ евангел. Марку, авторъ псевдо-евангелія въ той же XVI-й главѣ, стихѣ 7-мъ, Евангелія Марка читалъ слѣдующее повелѣніе ангела св. женамъ: *идите, рыйте ученикомъ Его (І. Хр.) и Петрови, яко варлетъ вы въ Галилеи: тамо Его видите, якоже рече вамъ*. Вотъ слова, которыя, какъ это съ увѣренностію можно утверждать, опредѣлили для автора дальнѣйшій, за ст. 57-мъ, ходъ повѣствованія! Представить именно ап. Петра, во главѣ съ другими учениками, какъ то лицо, которому *первому* явился воскресшій Господь, было въ прямыхъ интересахъ автора; повелѣніе ангела какъ разъ совпадало въ этомъ случаѣ съ его тенденціею. Представить же это явленіе, какъ бывшее

¹⁾ Die Composition d. Pseudopetrinischen Evangelien-fragments, S. 154.

²⁾ Ibid. S. 153.

³⁾ Вотъ когда и какъ, по какого рода мотивамъ, совершилась, по мнѣнію Рорбаха, *подмена* подлиннаго заключенія подложнымъ въ Евангеліи Марка: когда около 80-го года Евангеліе сдѣлалось извѣстнымъ въ Малой Азіи, заключительное повѣствованіе его о явленіи Іисуса при морѣ Галилейскомъ ап. Петру и другимъ ученикамъ возбудило будто бы *соблазнъ* среди учениковъ ап. Іоанна своимъ, уклоняющимся отъ Іоаннова преданія, *таѣс*; поэтому оно было *отдѣлено* отъ Евангелія, и вмѣсто его, позже, написано Аристіономъ теперешнее, подложное заключеніе (керигматическій фрагментъ). Подлинное же заключеніе, послѣ передѣлки его языка въ Іоанновомъ стилѣ, а также отчасти и содержанія (къ возстановленію ап. Петра въ его апостольскомъ достоинствѣ прибавлено сказаніе объ Іоаннѣ), присоединено было къ Евангелію Іоанна. Такими-то нравственно-некрасивыми дѣлами занимались ученики Господни!! Не вопіющая ли это клевета на нихъ со стороны пѣмцакаго критика?!

въ Галилеи, давало основаніе и Евангеліе Матѳея (XXVIII, 7, 10, 16 и д.; ср. также XXVI, 32; Мр. XIV, 28). Правда, согласно повелѣнію ангела, псевдо-евангелистъ долженъ былъ бы представить учениковъ оставившими Іерусалимъ въ первый же день недѣли; между тѣмъ, по его словамъ, они не только оставались въ немъ въ теченіе всего праздника опрѣсноковъ, но, какъ оказывается изъ ст. 59, въ теченіе всего этого времени ничего будто бы даже и не знали о воскресеніи Господа, — и потому „плакали и были печальны“. Чтò послужило псевдо-евангелисту основаніемъ или поводомъ къ такому изложенію дѣла, — угадать не трудно. Послужило опять, несомнѣнно, сказаніе евангелиста же Марка, который, вслѣдъ за передачею словъ ангела св. женамъ, повѣствуетъ, что эти послѣднія, объята трепетомъ и ужасомъ, убѣжали отъ гроба, *и никому же ничто же рѣша: бояхубося* (XVI, 8). Послѣднія слова псевдо-евангелистъ понималъ, очевидно, въ строго-буквальномъ или безусловномъ смыслѣ, т. е. будто бы св. мученицы ничего не сказали о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими даже и апостоламъ, — чтò, безъ сомнѣнія, совершенно невѣрно ¹⁾. Такимъ образомъ, что авторъ псевдо-евангелія усердно пользовался XVI гл. Евангелія Марка до стиха 8-го включительно, — это внѣ всякаго сомнѣнія. Все, чтò читалъ онъ здѣсь, до стиха 8, вполне согласовалось съ характеромъ и цѣлями его повѣствованія; чтò же читалъ онъ далѣе, начиная съ ст. 9 ²⁾, — не только не давало ему никакого матеріала для намѣченнаго имъ повѣствованія о явленіи воскресшаго Господа, — и притомъ какъ первомъ, — ап. Петру и другимъ ученикамъ въ Галилеи, но и прямо шло въ разрѣзъ съ такимъ его планомъ и цѣлями. Въ ряду перечисляемыхъ св. Маркомъ въ 9—14 сти-

¹⁾ Невѣрно уже потому, что въ такомъ случаѣ осталось бы не исполненнымъ съ ихъ стороны повелѣніе ангела. На основаніи словъ евангелиста же Марка (XVI, 10) можно полагать, что безусловное молчаніе на первыхъ порахъ хранили лишь спутницы Маріи Магдалины (Марія Іаковлева и Саломія); послѣдняя же тотчасъ поспѣшила съ вѣстію къ апостоламъ. Ср. Іоан. XX, 2, 18.

²⁾ А что ему было извѣстно вообще и дальнѣйшее повѣствованіе у св. Марка, — доказательствомъ тому можетъ служить ст. 27, гдѣ влагаемое въ уста ап. Петра выраженіе: ἐκαθεζόμεθα πνευθοῦντες καὶ χλαίοντες буквально сходно съ выраженіемъ св. Марка объ апостолахъ же въ ст. 10-мъ XVI гл.: πνευθοῖσι καὶ χλαίουσιν. Ср. также 59 ст. отрывка: ἐχλαίμεν καὶ ἐλοπούμεθα.

хахъ явленій І. Христа не только не указывается ни одного, какъ бывшаго именно въ Галилеи, но ни разу не упоминается даже и имя ап. Петра. Мало того: тотъ горькій упрекъ въ невѣрїи и жестокосердіи, какой, по сказанію Марка въ томъ же отдѣлѣ (ст. 14), высказанъ былъ Господомъ *единомунадесяте*, когда Онъ, наконецъ, явился имъ самимъ, всею своею тяжестію падаль одинаково и на ап. Петра, какъ и на прочихъ апостоловъ ¹⁾. Итакъ, слѣд., за матеріаломъ для дальнѣйшей своей компиляціи псевдо-евангелистъ долженъ былъ, отложивъ въ сторону Евангеліе Марка, обратиться къ другимъ Евангеліямъ; но и изъ другихъ Евангелій подходящее для его цѣли повѣствованіе представляла ему *только лишь 21 гл. Евангелія Іоанна*. О какой-либо переработкѣ того явленія І. Христа ученикамъ въ Галилеи, о которомъ говоритъ евангел. Матѳеи въ XXVIII гл., 16 ст. и д., не можетъ быть,

¹⁾ Какимъ образомъ, однако, упрекъ этотъ могъ относиться къ Симону Петру: уже ли онъ оставался невѣрующимъ даже и послѣ ему лично бывшаго явленія Господа, прежде еще явленія прочимъ апостоламъ (Лук. XXIV, 34)? Какъ помирить, равн. обр., съ этимъ обстоятельствомъ и то, что въ Ев. Іоанна говоритъ о себѣ *другіи ученикъ* (самъ Іоаннъ): *и видѣ*, и *спрова* (XX, 8)? На этотъ второй вопросъ отвѣчать нетрудно: выраженіе—*и спрова* (καὶ ἐπιστάμενος) означаетъ здѣсь только то, что Іоаннъ вполне повѣрилъ тому, что рассказывала Марія Магдалина о пустомъ гробѣ,—тому, что тѣла Господа нѣтъ, дѣйствительно во гробѣ; полагать, что онъ теперь—тотчасъ же увѣровалъ, что Господь *именно воскресъ*, не позволяють слѣдующіи за симъ его же собственныя слова (ст. 9). И Іоаннъ, подобно Петру, возвратился отъ гроба также, вѣроятно, *въ себѣ дивясь бывшему* (Лук. XXIV, 12). Труднѣе отвѣчать на первый вопросъ. Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, однако, возможенъ, если мы обратимся къ Ев. Лук. XXIV, 36—40 стихамъ.—т. е. къ описанію того же самаго явленія Господа, о которомъ говоритъ и св. Маркъ въ XVI, 14. Тамъ, у св. Луки, говорится, что апостолы, увидѣвъ Господа, *подумали, что видятъ духа* (ст. 37),—и Господь говоритъ имъ, *для чего такія мысли входятъ въ сердца ихъ?* И въ самомъ дѣлѣ, не странны ли были такія мысли съ ихъ стороны, когда, можетъ быть, за нѣсколько лишь минутъ предъ симъ *они сами же* говорили возвратившимся эммаусскимъ путникамъ: *яко воистинну воста Господь и явися Симону?* Подобнаго рода мысли и неразлучныя съ ними сомнѣнія въ дѣйствительности воскресенія не входили ли еще ранѣе въ сердце ап. Петра, хотя ему и являлся Господь? Не увѣровалъ ли и онъ вполнѣ, окончателно въ истину воскресенія Господа только лишь послѣ того когда Господь,—какъ читаемъ у св. Луки,—для удостовѣренія смущенныхъ апостоловъ, что Онъ—не ухъ или привидѣніе какое-либо, не только показавъ имъ изъязвленныя руки и ноги Свои, но и вьявъ поданную Ему пищу—*ѣлъ* предъ ними (Лук. XXIV, 40—43)? Упрекъ въ невѣрїи и жестокосердіи вполнѣ справедливо могъ падать, так. обр., и на него.

очевидно, и рѣчи. Тамъ явленіе происходитъ *на гортъ*, у псевдо-евангелиста же указывается *море*; тамъ Господь является *всѣмъ* одиннадцати апостоламъ, у псевдо-евангелиста же, въ ст. 60, поименовываются лишь трое изъ нихъ. Если въ послѣднемъ отношеніи, какъ было уже замѣчено, у него одинаково оказывается разногласіе и съ повѣствованіемъ евангел. Іоанна (XXI, 2), то въ этомъ случаѣ разногласіе свидѣтельствуесть только о томъ, что псевдо-евангелистъ также *не списывалъ буквально* того, что онъ читалъ въ 21 гл. Іоаннова Евангелія, также хотѣлъ *казаться* самостоятельнымъ повѣствователемъ рассказываемаго имъ—и далѣе, какъ онъ эту иллюзію, видимо, старается поддерживать въ читателяхъ своего псевдепиграфическаго произведенія и ранѣе,—поддерживать и чрезъ свободную, своеобразную передачу всего, о чемъ бы онъ ни говорилъ, и чрезъ неоднократное выставленіе на видъ мнимаго автора повѣствованія (ст. 26—27; 59). Догадка Шуберта, что будто бы Левій, сынъ Алфея, упоминается авторомъ здѣсь въ ст. 60 въ качествѣ евангелиста (Матѳея), едва ли справедлива. Упомянутое о немъ не служитъ ли скорѣе признакомъ того, что въ дальнѣйшемъ описаніи явленія І. Христа при морѣ Тиверіадскомъ у псевдо-евангелиста были привнесены въ Іоанново повѣствованіе нѣкоторыя черты изъ исторіи перваго призванія Господомъ учениковъ, какъ это призваніе описывается особенно у евангел. Луки (V, 2 и д.)? Какъ, впрочемъ, излагались далѣе у автора подробности самаго явленія,—это—дѣло второстепенное. Въ данномъ случаѣ для насъ важенъ лишь самый фактъ несомнѣннаго во всякомъ случаѣ знакомства его съ 21 гл. Іоаннова Евангелія. Сомнѣваться въ этомъ могутъ лишь тѣ неисправимые, скептики въ средѣ особенно либеральнаго протестантства, которые давно уже сдѣлали изъ исторіи нашихъ Евангелій какую-то философію, управляемую разнаго рода субъективными воззрѣніями и принципами, на основаніи которыхъ и произносится главнымъ образомъ приговоръ какъ о Евангеліяхъ, такъ и о многомъ другомъ изъ исторіи первыхъ временъ христіанской церкви.

Отмѣтимъ въ заключеніе весьма примѣчательныя также черты сходства псевдо-евангелія съ Евангеліемъ Іоанна въ

употребленіи пѣкоторыхъ словъ и выраженій. Таково напр. употребленіе имени—οἱ Ἰουδαῖοι: въ смыслѣ не только чего-то чуждаго, но и прямо враждебнаго І. Христу и ученикамъ Его; таковы далѣе слова и выраженія: ст. 7: πορφύραν αὐτὸν περιέβαλον; ср. Іоан. XIX, 3; ст. 9: ἐμάστιζον; ср. Іоан. XIX, 1; ст. 10: καὶ ἐσταύρωσαν ἀνὰ μέσον αὐτῶν τὸν Κύριον; Іоан. XIX, 18; ст. 12: λαχρὸν ἔβαλον; Іоан. XIX, 24; λάχωμεν; ст. 23: ἐπειδὴ θεασάμενος ἦν (Иосифъ) ὅσα ἀγαθὰ ἐποίησεν (Иисусъ); ср. Іоан. XI, 45 (глаголь θεᾶσθαι наичаще вообще встрѣчается у Іоанна); ст. 24: здѣсь выраженіе τάφον καλούμενον κῆπον Ἰωσήφ—хотя и заимствовано, несомнѣнно, авторомъ изъ живаго, устнаго преданія своего времени, во всякомъ случаѣ примѣчательно по своему согласію съ Іоан. XIX, 41—42 въ обозначеніи мѣста погребенія І. Христа (κῆπος); ст. 48: συμφέρει γὰρ и пр.—выраженіе въ устахъ іудеевъ, по формѣ весьма сходное съ словами Καίαιы у Іоан. XI, 50; ст. 55—56: παρέχουσαν; ср. Іоан. XX, 5. 11; ст. 56: τίνα ζητεῖτε; Іоан. XX, 15. Справедливость требуетъ, впрочемъ, замѣтить, что по языку, характеру изложенія вообще, псевдо-евангеліе ближе стоитъ къ первымъ тремъ Евангеліямъ, къ которымъ, для сравненія съ ними отрывка, мы и переходимъ.

Слѣды литературной зависимости псевдо-евангелиста отъ первыхъ трехъ Евангелій настолько ясны, выразительны, что въ пользованіи съ его стороны по крайней мѣрѣ двумя изъ нихъ—Евангеліемъ Матѳея, а особенно Марка, не сомнѣваются даже и наиболѣе скептическіе изъ западныхъ критиковъ. Возраженія ихъ касаются главнымъ образомъ Евангелія Луки.

При сравненіи отрывка съ *Евангеліемъ Матѳея* наиболѣе выразительнымъ признакомъ того, что вседо-евангелистъ зналъ его и пользовался имъ, служитъ то обстоятельство, что почти всѣ тѣ особенныя, только евангел. Матѳеемъ передаваемые, извѣстія изъ исторіи суда надъ І. Христомъ, Его распятія, погребенія и воскресенія имѣются также и въ отрывкѣ. Таковы извѣстія: 1) объ умовеніи рукъ Пилатомъ,—о чемъ была, несомнѣнно, рѣчь ранѣе тѣхъ словъ, которыми начинается отрывокъ (ст. 1; ср. Мѳ. XXVII, 24); 2) о напоеніи І. Христа желчію, смѣшаннымъ съ уксусомъ (ст. 16; ср. Мѳ. XXVII, 34); акгу этому у псевдо-евангелиста при-

данъ лишь особенный характеръ; 3) о томъ, что гробъ, въ которомъ погребено было тѣло Господа, былъ *собственностію* Іосифа (ст. 24; ср. Мѡ. XXVII, 60); 4) о приставленіи стражи ко гробу для охраны его до третьяго дня (ст. 28 и д.; ср. Мѡ. XXVII, 62 и д.). Правда, рассказъ вседо-евангелиста въ этомъ пунктѣ отличается отъ повѣствованія ев. Матѡея многими особенностями; но всѣ эти особенности, какъ нетрудно видѣть, составляютъ не болѣе, какъ тенденціозное лишь распространеніе евангельскаго текста, слѣды котораго, несмотря на передѣлку, ясно видны еще въ отрывкѣ ¹⁾. Далѣе, какъ бы ни смотрѣть на фантастическое описаніе у псевдо-еван-

¹⁾ Таковы слова (ст. 30): μήποτε ἐλθόντες οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ κλεψώσιν αὐτὸν καὶ ὑπολάβη ὁ λαὸς κτλ., ср. Мѡ. XXVII, 64 (XXVIII, 13); въ ст. 28: συνήθρευτες κтл. ср. у Мѡ. συνήθρησαν.—Въ своихъ передѣлкахъ повѣствованія св. Матѡея псевдо-евангелистъ ясно преслѣдуетъ двѣ цѣли: доказать, во-первыхъ, еще полнѣе и нагляднѣе, чѣмъ у евангелиста, совершенную невозможность тайнаго, ночью, похищенія учениками тѣла І. Христа (съ этою цѣлію ускоряется *время* приставленія стражи ко гробу, *число воиновъ* представляется очень значительнымъ, такъ какъ при нихъ, въ качествѣ начальника, является еще сотникъ; говорится, что гробъ былъ запечатанъ *семью* печатями, и что въ субботу, на разсвѣтъ, народъ изъ Іерусалима и окрестностей приходилъ, чтобы видѣть запечатанный гробъ, т. е. повѣрить, запечатанъ ли онъ); и во-вторыхъ—собрать возможно бѣльшій сонмъ непосредственныхъ свидѣтелей воскресенія І. Христа; съ этою-то цѣлію глав. образ. и вводится у псевдо-евангелиста въ число стражи іудейскіе старѣйшины; присутствіе ихъ на стражѣ ему было особенно необходимо, чтобы ихъ же—распінателей Господа, представить ва тѣмъ, вмѣстѣ съ воинами, очевидцами Его воскресенія.—Относительно названія сотника *Петроніемъ Лодскъ* (р. 80), а за нимъ *Цапъ* (S. 40 f.) и *Гариакъ* (SS. 29, 66—67) полагаютъ, что псевдо-евангелистъ имѣлъ при этомъ въ виду, основываясь, можетъ быть, на какой-либо легендѣ, извѣстнаго *Петронія*, на мѣстника Сиріи между 39—42 годами по Р. Хр. (Schürer, Geschichte des jüd. Volkes, I, 421—424, 270). *Шубертъ* (S. 89) сомнѣвается въ справедливости этой догадки, но никакихъ основаній для такого сомнѣнія не представляетъ. Чтò, дѣйствительно, подлежитъ спору или сомнѣніямъ,—это утвержденіе Цапа, что будто бы авторъ псевдо-евангелія не зналъ того древняго преданія, по которому стоявшій при крестѣ сотникъ назывался *Лонтиномъ*. Замѣнить это имя, хотя онъ и зналъ его, другимъ именемъ (Петроній) авторъ долженъ былъ по необходимости, такъ какъ у него рѣчь идетъ совершенно о другомъ (вымышленномъ) сотникѣ. Можетъ быть, какъ это подозрѣваетъ самъ же Цапъ, *Петроній* въ Евангеліи *Петра* указываетъ на какую-либо особенную связь между этими двумя племенами. Вслѣдствіе простаго лишь созвучія именъ легенда могла сдѣлать Петронія точно также ученикомъ ап. Петра, какъ нѣкую *Петронию* (изъ вѣка Антониновъ) сдѣлала дочерію того же апостола. О личности Петрониаллы, ея почитанія въ западной церкви, см. замѣчанія у Lightfoot; S. Clement of Rome (The Apost. Fathers, vol. I, 1890), p. 37—38.

гелиста момента воскресенія І. Христа (ст. 36 и д.), какъ на произведеніе ли собственной фантазіи автора, или (что представляется намъ болѣе вѣроятнымъ (какъ на легенду, заимствованную имъ изъ устныхъ разсказовъ, и только лишь приспособленную имъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ къ своимъ анти-юдаистическимъ и особенно гностико-докетическимъ воззрѣніямъ¹⁾),—во всякомъ случаѣ въ основѣ его лежитъ, несомнѣнно, повѣствованіе евангелиста Матѳея. Изъ четырехъ евангелистовъ только онъ одинъ, какъ извѣстно, говоритъ о нѣкоторыхъ чудесныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ воскресеніе Господа Іисуса: *и се трусы бысть велии, — читаемъ у него, — ангелъ бо Господень сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ дверей гроба, и съдѣаше на немъ. Бъже зракъ его яко молнія, и одѣаніе его бѣло, яко снѣгъ. Отъ страха же его сотрясошася стрегущіи, и быша яко*

¹⁾ Нѣкоторыя изъ чертъ рисуемой авторомъ картины воскресенія носятъ на себѣ явно гностическій отпечатокъ. Таково напр. изображеніе воскресшаго Господа, какъ и поддерживавшихъ Его подъ руки ангеловъ, съ тѣломъ необыкновенныхъ, фантастическихъ размѣровъ; особенно же изображеніе креста, какъ нѣкотораго *одушевленнаго существа*, не только самодвижущагося, но и обладающаго даромъ слова (ст. 39—42). Многочисленныя ссылки у Шуберта (S. 103 f.) на подобныя же—яко бы картинныя описанія побѣдной силы, всемогущества креста Христова у св. Іустина, Иринея, Тертуліана, въ Актахъ Пилата, у св. Ефрема Спина, Іоанна Злат. и др. сходны съ словами псевдо-евангелиста только именно по своей картинности, живописности; нигдѣ и ни у кого крестъ не отдѣляется отъ Лица І. Христа, какъ какой-либо самостоятельный дѣятель или живое существо, какъ это видимъ у псевдо-евангелиста. Съ такимъ значеніемъ или характеромъ крестъ является только у валентиніанъ, у которыхъ имя креста (*σταυρός*) носилъ одинъ изъ эоновъ Плиромы—*ἄβρος*; и этотъ эонъ представляется у нихъ дѣйствующимъ—такъ сказать—рядомъ съ психическимъ Христомъ, *помогающимъ* Ему въ дѣлѣ спасенія Софіи—Ахамоеъ (см. «Ученіе о Лицѣ І. Христа въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства», В. Снегирева, стр. 87 и д.). Что въ описываемомъ у псевдо-евангелиста въ ст. 41—42 чудѣ имѣется въ виду фактъ сошествія І. Христа во адъ для проповѣди спасенія душамъ умершихъ (І. Петр. III, 18; Еф. IV, 9—10),—это не доказываетъ еще, что мы не имѣемъ права подовѣрять его, здѣсь по крайней мѣрѣ, въ какихъ-либо гностическихъ умозрѣніяхъ. Валентиніане, какъ извѣстно, принимали все, что говорится въ нашихъ Евангеліяхъ о страданіяхъ І. Христа, но они толковали эти страданія *въ символическомъ, таинственномъ* смыслѣ, какъ образы горняго (Iren. Contra haeres. lib. I, cap. VII, 2; VIII, 2). Такъ точно и церков. ученію о сошествіи І. Христа во адъ они могли придавать,—а вслѣдъ за ними и нашъ авторъ, какъ ихъ послѣдователь,—тоже свой таинственный смыслъ, видѣть въ немъ тѣ или другіе образы горняго, духовнаго міра Плиромы.

мертви (XXVIII, 2—4). Если съ этими словами евангелиста Матѳея сравнить разсказъ псевдо-евангелиста, нетрудно при-мѣтитъ слѣдующія сходныя черты между ними: а) по описа-нію ев. Матѳея, чудо воскресенія І. Христа начинается съ того, что сдѣлалось великое *землетрясеніе* (σεισμός ἐγένετο μέγας); по псевдо-евангелисту — съ того, что „громкій *голосъ* раздался не небѣ (μεγάλη φωνή ἐγένετο ἐν τῷ οὐρανῷ); такъ какъ ни у ев. Матѳея слово: σεισμός вовсе не необходимо понимать непременно въ смыслѣ *землетрясенія*, а можно понимать въ смыслѣ вообще *сотрясенія воздуха, шума, волненія*, ни у псевдо-евангелиста, равн. обр., слово φωνή не значить въ этомъ мѣстѣ именно *голосъ*, членораздѣльное слово (какъ въ ст. 41), а просто лишь неопредѣленный сильный шумъ или звукъ ¹⁾, то разность между ними будетъ состоять въ различномъ лишь обозначеніи одного и того же собственно чудеснаго явленія, имѣвшаго мѣсто въ воздушномъ или небесномъ пространствѣ и стоящаго у того и другого въ непосредственной причинной связи съ слѣдующимъ чудеснымъ явленіемъ; б) за „трусомъ велиемъ“ у ев. Матѳея говорится далѣе, что ангель Господень, *сшедъ съ небесе* (καταβάς ἐξ οὐρανοῦ), *приступилъ* (προσελθὼν) *отвали* (ἀπεχόλισε) *камень отъ дверей гроба*; видъ ангела, говорится, былъ, какъ молнія (ὡς ἀστραπή). У псевдо-евангелиста читаемъ (ст. 36): „и увидѣ же (воины) отверзстыя небеса и двухъ мужей въ яркомъ сіяніи (πολὸν λέγγος ἔχοντας) сошедшихъ (κατελθόντας) оттуда и приблизившихся ко гробу (καὶ ἐγγίσαντας τῷ ταφῷ); за исключеніемъ *числа* ангеловъ δύο ἄνδρας=Лук. XXIV, 4), самый фактъ явленія ихъ описы-вается, какъ видимъ, и у псевдо-евангелиста совершенно одинаково съ ев. Матѳеемъ; в) о *великомъ смущеніи или страхѣ воиновъ*,—о чемъ говорится у ев. Матѳея въ 4 ст., — знаетъ также и псевдо-евангелистъ, только замѣчаніе объ этомъ у него переносится на другое время (ст. 45),—на время именно прихода ихъ къ Пилату съ вѣстію обо всемъ видѣнномъ ими; замѣчательно также, что у него говорится о страхѣ или сму-

¹⁾ Словоμъ σεισμός у евангелиста же Матѳея обозначается напр. въ гл. VIII, 24 ст. волненіе морское. Употребленіе слова φωνή въ значеніи *звука* вообще (ἦχος) см. въ Дьян. II, 6; ср. ст. 2 ἦχος; въ Апокалипсисѣ, напр. VIII, 5; XI, 19; XIV, 2; XVI, 18.

щеніи *только именно воиновъ*, хотя очевидцами, вмѣстѣ съ ними, несравненно болѣе поразительнаго, чудеснаго явленія, чѣмъ явленіе первыхъ двухъ ангеловъ, очевидцами *самаго воскресенія* распятаго Господа были также и старѣйшины іудейскіе, разбуженные воинами тотчасъ же послѣ сошествія съ небесе ангеловъ (см. ст. 38 и д.); они же видѣли и явленіе третьяго ангела (ст. 44).

Въ томъ же отдѣлѣ о воскресеніи І. Христа не менѣ примѣчательны, какъ доказательство того, что псевдо-евангелистъ зналъ и пользовался Евангеліемъ Матѳея, слѣдующія данныя: 1) въ ст. 35 опредѣленіе *времени* воскресенія І. Христа („въ ту-же *ночь*, въ которую разсвѣталъ первый день недѣли“) есть, очевидно, неправильный лишь переводъ слова ев. Матѳея, XXVIII, 1: ὁψε δε σαββάτων, τῆ ἐπιφωσκούσῃ εἰς μίαν σαββάτων; 2) въ ст. 38 совершенно излишнее, по ходу повѣствованія, замѣчаніе псевдо-евангелиста: „ибо и они (старѣйшины іудейскіе) были въ числѣ стрегущихъ“ — можно объяснить не иначе, какъ такъ, что ему было извѣстно какое-то другое повѣствованіе (Евангеліе Матѳея), въ которомъ вовсе не говорится о присутствіи ихъ на стражѣ у гроба; 3) въ ст. 45—46 влагаемое въ уста сотника и воиновъ исповѣданіе: „воистину Сыпъ былъ Божій“, равно какъ и отвѣтъ Пилата на это исповѣданіе: „я чистъ отъ крови Сына Божія; вамъ же это было угодно“ — не напоминаютъ ли ясно — первое исповѣданіе сотника же и воиновъ при крестѣ І. Христа у Мѳ. XXVII, 54, а второй — на передаваемыя въ той же главѣ ев. Матѳея, стихѣ 24, слова Пилата, сказанныя имъ послѣ умовенія рукъ: *неповиненъ естъ отъ крове праведника сего: вы узрите?* И то и другое у псевдо-евангелиста приурочивается лишь совершенно къ иному времени и инымъ обстоятельствамъ, — вслѣдствіе чего по крайней мѣрѣ отвѣтъ Пилата является совершенно неумѣстнымъ, не идущимъ, какъ говорится, къ дѣлу.

Еще ранѣе, въ повѣствованіи о распятіи І. Христа, тенденціозный переводъ со стороны псевдо-евангелиста восклицанія Спасителя: не „Боже Мой, Боже Мой“ и пр., а „Сила Моя, сила“ и пр. (ст. 19) ясно указываетъ, что онъ читалъ это восклицаніе въ той его формѣ, въ какой оно приводится

у ев. Матѳея (XXVII, 46); ἡλί, ἡλί¹⁾),—на чтѣ указываетъ также и употребляемый у него для обозначенія самаго восклицанія тотъ же, какъ и у ев. Матѳея, глаголь—ἀνεβόησεν (у Мр. XV, ἐβόησεν). Отмѣтимъ здѣсь же, что хотя авторъ псевдо-евангелія и расходится съ первыми тремя Евангеліями въ опредѣленіи дня распятія І. Христа, тѣмъ не менѣе образъ выраженія его при этомъ (ст. 5) представляетъ примѣчательное сходство съ ихъ образомъ выраженія, особенно—ев. Матѳея: μία τῶν ἀζύμων=πρώτη τῶν ἀζύμων (Мѳ. XXVI, 17; ср. Мр. XIV, 12)²⁾.—Еще яснѣе и нагляднѣе, чѣмъ отъ Евангелія Матѳея, выступаетъ на видъ, при сравненіи, зависимость псевдо-евангелиста отъ *Евангелія Марка*. Съ наибольшею ясностію зависимость эта, какъ уже замѣчено, наблюдается въ повѣствованіи псевдо-евангелиста о женахъ—мүроносицахъ, ходившихъ ко гробу І. Христа на разсвѣтѣ перваго дня недѣли (ст. 50 и д; ср. Мр. XVI, 1—8). Въ числѣ встрѣчающихся здѣсь многихъ выраженій, буквально почти сходныхъ съ словами ев. Марка (ср. ст. 53 съ Мр. XVI, 3; ст. 55 съ Мр. XVI, 5; ст. 56 (51) съ Мр. XVI, 6; (Мѳ. XXVIII, 6); ст. 57 съ Мр. XVI, 8) особенно рѣзко бросается въ глаза одно въ ст. 54: „ибо камень *былъ* великъ“ (μέγας γὰρ ἦν ὁ λίθος). Въ Евангеліи Марка буквально такое же замѣчаніе о камнѣ (XVI, 4) дѣлается самимъ писателемъ, отъ своего лица,—а потому тамъ imperfect. ἦν—*былъ* стоитъ совершенно правильно; у псевдо-евангелиста же, влагающаго это замѣчаніе въ уста разговаривавшихъ между собою св. женъ, это—ἦν составляетъ очевидную грамматическую неправильность, вносящую въ разговоръ св. женъ если и не безсмыслицу, то нѣчто, логически не вяжущееся ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ: „кто же отвалитъ намъ камень, лежащій на двери гроба.....; ибо камень *былъ* великъ,—и мы боимся“ и пр. Не сказывается ли въ данномъ случаѣ особенно ясно компиляторскій характеръ писательства псевдо-евангелиста,

¹⁾ У Мр. XV, 34 читается: Ἐλωί, Ἐλωί—сирійская форма, образовавшаяся изъ *Елони*.

²⁾ Количественное числит. μία (εἷς) у псевдо-евангелиста имѣеть, очевидно, впаценіе порядковаго—πρώτη. Ср. 2 Макк. XV, 36: πρὸ μίας ἡμέρας τῆς Μαρδοχαίου ἡμέρας.

выписывающаго чужія слова безъ должнаго вниманія къ ихъ смыслу?—Выше мы уже указывали на стихи — 27-й и 60-й: въ первомъ изъ нихъ слова мнимаго автора псевдо-евангелія (ап. Петра) о своей и своихъ товарищей тяжелой скорби по поводу распятія Господа: *πενθοῦντες καὶ κλαίοντες*—буквально тѣже самыя, какими описывается скорбь апостоловъ и у ев. Марка въ XVI гл., ст. 10; во второмъ—60-мъ стихѣ ап. Матѳея называется у псевдо-евангелиста „Левіемъ, сыномъ Алфея“, какъ онъ называется только въ Евангеліи Марка (II, 14). Мѣсто это въ отрывкѣ не менѣе примѣчательно, впрочемъ, какъ свидѣтельство и по отношенію къ Евангелію Матѳея, такъ какъ только изъ сравненія повѣствованія Марка, равно какъ и Луки V, 27, съ извѣстіями у Матѳея въ IX, 9 и въ X, 3 усматривается, что сидѣвшій у сбора пошлинъ и призванный Господомъ къ слѣдованію за Собою—*Λεβίαι Ἀλφειῶν* (по Ев. Марка), просто *Λεβίαι* (по Ев. Луки) есть одно и то же лицо съ *Ματθαῖος*, и что этотъ *Λεβίαι μισθαρῆς* былъ призванъ потомъ къ *ἀποστολικῷ σερβείνῳ*.—Рав. обр., относительно фантастическаго разсказа о воскресеніи І. Христа было уже замѣчено, что въ основѣ его лежитъ, несомнѣнно, повѣствованіе ев. Матѳея (XXVIII, 1 — 4; 11 — 15): здѣсь къ сказанному прибавимъ, что нѣкоторыя черты въ этомъ разсказѣ ясно указываютъ на вліяніе также и другихъ Евангелій, въ особенности Евангелія Марка. Извѣстно, что между евангелистами—*Ματθαῖος* и *Μαρκῶς* съ одной стороны, и *Λουκῶς*—съ другой есть разница въ указаніи числа ангеловъ, видѣнныхъ св. женами при гробѣ воскресшаго Господа: первые два говорятъ объ *одномъ* лишь ангелѣ (Мѳ. XXVIII, 2 и д.; Мр. XVI, 5), послѣдній—о *двухъ* (Лук. XXIV, 4; ср. 23)¹⁾. Разность эту псевдо-евангелистъ, очевидно, очень хорошо зналъ; и его разсказъ о воскресеніи любопытенъ, между прочимъ, какъ наглядный опять образчикъ того, какъ авторъ

¹⁾ О евангел. Іоаннѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ у него *двухъ* ангеловъ видѣла одна лишь Марія Магдалина (XX, 12). Что же касается разногласія собственно между первыми тремя Евангеліями, то оно совершенно устраняется, если признать, что ев. Лука описываетъ особый отличный отъ описываемаго евв. Матѳея и Маркомъ приходъ св. жень. См. Еп. Теофана, «Евангел. исторія о Богѣ-Сынѣ» (Москва, 1885 г.), стр. 62, 65.

компилируетъ сказанія нашихъ Евангелій. Явленія ангеловъ располагаются у него въ слѣдующемъ порядкѣ: два ангела, называемые, какъ у ев. Луки (XXIV, 4), „двумя мужами“, отмѣчаются имъ при самомъ актѣ воскресенія Господа; они сходятъ съ небесъ, входятъ во гробъ и затѣмъ выходятъ изъ него вмѣстѣ съ Воскресшимъ, поддерживая Его подъ руки. Эти ангелы — слуги воскресшаго Господа, которые и сопровождаютъ Его на небо. *Одинъ же* ангель, о которомъ говорятъ Матѳей и Маркъ, изображается у псевдо-евангелиста, какъ ангель—*благовѣстникъ воскресенія* женамъ—мүроносицамъ: подобно первымъ двумъ онъ сходитъ также изъ отверзтыхъ небесъ и скрывается въ пустомъ уже гробѣ, гдѣ его потомъ и видятъ св. жены. Что все это есть, дѣйствительно, не болѣе, какъ разукрашенная лишь компиляція того, что авторъ читалъ въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ, — ясно уже изъ числа указываемыхъ имъ ангеловъ (только три): *два* ангела (Лк.) и *одинъ* ангель (Мѳ. и Мр.) составили у него *трехъ* ангеловъ, между которыми онъ и распредѣляетъ роли. Какъ компилятора, не выдаетъ ли себя авторъ также и чрезъ эту „пеструю,—по выраженію Цана ¹⁾,—смѣну названій“ ангеловъ: два ангела то называются у него „мужами“ (ст. 36), какъ у св. Луки, то „юношами“ (ст. 37); рав. обр., и одинъ ангель сначала названъ „человѣкомъ нѣкимъ“ (ст. 44), а потомъ — „юношею“ (ст. 55), какъ у св. Марка (XVI, 5). Въ сочиненіяхъ — компиляціяхъ нерѣдко, впрочемъ, и одно слово или терминъ яснѣе, чѣмъ цѣлыя сходныя тирады, даетъ знать, что писатель несомнѣнно пользовался тѣмъ или другимъ источникомъ. Такимъ словомъ или терминомъ по отношенію къ Евангелію Марка является въ отрывкѣ слово: *κεντορίων* (сотникъ). Во всемъ Н. Завѣтѣ слово это (лат. *centurio*, *centurionus*) встрѣчается, какъ извѣстно, только въ Евангеліи Марка (XV, 39, 44, 45). Это же слово или терминъ всюду (6-ть разъ), неизмѣнно, употребляетъ и псевдо-евангелистъ, говоря о сотникѣ.

Обращаемся, наконецъ, къ третьему, — послѣднему въ порядкѣ нашего обзоренія Евангелій, — *Евангелію св. Луки*.

¹⁾ Das Evangelium d. Petrus, S. 39.

Къ сдѣланнымъ уже выше замѣчаніямъ относительно сходства отрывка съ названнымъ Евангеліемъ въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе характеристическихъ словахъ и выраженіяхъ (ст. 5: καὶ σάββατον ἐπιφώσκει, ср. Лук. XXIII, 54; ст. 36: δύο ἀνδράς; ср. Лук. XXIV, 4; ст. 58—59: ὑποστρεφόντες εἰς τοὺς ὄχλους; διὰ τὸ συμβᾶν, ср. Лук. XXIV, 13 ид.) прибавимъ здѣсь еще слѣдующія: ст. 10: ἦνεγκον δύο κακοῦργους; такимъ именемъ распятыя разбойники называются только у св. Луки XXIII, 32, 33, 39; у Мѳ. XXVII, 38; Мр. XV, 27: δύο λησται; ¹⁾ ст. 28: ἴδετε ὅπως διχαιὸς ἐστίν, ср. Лук. XXIII, 47; ст. 46: ἐμὴν δὲ τοῦτο ἔδοξεν, ср. Лук. I, 3; ст. 50: ὄρθρου ср. Лук. XXIV, 1.—И въ данномъ случаѣ, впрочемъ, т. е. и по отношенію къ Евангелію Луки, наиболѣе ясное и рѣшительное доказательство зависимости отъ него псевдо-евангелиста заключается въ передачѣ послѣднимъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ исторіи суда надъ І. Христомъ и Его распатія—такихъ, которыя и ему, какъ и намъ теперь, могли быть извѣстны только изъ этого Евангелія. Мы разумѣемъ при этомъ, во 1, изображеніе Ирода (Антипы) въ роли судіи надъ І. Христомъ (ст. 1—5), и во 2, рассказъ о благо-разумномъ разбойникѣ (ст. 13—14). Чтò касается перваго обстоятельства, то какъ бы ни судить о томъ, *самъ ли* авторъ сочинилъ ту явно ложную, совершенно невозможную роль верховнаго судіи надъ І. Христомъ, въ какой Иродъ выступаетъ въ его псевдо-евангеліи, или же онъ является здѣсь просто передатчикомъ лишь невѣжественныхъ, фантастическихъ рассказовъ другихъ, — ясно одно, что и въ томъ и другомъ случаѣ основою или исходнымъ пунктомъ для ложнаго извѣстія послужило извѣстное повѣствованіе св. Луки о совершенно случайномъ, можно сказать, пребываніи І. Христа у Ирода во время судопроизводства надъ Нимъ (XXIII, 6 и д.). Въ повѣствованіи ев. Луки объ этомъ обстоятельстве отмѣчается между прочимъ, что *въ тотъ день* (т. е. послѣ оказанной Ироду со стороны Пилата любезности) *Пилатъ и Иродъ сдѣлались друзьями между собою* (ст. 12): какъ два друга, рисуются они также и у автора псевдо-евангелія (ст. 4). Эта

¹⁾ Кромѣ Евангелія Луки слово κακοῦργος встрѣчается еще только въ 2 Тим. II, 9.

частная сходная черта показываетъ, что какими бы посторонними источниками псевдо-евангелистъ ни руководился, приписывалъ Ироду совершенно ложную судейскую роль, ему въ точности было извѣстно въ то же время и подлинное сказаніе евангел. Луки. Что же говорить онъ о благоразумномъ разбойникѣ, нужно прямо и всецѣло уже отнести на счетъ самоличной фальсификаціи съ его стороны повѣствованія св. Луки (XXIII, 40—43). Двухъ различныхъ преданій въ этомъ случаѣ быть не могло. Преданіе могло переименовать, исказить слова разбойника къ своему товарищу по казни; но оно не могло забыть и исказить то, что составляетъ—такъ сказать—*душю* всей, передаваемой евангел. Лукою, трогательнѣйшей сцены: покаяннаго обращенія разбойника къ Иисусу и милосердаго отвѣта на него со стороны послѣдняго. Исказить, придать всей сценѣ совершенно иной характеръ могъ только самъ авторъ псевдо-евангелія подъ влияніемъ своей, ясно проглядывающей всюду въ его повѣствованіи, вражды, ненависти къ іудеямъ. — Относительно 25-го стиха отрывка было уже замѣчено ¹⁾, что описываемая здѣсь псевдо-евангелистомъ сцена горькаго якобы раскаянія „іудеевъ и старѣйшинъ и священниковъ“ въ совершенномъ ими преступленіи составлена имъ на основаніи одной, очень древней, апокрифической прибавки къ тексту Евангелія Луки, — именно къ 48 ст. XXIII главы. Равнымъ образомъ, ст. 28-й, гдѣ говорится, что будто бы „весь народъ“, возмущенный убійствомъ Праведника, *бѣя себя въ грудь*, говорилъ: „если во время смерти Его были такія великія знаменія, видите, *сколь праведенъ Онъ*“, есть также, очевидно, не что иное, какъ компиляція, составленная на основаніи стиховъ 47-го (исповѣданіе сотника: *воистину человекъ сей праведенъ бѣ*) и 48-го той же XXIII гл. Евангелія Луки: *и вси пришедшіи народы на позоръ сей, — читаемъ въ 48 ст., — видяще бывающую, бѣюще перси своя, возвращахуся.*

Таковы результаты сравненія содержанія отрывка съ нашими каноническими Евангеліями. Требовать большихъ доказательствъ того, что псевдо-евангелистъ пользовался нашими Евангеліями, — буквальныхъ напр. выписокъ изъ нихъ, —

¹⁾ См. Христ. Чтенію 1894 г., выш. I стр. 103—105.

значить требовать нѣчто такое, что прямо исключалось самымъ существомъ псевдепиграфическаго труда автора. Само собою разумѣется, что, начиная „чинить“ тенденціозную повѣсть свою, — и притомъ отъ имени первоверховнаго апостола Христова, авторъ долженъ былъ стараться о томъ, чтобы придать своему произведенію видъ особаго, самостоятельнаго повѣствованія; и только нужда и благоразуміе, — какъ говорить Цанъ ¹⁾, — заставляли его придерживаться хорошо всѣмъ извѣстнаго содержанія и тона повѣствованія каноническихъ Евангелій. Но если бы даже имѣлись въ отрывкѣ и цѣлыя строки или стихи, буквально сходныя съ текстомъ нашихъ Евангелій, послужило ли бы это для современныхъ отрицательныхъ критиковъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что псевдо-евангелистъ дѣйствительно пользовался ими? Не думаемъ. И тогда, какъ теперь, они продолжали бы упорно твердить, что сходство произошло отъ того, что псевдо-евангелистъ пользовался *тѣми же*, какъ и писатели нашихъ Евангелій, *источниками*, устными и письменными. Такова ихъ догма, что будто бы нашимъ каноническимъ Евангеліямъ предшествовала въ древней церкви цѣлая евангельская литература, изъ которой они и возникли мало по малу путемъ послѣдовательныхъ передѣлокъ и наслоеній въ содержаніи. И доколѣ эта ложная догма, какъ руководящій критическій принципъ, будетъ господствовать надъ ихъ умами, спорамъ и сомнѣніямъ съ ихъ стороны по поводу самыхъ очевидныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о непрерываемой подлинности и достовѣрности нашихъ Евангелій, — фактовъ, все болѣе и болѣе накопляющихся съ открытіемъ разныхъ памятниковъ изъ области древне-христіанской литературы, не будетъ конца.

¹⁾ Das Evangelium des Petrus, S. 48. Въ концѣ своихъ разсужденій о зависимости псевдо-евангелиста отъ нашихъ каноническихъ Евангелій Цанъ, между прочимъ, останавливается (с. 56) на самомъ надписаніи псевдо-евангелия: Ἐοαγγελίου κατὰ Πέτρον. Уже это надписаніе, по его мнѣнію, показываетъ, что онъ зналъ наши Евангелія не въ ихъ отдѣльности другъ отъ друга, а въ ихъ совокупности, какъ одно цѣлое или сборникъ, въ которомъ каждое изъ Евангелій надписывалось именемъ своего автора съ предлогомъ κατὰ. Соображеніе — совершенно вѣрное, если бы можно было уставить съ точностію, что вышеуказанное надписаніе псевдо-евангелия сдѣлано не позднѣйшею рукою, а самимъ авторомъ его. Въ послѣднемъ, однако, не увѣренъ, по видимому, вполнѣ и самъ Цанъ (см. S. 6, A. 2).

IV. Мѣсто и время написанія псевдо-евангелія.

Что касается *мѣста* написанія псевдо-евангелія, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что оно написано гдѣ-либо въ *Сирии*, можетъ быть даже—въ самой Антиохіи. Такъ нужно думать на основаніи, прежде всего, отрывка изъ посланія Серапіона, еп. антиохійскаго ¹⁾. О существованіи псевдо-евангелія Серапіонъ узналъ въ первый разъ при посѣщеніи имъ входившей въ составъ его діоцеза церкви Росской (въ Киликіи), куда оно было перенесено, какъ видно изъ его словъ, нѣкимъ *Маркіаномъ* и его единомышленниками,—людьми еретическаго образа мыслей; тотъ же экземпляръ, по которому епископъ антиохійскій ближе ознакомился съ содержаніемъ новаго евангелія, добытъ былъ имъ, по всей вѣроятности, въ Антиохіи. Въ Антиохіи же познакомился съ нимъ и жившій здѣсь долгое время *Оригенъ*. По своимъ гностико-докетическимъ воззрѣніямъ на Лицо І. Христа псевдо-евангеліе, какъ было уже замѣчено, примыкаетъ всего ближе къ воззрѣніямъ *восточной* вѣтви валентиніанъ, имѣвшихъ свое главное мѣстопробываніе также въ Антиохіи. На Антиохію же или Сирію вообще указываетъ, наконецъ, и названіе у псевдо-евангелиста сотника, начальствовавапшаго надъ стражею у гроба І. Христа, именемъ *Петронія*. Имя это, по всей вѣроятности—о чемъ также было уже замѣчено, заимствовано псевдо-евангелистомъ изъ какихъ-либо легендарныхъ сказаній о Петроніи, намѣстникѣ Сиріи между 39—42 годами по Р. Хр. Правда, отрывокъ псевдо-евангелія найденъ собственно въ Египтѣ, но сюда оно было запесено, вѣроятно, только монофизитами, какъ Евангеліе очень близкое или родственное по своему характеру съ ихъ воззрѣніями на человѣческую природу І. Христа.

Труднѣе установить съ точностію *время* написанія псевдо-евангелія. Изъ отрывка Серапіона антиохійскаго ясно только одно, что оно явилось не въ его лишь время (около 200 г.), что лица, доставившія ему экземпляръ псевдо-евангелія, сами получили его по преемству отъ другихъ, отъ которыхъ оно и вело свое начало. Но кто были эти другіе, отъ которыхъ оно

¹⁾ Euseb. Hist. Eccles., VI, 12. Текстъ отрывка въ рус. переводѣ см. въ «Христ. Чтеніи», 1894 г. выд. IV, стр. 27—28.

вело свое начало,—изъ отрывка ясно не видно; объ этомъ можно лишь догадываться. По словамъ Серапіона, лица, употреблявшаго Евангеліе Петра, извѣстны были въ Антиохіи подъ именемъ *докетовъ* (οὗς δοκητὰς καλοῦμεν), т. е. составляли, какъ надобно полагать, особую, подъ такимъ названіемъ извѣстную, секту. Основателемъ же такого рода секты, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, былъ *Юлій Кассіанъ*, бывшій сначала ученикомъ Валентина, но потомъ вышедшій изъ его школы вслѣдствіе разногласія по вопросу о бракѣ, который валентиніане одобряли, Кассіанъ же безусловно отрицалъ, какъ зло ¹⁾. Если предположить теперь, что въ средѣ этой именно секты Евангеліе Петра не только пользовалось лишь уваженіемъ вообще, но и написано кѣмъ-либо изъ ея первыхъ послѣдователей, отъ которыхъ и получили его, по преемству, современные Серапіону докеты, въ такомъ случаѣ временемъ написанія его можно считать время около 160 или 170 года,— время, когда, по всей вѣроятности, основана была Кассіаномъ своя, особая секта. На основаніи словъ же Серапіона, при сопоставленіи ихъ съ свидѣтельствомъ Климента Александрійскаго, возможно, однако, и другое, болѣе вѣрное или точное мнѣніе,—а именно, что къ докетамъ Евангеліе Петра перешло отъ валентиніанъ (восточныхъ); перешло чрезъ посредство того же Кассіана, основателя секты, какъ бывшаго ранѣе ученикомъ Валентиновой школы ²⁾. О западныхъ валентиніанахъ извѣстно, что кромѣ четырехъ каноническихъ Евангелій они имѣли еще *пятое*, называвшееся у нихъ *Evangelium veritatis*, что они,—какъ говоритъ св. Иринеи ³⁾,—даже хвалились тѣмъ, что имѣютъ болѣе Евангелій, чѣмъ сколько ихъ есть (въ церкви). По примѣру ихъ не могли ли и восточные валентиніане составить въ Антиохіи *свое пятое Евангеліе*, выдавъ его за Евангеліе именно ап. Петра, какъ первоверховнаго апостола Христова? Утверждать это, какъ несомнѣнное,

¹⁾ Stromat. lib. III, 13, 91—92, о другихъ свидѣтельствахъ относительно Кассіана и докетовъ см. у Гильгенфельда, Die Ketzergeschichte d. Urchristentums, Leipz. 1884. S. 546 f.

²⁾ По отношенію къ валентиніанамъ докеты, такъ обр., справедливо могли быть названы Серапіономъ *преемниками* (διαδοχοι); изъ ихъ школы вышелъ Кассіанъ; отъ нихъ же наследовали они и Евангеліе Петра.

³⁾ Contra haeres. lib. III, c. XI, 9

конечно, невозможно за отсутствіемъ прямыхъ свидѣтельствъ. Имѣющіяся, однако, въ псевдо-евангеліи черты, сходныя особенно съ ученіемъ восточныхъ валентиніанъ, дѣлаютъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ. Авторомъ его былъ кто-либо изъ учениковъ, или послѣдователей этой гностической школы. А посему и время происхожденія его можно полагать нѣсколько ранѣе 160 года. Періодомъ наибольшей славы и процвѣтанія школы Валентина было время между 140—160 годами ¹⁾. Въ промежуткѣ между этими-то годами и было, по всей вѣроятности, написано псевдо-евангеліе, такъ что неудивительно, если ко времени Серапіона оно получило уже довольно широкую извѣстность, пользовалось уваженіемъ не среди только антiохійскихъ докетовъ, но и другихъ еретиковъ, — каковыми могли именно быть упоминаемые Серапіономъ *Маркіанъ* и его единомышленники.

Протоіерей **В. Рождественскій.**

¹⁾ См. Heinici, Die Valentinianische Gnosis, s. 7. f.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки